

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

С. ПЕТЕРБУРГЪ
В. Г. ПЛАЗОВА

ИЗВѢСТІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

Выпускъ 21-й.

Съ 9 таблицами и 30 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Θ. Киршбаума.
1907.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммисіи.

А. Л. Бертъе-Делагардъ.

О ХЕРСОНЕСѢ.

Хрестообразный храмъ. — Крещальня. — Крепостная
ограда.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. О. Киршбаума.

1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Крестообразный храм	1— 70
II. Крещальня	70— 87
III. Крепостная ограда	87—172

Приложенія:

I. Списокъ опредѣленныхъ монетъ, найденныхъ въ некрополѣ	173
II. Опредѣленіе могилъ некрополя у крестоваго храма по монетамъ, въ нихъ найденнымъ	174—176
III. Древнѣйшій Херсонесъ по Страбону и раскопкамъ	177—207

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

21-ÈME LIVRAISON.

A. Berthier de Lagarde. Sur Chersonèse. Temple en forme de croix. —
Baptistère. — Enceinte de la forteresse (av. 9 planches et 30 figures).

О ХЕРСОНЕСѢ.

Крестообразный храмъ.—Крещальня.—Крѣпостная ограда.

I. Крестообразный храмъ.

Раскопки 1902 года въ Херсонесѣ, обнаружившія крестовый храмъ ¹⁾, возбудили вниманіе даже большой публики, вызвавъ тогда-же не мало толковъ и газетныхъ замѣтокъ. Проѣзжая въ Одессу въ январѣ 1903 г., я посѣтилъ этотъ храмъ и хотя могъ осмотрѣть его лишь очень поверхностно, такъ какъ день былъ темный и дождливый, полъ былъ покрытъ землей, а я имѣлъ времени только пока стоялъ пароходъ, но, въ виду большого значенія открытаго и неимѣнія никакого археологическаго описанія открытія, счелъ себя обязаннымъ сдѣлать о видѣнномъ краткое, безпритязательное сообщеніе Одесскому Обществу исторіи и древностей, напечатанное въ его протоколахъ (23-го января 1903 г., № 348). Въ этомъ коротенькомъ докладѣ я не имѣлъ возможности входить въ подробности, тѣмъ болѣе, что осматривалъ все очень бѣгло, безъ рисунковъ и плановъ, да и видѣлъ, что раскопки этой мѣстности еще не закончены. Я только намѣтилъ сущность найденнаго, какъ оно мнѣ тогда показалось, рассчитывая, что подробности послѣдуютъ въ отчетахъ, какъ то дѣлается для всякихъ раскопокъ Археологической Коммисіи. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1904 году появилось подробное описаніе раскопокъ 1902 года ²⁾, съ

¹⁾ Для краткости буду называть этотъ храмъ просто „крестовымъ“, опредѣляя этимъ словомъ плановое начертаніе храма и употребляя его исключительно въ замѣну слова „крестообразный“. Само собою разумѣется, что употребительное въ православной церкви названіе „крестовый“, означающее ставропигіальную или епископскую церковь, ни малѣйшаго отношенія къ настоящему случаю не имѣетъ.

²⁾ *Извѣстія Имп. Арх. Ком.и.*, вып. IX.

достаточнымъ количествомъ рисунковъ, и хотя я тамъ увидѣлъ и прочелъ многое, могшее дополнить и измѣнить мою коротенькую замѣтку, а также встрѣтилъ такія предположенія, съ которыми не могъ согласиться, но все же полагалъ преждевременнымъ давать дополнительные разъясненія, пока дальнѣйшія раскопки некрополя и вообще мѣстности вокругъ храма не выяснятъ въ большей мѣрѣ всѣ вопросы. Такія раскопки послѣдовали въ 1903 году, а ихъ описаніе вышло осенью 1905 г. Въ той же книжкѣ, вмѣстѣ съ этимъ описаніемъ, г. завѣдывающій раскопками въ Херсонесѣ разсмотрѣлъ и мою первоначальную замѣтку, указавъ ея не подлежащую сомнѣнію сплошную ошибочность ¹⁾. Я весьма благодаренъ г. Косцюшко-Валюжиничу за его вниманіе къ моей замѣткѣ, но думаю, что одною благодарностью не слѣдуетъ ограничиться, такъ какъ вопросы, поднятые имъ, а еще болѣе самими раскопками, имѣютъ не личный, а общій археологическій интересъ, выдвигая весьма многое по разнымъ, не твердо установленнымъ вопросамъ, относящимся къ началу христіанства и церковной архитектуры въ Херсонесѣ. Въ виду большого значенія всего этого мнѣ кажется, что будетъ не бесполезно представить объясненія и замѣчанія къ вопросамъ, поднятымъ какъ отчетомъ о раскопкахъ за 1902 и 1903 годы, такъ и указаніями ошибокъ. Я дамъ объясненія по сдѣланнымъ замѣчаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представлю болѣе подробное разсмотрѣніе раскопокъ вокругъ крестоваго храма, могущее послужить дополненіемъ моей предварительной замѣтки и сдѣланныхъ описаній. Нѣкоторыя части храма, возбуждавшія сомнѣнія, г. Косцюшко нашелъ возможнымъ, по моему просьбѣ, подвергнуть дополнительному разслѣдованію ²⁾. Прошу его принять мою глубочайшую благодарность.

Замѣчанія сдѣланы въ видѣ отдѣльныхъ заномерованныхъ положеній; всего удобнѣе будетъ и объясненія дать въ томъ же порядкѣ, при чемъ я буду имѣть въ виду не только эти замѣчанія, но и соответствующія мѣста описаній раскопокъ 1902 и 1903 годовъ.

1) На основаніи соображеній съ нѣкоторыми находками я предположилъ, что крестовый храмъ построенъ при Юстиніанѣ I, между прочимъ и потому, что на то указывали въ особенности монеты, най-

¹⁾ *Извѣстія*, в. XVI, стр. 111—113.

²⁾ [См. о немъ *Изв. II. Арх. Комм.* в. XX, стр. 96 сл. *Ред.*]

денныя заложеными въ стѣнѣ водоема его діаконика; ничто болѣе мнѣ тогда не было извѣстно. Г. Косцюшко, рассказавшій мнѣ о нахожденіи монетъ Юстиніана, соглашается, что этой находкой опредѣляется время построения діаконика, но считаетъ его пристроеннымъ къ храму позже и, стало быть, время построения послѣдняго — болѣе раннимъ. То же указано и въ описаніи (стр. 33—35), при чемъ сама пристройка называется крещальной.

2) Я прочелъ газетные рассказы о томъ, что храмъ имѣлъ четыре входныхъ двери, со всѣхъ поперечныхъ сторонъ рукъ креста, и назвалъ такое мнѣніе страннымъ. То же мнѣніе какъ въ описаніяхъ, такъ и въ замѣчаніи представлено какъ несомнѣнное.

Эти оба замѣчанія такъ связаны между собой, что и объяснять ихъ надобно вмѣстѣ. Вопросъ, поднятый ими о времени построения крестоваго храма, теперь, когда извѣстенъ весь матеріалъ, добытый раскопками, можетъ быть рѣшенъ болѣе опредѣленно, съ удовлетворительными доказательствами, о чемъ я и скажу въ концѣ, а пока разсмотрю лишь вопросы о разновременности построения храма и діаконика и о числѣ наружныхъ дверей.

Остатки храма имѣютъ въ планѣ видъ креста. Въ самомъ храмѣ не найдено какихъ-либо архитектурныхъ частей его, такихъ, чтобы по нимъ можно было твердо судить о времени его построения; нашлись только остатки декоративные (мозаичный полъ, кусокъ фрески, много розсыпи отъ стѣнной мозаики), и хотя эти находки и казались мнѣ идущими отъ VI вѣка, но рѣзко опредѣленнаго въ нихъ ничего не заключалось, и потому отступленія въ ту или другую сторону отъ этой средней нормы вполне возможны. Монеты, найденныя въ діаконикѣ, казались мнѣ, рѣшали дѣло вообще для всего храма. Теперь, когда я имѣю болѣе времени для осмотра храма на мѣстѣ и могу принимать въ соображеніе чертежи и подробныя описанія раскопокъ, можно этотъ вопросъ обставить болѣе точно и опредѣленно. Безъ рисунковъ обойтись нельзя и, давая ихъ, я выскажу маленькое пожеланіе въ отношеніи херсонесскихъ, да и всякихъ иныхъ плановъ зданій въ археологическихъ описаніяхъ. Все это, обыкновенно, не сопровождается подробными, по всѣмъ линиямъ и во всѣ стороны, разрѣзами и деталями, о чемъ приходится очень сожалѣть; а потому слѣдуетъ въ этихъ планахъ хотя бы окна и двери обозначать такъ, чтобы было понятно, что именно

изображено, глядя на одинъ планъ: для этого слѣдуетъ принять какой-либо условный способъ, напр., какъ то обыкновенно дѣлаютъ, предположивъ, что планъ рѣзанъ на высотѣ оконъ, прочерчивать въ нихъ толщину стѣнъ, а въ дверяхъ, для отличія, этого не дѣлать; не соблюдение какого-либо подобнаго, но однообразнаго условнаго приема очень затрудняетъ и часто дѣлаетъ совсѣмъ невозможнымъ пониманіе плановъ, въ малыхъ масштабахъ въ особенности.

И такъ, по отчету и замѣчаніямъ опредѣляется, что крестовый храмъ первоначально имѣлъ такой видъ ¹⁾:

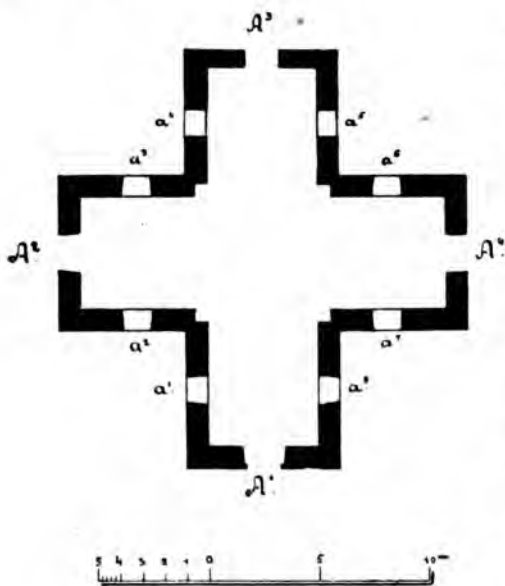

Рис. 1.

Здѣсь A^1 — A^4 обозначаютъ входныя двери, a^1 — a^8 окошки. Отнесемъ къ этому расположенію безотносительно къ тому, что было обнаружено дѣйствительно раскопками; въ такомъ случаѣ будетъ понятно, что подобный планъ точно указываетъ на центральную постановку главной сущности всякаго храма, расположеніе которой, при такомъ планѣ, возможно только въ пересѣченіи креста. Въ христіанской архитектурѣ это могли быть алтарь, самъ по себѣ или съ крип-

той подъ нимъ, или купель. Однако, насколько знаю, построеніе храма по такому плану (не просто креста, а съ четырьмя входами) совершенно неизвѣстно ни въ какія времена, за единственнымъ исключеніемъ, да и то указаннымъ въ грубомъ рисункѣ, но не сохранившимся въ какихъ-либо остаткахъ. Аркульфъ (епископъ VII вѣка) даетъ такой планъ для церкви, построенной надъ колодецемъ Самаритянки въ Наплузѣ, при чемъ самый колодець, конечно, былъ поставленъ въ пере-

¹⁾ Какъ этотъ планъ, такъ и планы другихъ крестовыхъ церквей даны въ одномъ масштабѣ (3:1000), для сравненія ихъ между собою; понятно, что все это я перерисовывалъ съ отчетовъ, а не снималъ самъ съ природы, провѣривъ только нѣкоторыя сомнѣнія.

сѣченіи креста, что и дѣлало планъ вполне рациональнымъ, соединяя идею святости алтаря съ всестороннею доступностью, свойственною колодцу вообще. Существуютъ христіанскія зданія первыхъ вѣковъ съ центральнымъ планомъ, храмы, мавзолеи и баптистеріи, напр. S. Costanza (Римъ—IV вѣка), S. Stefano rotonda (Римъ—V вѣка), San Lorenzo (Миланъ—будто бы IV вѣка, но такъ сильно передѣланъ, что, конечно, гораздо болѣе поздній, не ранѣе VI вѣка) и много другихъ. Всѣ эти зданія расположены по плану круга, а не креста, да и въ нихъ главныя части, алтари или купели, расположены въ центрѣ и двери во всѣ стороны случайны.

О храмахъ съ планомъ чистаго креста по наружнымъ обводамъ приходится говорить условно, потому что, видя таковой планъ, думается мнѣ, прежде всего необходимо установить, какая идея его вызвала; простой символъ, прямое подражаніе кресту—вовсе не единственная идея, какъ то обыкновенно думаютъ. Двѣ пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ линіи, едва-ли не первый рисунокъ, сдѣланный когда-либо человѣкомъ, составляютъ, конечно, крестъ, но символа послѣдняго вовсе не заключаютъ. Вотъ это и надобно помнить, разбирая планы христіанскихъ зданій. Напримѣръ, усыпальница Пальмиры, описанная г. Стржиговскимъ ¹⁾, сдѣлана въ видѣ креста, но я рѣшительно утверждаю, не смотря на большой авторитетъ писателя, что идеи креста въ нее не вложено; здѣсь виденъ только самый обыкновенный конструктивный приѣмъ, свойственный всѣмъ временамъ и вѣрованіямъ. Когда приходится изъ одной точки выйти въ трехъ направленіяхъ, подъ прямыми углами, то неизбежно получится форма креста, особенно въ подземномъ сооруженіи, гдѣ устойчивое равновѣсіе массъ можетъ не соблюдаться. Склепъ, найденный въ Херсонесѣ, также имѣетъ видъ креста и также его идеей не задавался, хотя и принадлежитъ христіанамъ ²⁾; такая же могила была найдена въ Римѣ ³⁾; подобныя распространены въ Сиріи ⁴⁾; такая же языческая въ Дельфахъ ⁵⁾; онѣ могутъ служить образцами зародышей, изъ которыхъ развиваются усыпальницы,

¹⁾ Strzygowski, Orient oder Rom, 12.

²⁾ Отч. 1901, 49, табл. I. Изв. IX, 115.

³⁾ Quast, Die alt-christl. Bauwerke. V. Ravenna, 48, pl. VI, fig. 3.

⁴⁾ Vogüé, Syrie Centrale, II, pl. 72, 80, 81, 88, 92 bis, 95 (могилы IV—V вѣка).

⁵⁾ Le Bas, Voyage en Grèce, ed. S. Reinach, 36, pl. 39.

подобія пальмирской. Только что въ раскопках ограды Херсонеса, почти на берегу Карантинной бухты, открыты стѣны зданія въ видѣ прекраснаго креста, съ двумя отдѣленіями по сторонамъ входа съ юга; не могу сказать, что это такое, но навѣрное не церковь. Очень много купольныхъ храмовъ называютъ крестовыми, и дѣйствительно, не трудно въ линіяхъ ихъ плана увидѣть изображеніе креста, но и тутъ вложена идея только устойчиваго равновѣсія массъ, неизбежно облекающаяся въ крестообразную схему, какъ только куполь воздвигаютъ на четырехъ опорахъ. Великолѣпный, чистѣйшій крестъ можно видѣть въ планѣ мечети XVI в. (Индія, Биндрабуръ), лучшаго креста нѣтъ въ планѣ ни одного христіанскаго храма; въ родѣ этой мечети — Пантеонъ въ Парижѣ; тоже крестъ въ планѣ языческихъ храмовъ Вишну, Сивы и Ананды въ той же Индіи и Бирмѣ (въ Байлурѣ, Гуллабадѣ, Паганѣ)¹⁾; въ древнемъ Египтѣ въ храмѣ подлѣ Сфинкса или въ склепѣ Адде²⁾. Наконецъ даже тамъ, гдѣ, казалось бы, нельзя сомнѣваться въ осуществленіи идеи креста, все же можно скорѣе предполагать простое повтореніе существующаго безъ отношенія къ символу; напр., крестовые храмы св. Марка въ Венеціи или св. Фронта въ Перигорѣ, простое подражаніе храму св. Апостоловъ въ Константинополѣ. Итакъ, чистыя формы креста съ его символической идеей, насколько мы знаемъ, были вложены въ планы храмовъ рѣдко, а до насъ почти ничего не дошло. (Я говорю о первыхъ вѣкахъ христіанства, а не о средневѣковой архитектурѣ). О церкви св. Апостоловъ въ Константинополѣ мы знаемъ только слова Проконія; о храмѣ надъ колодцемъ въ Напрузѣ сказано выше; церковь св. Назарія Великаго въ Миланѣ нѣтъ достаточнаго основанія считать дошедшею до насъ въ видѣ, сколько-нибудь похожемъ на первоначальный; совершенно невразумительное и даже едва ли не фантастическое описаніе церкви крестомъ, но съ однимъ входомъ, предположенной св. Григоріемъ Нисскимъ, врядъ-ли было выполнено³⁾; соединенныя въ крестъ разныя зданія (Калать-Семанъ) не могутъ считаться только храмомъ⁴⁾; церковь въ Адрианополѣ, кажется, строена

¹⁾ Fergusson, History of indian architect., 1899, стр. 463, 395, 399, 615.

²⁾ Fergusson, A history of architect., 1893, I, 107; Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, I, 329, 412.

³⁾ Красносельцевъ, Очерки изъ ист. храма, 196—200.

⁴⁾ Vogüé, Syrie Centrale, pl. 139, 145.

крестомъ, но передѣлана и перестроена ¹⁾; развалины крестовыхъ церквей, повидимому, кое-гдѣ сохранились въ Арменіи, но ихъ время не достаточно ясно опредѣлено; во всякомъ случаѣ, оно не ранѣе VII вѣка, да и это мало вѣроятно ²⁾. Естественно здѣсь вспомнить церковь св. Назарія и Кельсія въ Равеннѣ; это единственная крестовая, дошедшая до насъ въ цѣлости отъ первыхъ вѣковъ, но и въ ней не полное сходство съ крестовымъ храмомъ Херсонеса. Она строена не какъ храмъ, а какъ мавзолей-усыпальница (для Галлы Плавиды, Константа и Гонорія); имѣетъ планъ въ видѣ удлиненнаго, а не равноконечнаго креста; входъ въ нее одинъ. Прилагаю ея планчикъ съ разрѣзомъ (рис. 2); по сравненію будетъ видно, что эта усыпальница значительно меньше во всѣхъ частяхъ крестоваго храма и существенно отъ него отличается отсутствіемъ боковыхъ придѣловъ, важнаго церковнаго устройства, и совершенно упрощенной постановкой алтаря, болѣе поздняго.

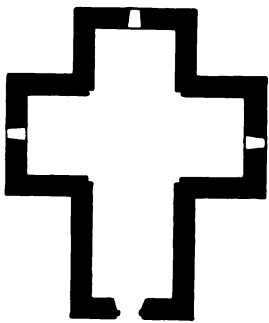

Рис. 2. Планъ.

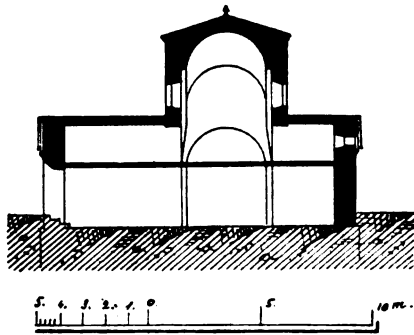

Рис. 2. Разрѣзъ.

Въ самомъ Херсонесѣ были открыты церкви почти совершенно тождественнаго плана съ крестовой; на нихъ я указывалъ въ своей бѣглой замѣткѣ и буду говорить далѣе; входная дверь и въ нихъ только одна главная и по одной боковой.

Мы видимъ, что въ планахъ церквей въ видѣ равносторонняго креста, имѣющихъ входы со всѣхъ четырехъ сторонъ, должно найти и центральность расположенія главной части христіанскаго храма; но въ разсматриваемомъ случаѣ не найдено и малѣйшаго признака чего-либо подобнаго; напротивъ того, все открытое отчетливо и согласно указы-

¹⁾ Choisy, Hist. de l'archit., II, 41.

²⁾ Теръ-Мовсесянъ, Раскопки церкви св. Григорія, *Извѣст.* VII, 43, табл. XVII и XIX. Судя по фотографіямъ фасадовъ, церкви въ Аламанѣ и Талинѣ имѣютъ крестовый планъ.

васть на продольное расположеніе частей храма: алтарь находился въ восточной части креста, а не въ его центрѣ, и самый мозаичный полъ вполне сообразованъ съ этимъ алтаремъ, ничѣмъ не указывая на какую бы то ни было въ немъ, а значить и въ алтарѣ, передѣлку по существу плана храма. Я говорю согласно точнаго осмотра, сожалья, что рисунокъ этого пола не изданъ; впрочемъ, частью по описанію, частью по приложенной фототипіи можно видѣть, что вся схема пологого рисунка ясно продольная, а не центральная ¹⁾. Весь рисунокъ таковъ, какимъ ему и слѣдуетъ быть, представляясь входящему въ западныя двери (A^1). Центральная чаша и всѣ птицы и звѣри въ боковыхъ завиткахъ широкихъ полей, заходящихъ въ южный и сѣверный рукава креста, стоятъ низомъ и ногами къ западному входу, головами къ алтарю. Напротивъ того, входящему въ сѣверныя или южныя двери (A^2 и A^4) эти изображенія представляются бокомъ, а входящему съ востока—совершенно перевернутыми. Конечно, все это было рассчитано на постановку молящихся исключительно къ востоку при главномъ входѣ съ запада, иначе художники, дававшіе рисунки этого пола, имѣли входы со всѣхъ сторонъ, сумѣли бы дать иной рисунокъ, центрально скомпонованный ²⁾. Можно счесть, что алтарь и самый полъ—позднѣйшіе и что ранѣе было нѣчто въ самомъ пересѣченіи креста; такое предположеніе (не сдѣланное, однако, никѣмъ) не вполне невозможно, но для его разслѣдованія необходимо сломать всю середину пола, на что рука не поднимается; впрочемъ, надо сказать, что подъ значительною частью середины храма расположены склепы, не имѣющіе никакого отношенія къ храму ³⁾, а потому очень мало вѣроятія найти тамъ еще

¹⁾ *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, IX, 35—37, табл. III.

²⁾ Впрочемъ, надо думать, что рисунокъ пола данъ или заимствованъ извнѣ, а въ самомъ Херсонесѣ сколько-нибудь грамотныхъ рисовальщиковъ не имѣлось. Это видно вотъ изъ чего. Мѣста для половъ въ боковыхъ рукавахъ квадратныя и схемы рисунковъ мозаики тоже даны квадратныя, но лишь въ томъ случаѣ, если средніе мотивы мозаики окружены со всѣхъ четырехъ сторонъ широкимъ бордюромъ. Пожелавъ почему-то придвинуть средніе узоры боковыхъ рукавовъ къ центральному, не отдѣляя ихъ широкимъ бордюромъ, пришлось боковыя квадратныя схемы обратить въ прямоугольныя. Въ сѣверномъ рукавѣ было легко прибавить полосу геометрическаго орнамента, но въ южномъ не могли сладить съ сложнымъ квадратнымъ рисункомъ и оставили его квадратомъ, а подлѣ дверей образовалась полоса вовсе безъ мозаики, или, если она и была, то не отвѣчала вполне законченному рисунку всего этого рукава.

³⁾ *Изв.*, IX, табл. II, планъ храма.

что-либо, напр. кабую-либо скрытую крипту; таковая болѣе возможна подъ алтаремъ ¹⁾. Уже изъ сказаннаго видно, какъ были бы желательны дополнительные разслѣдованія, которыя возможны даже и для середины креста, съ помощью подземнаго хода изъ склепа № 1410 къ алтарю ²⁾.

Независимо отъ общаго рисунка пола и положенія частей храма, не позволявшихъ думать о четырехъ входахъ,—и на самыхъ поперечныхъ стѣнахъ, при быстромъ ихъ осмотрѣ, я также не примѣтилъ слѣдовъ дверей. Южная стѣна вся сложена вновь; сѣверная—древняя, но никакого признака двери снаружи не имѣетъ; на восточной былъ примѣтенъ, частью, какъ бы слѣдъ двери, но предполагать ее тамъ, казалось бы, совсѣмъ невозможно.

Вотъ причины, давшія мнѣ поводъ усомниться въ возможности входовъ въ крестовый храмъ съ четырехъ сторонъ. Въ виду настоятельнаго утвержденія этого обстоятельства я вновь посѣтилъ развалину и на свободѣ изслѣдовалъ ее.

Ближайшій подробный осмотръ показалъ слѣдующее: не вся южная стѣнка была разрушена, нижній рядъ камней сохранился и подъ нимъ можно усмотрѣть полоску мозаичнаго пола, что, конечно, указываетъ на существовавшую дверь, впоследствии заложенную; то же самое нашлось внутри храма и съ сѣверной стороны, гдѣ, кромѣ того, въ стѣнѣ, на мѣстѣ бывшей двери, задѣлана при ея закладкѣ трапецидальная капитель (не база, какъ сказано въ описаніи). Слѣдъ дверей съ востока примѣтенъ, какъ я уже говорилъ и выше; чтобы убѣдиться несомнѣнно въ существованіи столь невѣроятнаго входа, закладка была

¹⁾ Дополнительные разслѣдованія алтаря, однако, крипты, по письменному сообщенію К. К. Косцюшко, не обнаружили; нашлись только двѣ могилы некрополя, бывшія ранѣе построенія храма, ничего особеннаго въ себѣ не заключавшія; въ одной нашлась монета Херсонесской элевѣрии, т. е. около половины III в. по Р. Хр.

²⁾ Рисунокъ пола сѣвернаго рукава описанъ не достаточно ясно; о немъ сказано, что это „паркетъ самаго разнообразнаго рисунка... какъ будто собраны образцы всевозможнаго орнамента“ (*Изв.* IX, 36). Въ существѣ своемъ этотъ рисунокъ становится легко и точно, хотя полъ и испорченъ. Онъ на всемъ протяженіи совершенно однообразный, геометрическій, состоящій изъ точно одинаковыхъ, повторяющихся, пересѣкающихся углами квадратовъ; этимъ пересѣченіемъ образуются малые квадратики. И въ большихъ и въ малыхъ квадратахъ вписаны, сторонами перпендикулярно къ діагоналямъ, другіе квадраты и лишь внутри послѣднихъ, и только большихъ, выдѣланы разнообразные узоры тоже исключительно геометрическаго характера.

разобрана и обнаружилось ясно, что тутъ также была дверь, впоследствии заложенная. Такимъ образомъ оказывается, что храмъ дѣйствительно имѣлъ двери со всѣхъ сторонъ, не исключая и алтарной, что, насколько я знаю, безпримѣрно и для меня остается невразумительнымъ. Предположеній можно сдѣлать нѣсколько, но ни одно изъ нихъ ничѣмъ не можетъ быть подтверждено. Входы съ сѣвера и юга возможны и дѣлались; они были закрыты послѣ устройства мозаичнаго пола. Входъ со стороны алтаря не имѣетъ никакого смысла, и относительное время его задѣлки изо всего обнаруженнаго не опредѣляется. Быть можетъ, послѣдняя была сдѣлана именно для устройства алтаря и сообразованнаго съ нимъ мозаичнаго пола; въ такомъ случаѣ, первичное назначеніе зданія или идея его внутренняго расположенія были иныя. Главный входъ съ запада — самый широкій, 1,66 м. снаружи и 1,88 внутри; остальные три входа приблизительно, въ предѣлахъ ошибокъ скверной кладки, имѣютъ около 1,28 шир. снаружи. Внутри храма боковые входы имѣли ширину около 1,50 м., но алтарный—тѣ же 1,28, что и снаружи. Разная ширина внутри и снаружи происходитъ отъ обычно устраиваемыхъ во входныхъ отверстіяхъ, сверху и съ боковъ, каменныхъ выступовъ, притолокъ или боковыхъ откосовъ, которыхъ не сдѣлано въ алтарномъ входѣ. Эта особенность даетъ поводъ думать, что восточнѣе алтаря могло быть какое-то помѣщеніе, не связанное съ кладкой стѣнъ храма, въ которое вела не обыкновенная дверь съ притолокой, какъ должно было сдѣлать для всякой наружной двери, а просто не закрывающееся отверстіе. Устраивая сидѣнія по стѣнамъ алтаря, его задѣлали, а само помѣщеніе вовсе сломали. Въ соотвѣтствіе съ этимъ предположеніемъ, но тоже не менѣе удивительно, что алтарный рукавъ креста заканчивается прямой стѣной, а не полукружіемъ или особой апсидой; это для древнихъ храмовъ почти безпримѣрно. Мнѣ извѣстно только одно такое расположеніе, и то въ церкви, передѣланной изъ языческаго храма ¹⁾. Однако, еще разъ скажу, что для всей этой странности не нахожу ни точнаго объясненія, ни подобія.

Впереди наружнаго входа въ описаніи, на таблицѣ плана храма, показанъ слѣдъ портика съ антами и двумя колоннами. Такое расположеніе еще болѣе подчеркивало бы продольность храма, но эта часть

¹⁾ Texier, Architecture Byzantine, 96.

рисунка есть соображеніе, а не дѣйствительная находка. Въ настоящее время никакого признака чего-либо подобнаго не усматривается, да и въ описаніяхъ сказано, что здѣсь стояла база на землѣ¹⁾. Но база колонны портика храма могла стоять лишь на особой стѣнѣ, поднятой до уровня пола храма, возвышающагося здѣсь надъ землей болѣе метра, а такой стѣны не оказалось. Анты такого портика составляютъ всегда продолженіе стѣны храма и иначе быть не могутъ, слѣдовательно, и постлѣ разрушенія портика слѣды его сломанныхъ антовъ должны сохраняться во всю высоту стѣны у угловъ зданія, а между тѣмъ эти углы совершенно чисты и не обнаруживаютъ никакихъ разрывовъ или передѣлокъ,—они точно такіе же, какъ и со всѣхъ остальныхъ сторонъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что соображеніе о портикѣ съ антами техникой наглядно опровергается. Скорѣе можно было бы допустить открытый тетрастильный портикъ, но и для этого нѣтъ никакихъ основаній, говоря въ переносномъ и буквальномъ смыслѣ, такъ какъ необходимые подъ портикъ высокіе фундаменты и цоколя не могли бы исчезнуть, если бы были. Надо прибавить, что въ храмѣ того же крестоваго типа, открытомъ въ 1897 г., тоже была найдена база колонны передъ западнымъ входомъ и тоже безъ какихъ-либо фундаментовъ. Въ общемъ, предположеніе портика у этихъ храмовъ ничѣмъ не подтверждается, хотя его возможности и нельзя отрицать въ смыслѣ архитектурно-историческомъ.

Съ правой стороны храма имѣется отдѣленіе, придѣлъ (объ его вѣроятномъ назначеніи см. далѣе), которое будто бы построено позже самаго храма; это соображеніе основано на томъ, что отдѣленіе пристроено къ стѣнѣ храма и не связано съ нимъ, а два окна храма будто бы передѣланы въ двери для сообщенія съ этимъ придѣломъ. Эти утвержденія мнѣ не кажутся пригодными. Неперевязъ стѣны храма и придѣла ничего не доказываетъ, такъ какъ византійцы принципиально не вязали стѣны различно нагруженныхъ, какъ именно и было въ настоящемъ случаѣ, гдѣ рядомъ съ относительно высокими стѣнами широкаго храма былъ придѣлъ, низкій и малый. Такая независимость стѣны была тогда общимъ правиломъ, подтвержденіе котораго можно найти въ томъ же Херсонесѣ повсюду, хотя бы въ храмѣ, подобномъ

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 45 и 2 табл.

крестовому, открытомъ въ 1897 году ¹⁾. Его остатки еще стоять и по нимъ можно убѣдиться, что и тамъ стѣны боковыхъ придѣловъ не связаны съ стѣнами храма, а никто еще не думалъ, что эти придѣлы позднѣйшей пристройки, такъ какъ это существенныя части храма, его жертвенникъ и діаконикъ.

Что касается до дверей въ придѣлъ, будто бы передѣланныхъ изъ оконъ, то и это соображеніе не подтверждается. Вообще говоря, не всегда даже и очень опытный знатокъ можетъ сказать съ увѣренностью, что въ древней постройкѣ дверь передѣлана изъ окна, если размѣры послѣдняго не измѣнены. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака передѣлки дверей a^5 и a^6 изъ оконъ, напротивъ того, все заставляетъ видѣть здѣсь двери отъ начала постройки. Съ сѣверной стороны алтаря также имѣются двѣ двери a^3 и a^4 , теперь заложеныя; онѣ также не передѣланы изъ оконъ и съ ясностью указываютъ на то, что и съ сѣверной стороны былъ съ основанія храма придѣлъ, симметричный южному, впоследствии уничтоженный; повидимому, именно отъ этого придѣла сохранилась вымостка пола въ наружномъ сѣверо-восточномъ углу храма. Точно такіе придѣлы мы видимъ и въ другихъ двухъ крестовыхъ храмахъ. Пробивать двери a^3 и a^4 только для сообщенія съ сосѣдними зданіями никто бы не сталъ, такъ какъ изъ алтаря дверь A^3 уже имѣлась, да и двѣ двери для этой цѣли, почти рядомъ стоящія, являлись совершенно излишними. Самая симметричность пары дверей на сѣверѣ алтаря съ такой же парой на югѣ показываетъ, что и назначеніе ихъ было одинаково, и именно такого спеціально-церковнаго характера, при которомъ въ то же помѣщеніе приходилось имѣть дверь изъ алтаря для клира и изъ самой церкви для вѣрныхъ, не могущихъ проходить черезъ алтарь. Всѣ эти двери, такъ же, какъ и всѣ окна храма, сдѣланы безъ притолокъ, но съ откосами, а это также показываетъ, что двери были внутренними и закрывались не тяжелымъ полотномъ, какъ наружныя, а легкимъ щиткомъ или даже занавѣсью. Къ этимъ соображеніямъ надобно прибавить, что и въ кладкѣ стѣнъ храма и придѣла нѣтъ ни малѣйшей разности ни въ чемъ; и одна, и другая работаны совершенно одинаково и какъ бы одной рукой. Это, по современному, простая бутовая кладка изъ очень посредственныхъ,

¹⁾ Отч. Имп. Арх. Кз.м.м. 1897, стр. 98.

даже плохихъ; въ нее употреблялся камень и отъ бывшихъ построекъ и, повидимому, отъ могильныхъ памятниковъ некрополя, какъ видно по продолговатому камню сѣверо-восточнаго угла, гдѣ изображена хризма, бокомъ по длинѣ камня, который ранѣе, очевидно, стоялъ надъ могилой.

Такимъ образомъ изъ всего вышесказаннаго мы можемъ видѣть, что крестовый храмъ представляетъ расположеніе, согласное съ установившимся канономъ византійскаго храма; близкіе образчики таковаго храма извѣстны въ самомъ Херсонесѣ, такъ что нѣтъ надобности искать ихъ въ Равеннѣ, гдѣ имѣется лишь довольно отдаленное подобіе въ усыпальницѣ.

Въ раскопкахъ 1897 года открытъ храмъ таковаго вида (рис. 3 ¹⁾):

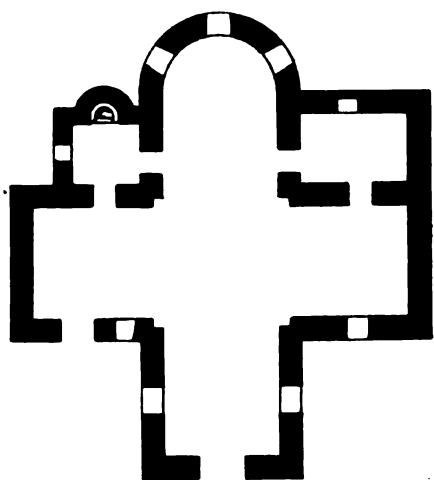

Рис. 3.

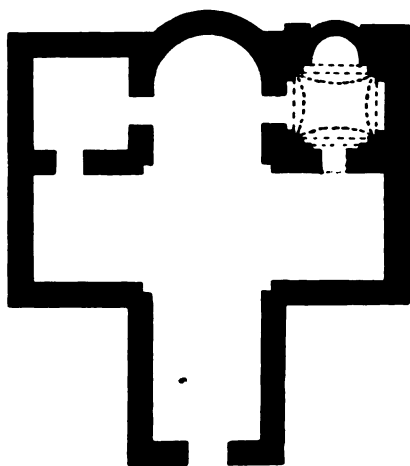

Рис. 4.

Онъ отличается отъ крестоваго только тѣмъ, что въ немъ отдѣленіе съ водоемомъ, діаконикъ, сдѣлано, какъ принято въ церквахъ на западѣ, съ сѣверной, а не съ южной стороны; кромѣ того, алтарный рукавъ креста законченъ въ видѣ полукружія, а не прямой линіи.

Первая церковь, открытая въ Херсонесѣ въ началѣ прошлаго вѣка, та, въ которой, какъ воображаютъ, крестился Владиміръ, еще точнѣе схожа съ крестовымъ храмомъ, отличаясь только закругленіемъ алтарнаго рукава креста (рис. 4).

¹⁾ Отчетъ И. Арх. К. за 1897, стр. 98.

Планъ этого храма, снятый архитекторомъ Авдѣевымъ, а потомъ арх. Вяткинымъ, печатался часто ¹⁾. Планъ Авдѣева отличается тѣмъ, что въ немъ сѣверный придѣлъ показанъ какъ бы независимымъ отъ храма и позже сдѣланнымъ; но это ошибка, догазуемая для привычныхъ къ условнымъ знакамъ технического чертежа самымъ разсмотрѣніемъ его мелкихъ подробностей. Представленный выше планчикъ сдѣланъ съ рисунка Вяткина, который былъ не только знающій и очень добросовѣстный архитекторъ, но и имѣлъ передъ собой полныя раскопки всей площади, а не частичную раскопку храма, какъ Авдѣевъ. Рисунокъ Вяткина согласенъ и съ планомъ Херсонеса у графа Уварова, хотя послѣдній, какъ общій планъ города, данъ въ очень маломъ масштабѣ. (Этотъ рѣдчайшій печатный листъ достался мнѣ изъ бумагъ арх. Авдѣева, которому былъ присланъ самимъ графомъ Уваровымъ).

Наконецъ были найдены и маленькія крестовыя усыпальницы при раскопкахъ 1878 и 1901 годовъ ²⁾. Эти и по смыслу и по плану наиболѣе подобны мавзолею Галлы Плакиды, но, разумѣется, время ихъ построенія иное, позднѣйшее, и этимъ примѣромъ я хочу сказать только, что аналогіи упрощенныхъ плановъ еще не достаточно для рѣшенія вопроса о времени сооруженія храма.

Изъ обсужденія всего сказаннаго мы можемъ заключить, что крестовый храмъ, служившій, повидимому, образцомъ для двухъ другихъ, по нимъ же можетъ быть и дополненъ. Онъ былъ построенъ не въ видѣ простаго и чистаго креста, а имѣлъ еще и придѣлы: южный уцѣлѣлъ (діаконикъ), а отъ сѣвернаго сейчасъ остались только двери изъ храма и вымостка пола. Планъ крестоваго храма въ его первоначальномъ видѣ мы можемъ себѣ представить такимъ (рис. 5).

Въ немъ мы видимъ четыре входныя двери, $A^1—A^4$; внутреннихъ дверей также четыре ($\sigma^1—\sigma^4$); оконъ въ самомъ храмѣ четыре ($a^1—a^4$), въ правомъ придѣлѣ два ($a^5—a^6$) и, вѣроятно, было столько-же въ лѣвомъ, сломанномъ. Не невозможно, что были окна и въ алтарѣ, высоко поднятыя надъ поломъ.

¹⁾ Авдѣевъ, Развалины Херсонеса. *Архитектурный Вѣстникъ* 1859, № 3, 207. *Зап. Од. Общ.*, т. V, табл. 6. Провѣрить въ натурѣ теперь нельзя, такъ какъ стѣны храма были большею частью сломаны, передѣланы и изуродованы при постройкѣ новаго храма.

²⁾ *Отч. Од. Общ.* за 1878 г., планъ раскопокъ. *Извѣстія*, IV, 52.

Изъ сравненія плановъ этихъ трехъ храмовъ видно, что не только ~~расположеніе ихъ частей~~, но даже и всѣ размѣры почти точно одинаковы. Думаю, что будетъ полезно рассмотретьъ и способъ ихъ покрытія, поскольку это выяснилось раскопками, такъ какъ этотъ вопросъ представляетъ не малый интересъ. Давно уже я высказалъ свое мнѣніе для перваго изъ этихъ храмовъ, тогда единственнаго (рис. 4), имѣя для соображеній только остатки стѣнъ, по которымъ и думалъ, что ни купола, ни сводовъ надъ этимъ храмомъ не было ¹⁾. Того же мнѣнія былъ и Авдѣевъ, опытный архитекторъ; его соображенія тогда мнѣ не были извѣстны ²⁾. Съ той поры обширныя раскопки, можно сказать, ничего не дали опредѣленнаго, но всетаки, собравъ и сличивъ все, что найдено по всѣмъ тремъ храмамъ одного типа, можно получить большее приближеніе. Были ли эти храмы перекрыты сводами и куполами, являясь представителями болѣе или менѣе значительнаго развитія техники, или это были сараеобразныя зданія, въ этомъ отношеніи подобныя базиликамъ и, стало быть, стоящія на низкомъ уровнѣ архитектурнаго замысла? Вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго въ ту или другую сторону опредѣлить для этихъ случаевъ и степень культуры Херсонеса въ архитектурномъ смыслѣ.

Я рассмотрю всѣ три храма вмѣстѣ, такъ какъ можно утверждать, что они и въ этомъ отношеніи были близко подобны. Исслѣдованіе начну съ ихъ боковыхъ частей и закончу центромъ.

У всѣхъ трехъ храмовъ имѣются придѣлы, почти квадратныя, съ малыми апсидами; въ двухъ храмахъ (рис. 4 и 5) угловыя опоры при-

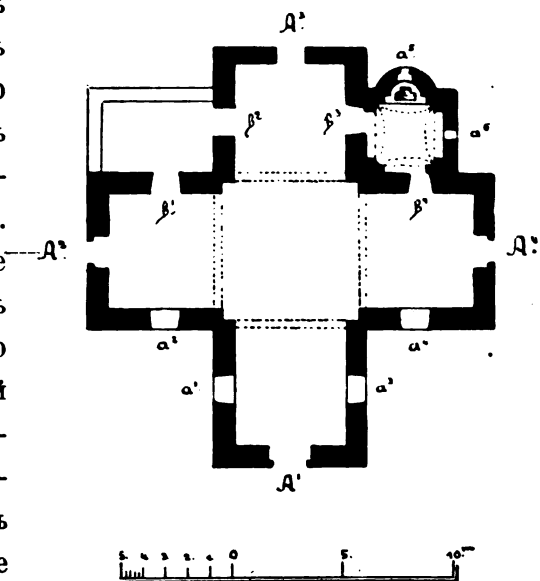

Рис. 5.

¹⁾ Раскопки Херсонеса (*Мат. по арх. Россіи № 12*), 40.

²⁾ Авдѣевъ, *ор. с. Арх. Вѣстн.* 1859, № 13, 213.

дѣловъ въ планѣ имѣють по три выема, а это съ совершенной технической очевидностью указываетъ на то, что придѣлъ внутри имѣлъ четыре арки, по одной съ каждой стороны, а середина его была покрыта сводомъ или крестовымъ, или паруснымъ; этого точно теперь опредѣлить нельзя, но вѣроятнѣе, что паруснымъ, какъ болѣе простымъ и красивымъ. Планъ этого сводчатаго покрытія показанъ условными точками на рис. 4 и 5. Для наглядности того, что могло быть, даю рядомъ два рисуночка (6 и 7), изображающихъ внутренность очень близко подобныхъ зданій, одного съ паруснымъ, а другого съ крестовымъ сводами ¹⁾.

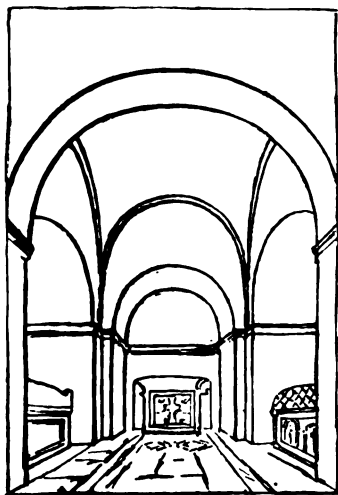

Рис. 6.

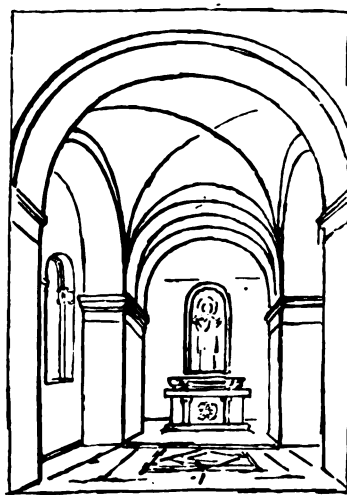

Рис. 7.

Малыя апсиды этихъ придѣловъ были перекрыты во всѣхъ трехъ храмахъ полукуполами; въ одномъ часть этого перекрытія сохранилась (рис. 3), показывая крайне грубую, неряшливую работу ²⁾. Въ этомъ именно храмѣ весь придѣлъ не былъ покрытъ сводомъ, потому что въ немъ, какъ видно изъ плана, оказались только стѣны, безъ угловыхъ опоръ, образующихъ пяты подпружныхъ арокъ.

Придѣлы съ другой стороны тѣхъ же храмовъ, удлиненнаго плана, ни малѣйшаго признака сводчатаго перекрытія не сохранили и, конечно,

¹⁾ Эти рисуночки сдѣланы упрощенно, только въ ихъ главныхъ архитектурныхъ линияхъ, по Ferguson, History of architect., I, 435. Оба образца изъ Равенны, одного времени, близкаго крестовому храму; первый изображаетъ внутренность мавзолея Галлы Плакиды, второй—часовни архіепископскаго дворца.

²⁾ Отчетъ П. А. К. за 1897, 105, рис. 216.

его не имѣли, такъ какъ легко и безслѣдно уничтожались, чего не рѣшились бы сдѣлать, если бы надъ ними было сводчатое перекрытіе, бывшее весьма важнымъ для устойчиваго равновѣсія рукавовъ креста, въ которыхъ не могло бы не быть сводовъ, если даже и боковые при- дѣлы были перекрыты.

Относительно покрытія рукавовъ креста раскопки перваго храма (рис. 4) ничего не открыли. Описаніе раскопокъ храма 1897 года (рис. 3) также не показываетъ нахождения какого-либо признака остатковъ сводовъ; ихъ не примѣтно и въ сохранившихся развалинахъ, внимательно осматрѣнныхъ, а между тѣмъ въ сѣверномъ рукавѣ высота стѣнъ еще настолько значительна (до четырехъ метровъ), что должны бы быть пяты сводовъ, или хотя бы карнизы подъ пятами, impostы арокъ, безъ которыхъ едва-ли обошлись бы. Сохранилось здѣсь высоты стѣнъ болѣе трехъ четвертей пролета, а этого довольно, чтобы увидѣть и начало сводовъ, если они были. Для послѣдняго храма (рис. 5) мы имѣемъ прямыя указанія нахождения при раскопкахъ остатковъ обрушенныхъ сводовъ, но эти указанія уничтожаются дальнѣйшимъ соображеніемъ, гдѣ сказано, что вмѣсто сводовъ была устроена позже деревянная крыша ¹⁾. Въ такомъ случаѣ, какъ бы ни были неряшливы горожане, они все же не оставили бы въ церкви обрушенныя части сводовъ, устраивая новую крышу и возобновляя храмъ, значитъ, и кусковъ сводовъ, казалось бы, нельзя найти, если нашлась деревянная крыша. По подробнымъ разспросамъ оказывается, что были найдены кирпичи, но принадлежность ихъ именно сводамъ есть уже просто догадка и не установлена совершенно точно. Эти кирпичи могли происходить и отъ ихъ слоевъ, проложенныхъ въ стѣнахъ храма, чего есть и остатки, и отъ арокъ надъ окнами и дверьми. Кирпичи, найденные здѣсь слипшимися растворомъ, не сохранились. Одного взгляда техника было бы довольно, чтобы съ точностью опредѣлить, что именно найдено. Поневолю пожалѣешь, что такового не было въ Херсонесѣ въ минуту раскопокъ ²⁾.

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 35, 40.

²⁾ М. И. Скубетовъ, которому приношу благодарность, только что сообщилъ свою замѣтку о найденной при раскопкахъ внутри крестоваго храма обрушившейся массѣ кирпичной кладки. Изъ данныхъ имъ ея вида и размѣровъ видно, что она могла принадлежать своду, очерченному радіусомъ въ 2,58 м. и слѣдовательно по размѣрамъ возможно предполагать, что это часть свода, бывшаго надъ рукавомъ

Итакъ, раскопки ничего точнаго въ отношеніи способа покрытія рукавовъ креста не даютъ. Приходится и теперь, такъ же, какъ и 20 лѣтъ тому назадъ, опредѣлять это дѣло просто по техническимъ соображеніямъ. Толщина стѣнъ этихъ трехъ храмовъ—около 0,90 м. (близко $1\frac{1}{4}$ арш.) въ послѣднемъ и около 1,10—2,15 въ первыхъ двухъ; пролетъ около 5 м., а высоту стѣнъ подъ пята можно допустить не болѣе 3— $3\frac{1}{2}$ м. во всѣхъ трехъ храмахъ. При такихъ условіяхъ и хорошей кладкѣ стѣнъ перекрытіе коробовыми сводами мыслимо, но въ томъ именно и дѣло, что кладка всѣхъ стѣнъ просто бутовая, очень плохая, и хотя по размѣрамъ ихъ своды и возможны, но вѣроятно, что въ такомъ случаѣ кладка была бы сдѣлана лучше.

Опредѣленіе способа перекрытія самой главной и трудной части храмовъ, ихъ середины, пересѣченія креста, можетъ быть сдѣлано точнѣе. Во внутреннихъ углахъ пересѣченія стѣнъ всѣхъ трехъ храмовъ имѣются выемы разной мѣры, около 0,58—0,55 м. въ храмъ св. Владимира, 0,48—0,55 въ храмъ 1897 г. и до 0,65 м. въ крестовомъ храмъ некрополя. Сами по себѣ эти выемы, не имѣющіе никакого конструктивнаго значенія, ничего ровно и не опредѣляютъ, такъ какъ, вообще говоря, цѣль ихъ устройства исключительно декоративная. Они дѣлаются только для того, чтобы дать игру свѣтотѣней въ углахъ опоръ, сдѣлать послѣднія легче и фигуриѣе помощью увеличенія профиловокъ. Вышеприведенные рисунки 6 и 7 хорошо поясняютъ, въ чемъ тутъ дѣло, такъ какъ на одномъ изъ нихъ есть выемы въ углахъ (мавзолей Галлы Плакиды), а на другомъ этихъ выемовъ нѣтъ (часовня), что не мѣшаетъ и въ одномъ и въ другомъ случаѣ быть перекрытію сводами, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ не трудно себѣ вообразить, что своды надъ серединой замѣнены стропилами, все же остальное безъ перемѣны.

креста, съ малымъ допускомъ невѣрности, совершенно обычной въ византийскихъ постройкахъ. Бѣда въ томъ, что размѣръ слишкомъ хорошо приходится, а главное, въ найденномъ кускѣ были три ряда кирпичей одинъ надъ другимъ, т. е. сводъ былъ будто бы въ три кирпича, въ 0,81 м. толщиной. Это размѣръ, годный для сопротивленія снарядамъ орудій, но для храма не только невѣроятный, а прямо невозможный по даннымъ стѣнамъ; никакой сводъ здѣсь не было надобности и дѣлать толще одного кирпича. Приходится думать, что найденная масса не могла принадлежать своду храма; ея длина показана въ 1,06 м. только, и слѣдовательно опредѣленіе кривизны было весьма трудно и сомнительно при такомъ маломъ кускѣ.

На рис. 8 я даю схему плана обыкновеннаго купольнаго покрытія по четыремъ столбамъ-пилонамъ, всѣ разныхъ плановъ, безъ выемовъ и съ различными выемами; всѣ они одинаково указываютъ на одно и то же покрытіе, и примѣры любого изъ этихъ приѣмовъ, или многихъ подобныхъ, декоративной обдѣлки пилоновъ безчисленны. Въ этой схемѣ предполагается на средней части барабанъ, покрытый куполомъ, но, судя лишь по плану пилоновъ, этого нельзя утверждать безусловно, и середина могла быть перекрыта по барабану просто стропилами, при чемъ въ планѣ пилоновъ ничто бы не измѣнилось. Фигура пилона въ планѣ

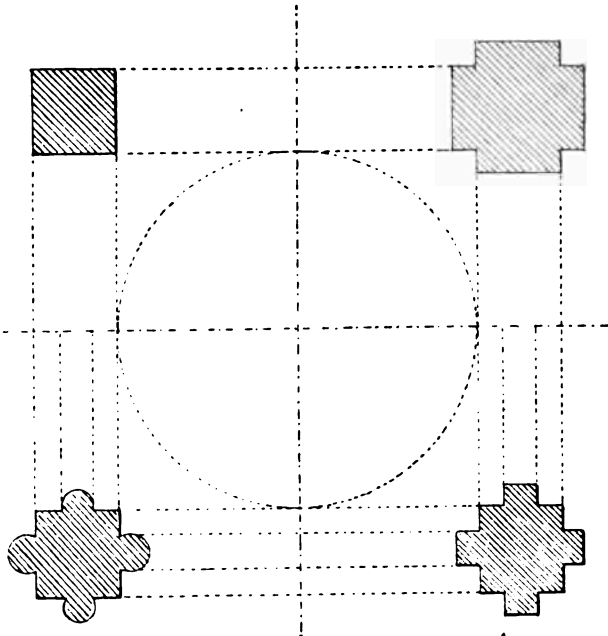

Рис. 8.

до такой степени второстепенна съ конструктивной точки зрѣнія (разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ), что прилагаемую схему можно было бы осуществить сразу, поставивъ на разныхъ изображенныхъ пилонахъ вполне прочный барабанъ съ куполомъ, если пренебречь архитектурнымъ безобразіемъ такой окрошки. Одна изъ немногихъ церквей Херсонеса ¹⁾, въ остаткахъ которой, по расположенію, размѣрамъ и плану пилоновъ и пилястровъ подпружныхъ арокъ, можно было съ несомнѣнностью видѣть покрытіе сводами и куполомъ, никакихъ выемовъ въ углахъ пилоновъ не имѣетъ. Вотъ еще примѣры храмовъ, близко подобныхъ во всѣхъ отношеніяхъ: св. Марка (Венеція)—пилоны съ выемами и св. Фронта (Перигоръ)—безъ выемовъ ²⁾. Такихъ примѣровъ можно набрать очень много.

¹⁾ Эта церковь—правѣ храма св. Владиміра; ея схема въ „Раскопкахъ Херсонеса“, 40, табл. III, рис. 19.

²⁾ Choisy, Hist. de l'arch., II, 52—53: рядомъ рисунки обоихъ храмовъ, крестообразнаго плана.

Ничего не говоря сами по себѣ, эти выемы имѣютъ иное значеніе. Прежде всего мы видимъ, что они ослабляютъ самыя отвѣтственныя части зданія—его углы до такой степени, что, напр., въ послѣднемъ крестовомъ храмѣ остается въ углахъ толща стѣны около 0,25 м. (т. е. 5—6 вершк.), а въ одномъ углѣ, сѣверо-восточномъ, остается стѣны всего 2—3 вершка, такъ какъ сдѣланы еще другіе выемы непонятнаго назначенія. Отсюда получается прочное заключеніе въ томъ, что надъ серединой этого храма не могли быть подняты стѣны, образуя родъ башни, какъ въ мавзолеѣ Галлы Плакиды, ибо эти стѣны могли имѣть толщину не болѣе сказанной (5—6 вершк., 0,25 м.), т. е. были неисполними; на рис. 5 предположеніе возможныхъ стѣнъ показано точками въ серединѣ креста. Въ другихъ двухъ храмахъ угловые выемы меньше, а стѣны храма толще, и стало бы стѣны башни могли доходить до 0,55 м., дѣлаясь исполними, но утвердить на нихъ какое бы то ни было сводчатое покрытіе, при отверстіи около 5 м., почти невозможно. Впрочемъ, если такого не могло быть въ первомъ храмѣ, то можно утверждать, что его не было и въ двухъ другихъ, во всемъ подобныхъ. Въ мавзолеѣ Галлы Плакиды, при меньшемъ отверстіи (3,7 м.) и очень хорошей кладкѣ стѣнъ сплошь изъ кирпича, стѣны средней башни имѣютъ толщину 0,70 м. Ослабленіе угловъ крестовыхъ храмовъ, къ тому же столь непомерно большое, не позволяетъ думать, чтобы на такія слабыя мѣста рѣшились опереть хотя бы и не поднятый сводъ, а просто расположенный въ уровнѣ пересѣченія, или почти, боковыхъ сводовъ, парусный или крестовый. Исходя изъ этихъ соображеній, можно съ достаточной увѣренностью сказать, что середина храмовъ не могла быть покрыта даже и низкимъ сводомъ, а тѣмъ болѣе невозможны башня или барабанъ съ куполомъ. Здѣсь могло быть только простое стропильное перекрытіе.

Возвращаясь теперь назадъ, можно думать, что если сама середина храма не покрыта сводами, то не было никакого смысла, красоты или выгоды покрывать сводами руки креста, а слѣдовательно такое предположеніе, хотя и возможное технически, мало вѣроятно по соображенію съ остальнымъ. То же доказываетъ и совершенное отсутствіе обломковъ сводовъ въ развалинахъ трехъ храмовъ или частей арокъ и сводовъ даже на высоко сохранившихся стѣнахъ, что почти необъяснимо, такъ какъ пяты и начала сводовъ и арокъ сохраняются, вообще говоря, хо-

рошо, а искусственнаго ихъ обрушенія людьми всего менѣе можно ожидать, потому что это, обыкновенно, бываетъ довольно опасно, да и бесполезно тамъ, гдѣ камня сколько угодно. Съ другой стороны подтвержденіемъ сдѣланному выводу служитъ находеніе при раскопкахъ, опять-таки во всѣхъ трехъ храмахъ, остатковъ пожара и горѣлыхъ балокъ и стропиль, чего ни въ какомъ случаѣ быть не могло при сводчатомъ-купольномъ покрытіи, которое по византійскому правилу забучивалось, вывершивалось и покрывалось не иначе какъ камнемъ и черепицей. Въ ихъ пониманіи и климатѣ сдѣлать свѣрхъ свода деревянную крышу, какъ мы дѣлаемъ теперь, было грубой нецѣлостію, и такое устройство, да и то не на чистомъ востокѣ, я знаю только въ Равеннѣ (церковь св. Виталія и баптистерій), но и тутъ покрытіе крышей объясняется чрезвычайной тониной и особымъ матеріаломъ купола, и дождливымъ климатомъ Равенны. Св. Георгій въ Салоникѣ, очевидно, первоначально крыши не имѣлъ, и она добавлена уже впоследствии.

Итакъ оказывается, что въ двухъ храмахъ покрыто сводами только по одному придѣлу; это былъ, конечно, діаконикъ, онъ же скевофилакій или хартофилакій, да, вѣроятно, и газофилакій. Важностью назначенія этой части храма опредѣляется и его сводчатое покрытіе, предохранявшее въ значительной мѣрѣ отъ пожара и грабежа; и обратно, сводчатое покрытіе указываетъ на то, что эти придѣлы, всего вѣроятнѣе, имѣли именно указываемое назначеніе. Въ третьемъ храмѣ (рис. 3) даже и этотъ придѣлъ, перенесенный на сѣверную сторону, не былъ покрытъ сводомъ. Всѣ остальные части храмовъ и пристроекъ къ нимъ всего вѣроятнѣе были перекрыты деревомъ, т. е. стропилами, а по нимъ черепицей; возможно, что были и деревянные потолки подъ затяжками стропиль.

Въ то время, къ которому относится построеніе крестоваго храма некрополя, перекрытіе вообще храмовъ деревомъ, при разныхъ планахъ, было еще дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Однако, надо связать, что даже и этимъ легкимъ способомъ перекрытіе середины, совершенно возможное, представляется недостаточно яснымъ при тѣхъ большихъ выемахъ, которые мы видимъ въ углахъ. Все можно было бы очень упростить, украсить и даже исполнить перекрытіе сводами, прибѣгнувъ къ простому способу, извѣстному гораздо ранѣе построенія крестоваго храма (напр. базилика Максентія въ Римѣ, церковь св. Августина въ Сполето), а

именно къ постановкѣ въ выемахъ угловъ колоннъ. Такое предположеніе тѣмъ болѣе можетъ показаться вѣроятнымъ, что и заложенная въ стѣну капитель и найденная у входа база отлично подходятъ къ той колоннѣ, которая хорошо становится въ углы (около 0,40 м. діам. и около 0,35 м. въ оба другіе храма). Еслибы мы знали только два первые храма, то такое предположеніе можно было бы высказывать не безъ основанія, но въ третьемъ храмѣ (некрополя) всѣ углы выемовъ покрыты мозаикою, при выработкѣ узора которой явно имѣлось въ виду заполнить эти углы; стало быть, несмотря на всю соблазнительность и историческую вѣрность указаннаго архитектурнаго приема, приходится представлять себѣ что-нибудь иное.

Въ описаніи указывается, впрочемъ, со словъ духовныхъ лицъ, что вышеописанный придѣлъ крестоваго храма, покрытый сводомъ, былъ крещальной, такъ какъ тамъ найдена купель ¹⁾. Я не могу съ этимъ согласиться. Крещальню не было никакого повода дѣлать особенно прочною, покрывая ее сводомъ, да и въ храмѣ не позже Юстиніана I едва ли можно найти купель въ видѣ маленькаго, но глубокаго водоема, и къ тому же поставленнаго такъ, что доступъ къ нему могъ быть только черезъ церковь. Для крещенія тогда служили особо устроенные баптистеріи съ большими купелями, годными для взрослыхъ, и если по нуждѣ, которой не было въ Херсонесѣ, а въ особенности въ загородномъ кладбищенскомъ храмѣ, и были маленькія купели, то онѣ могли стоять только въ притворахъ, но никакъ не во главѣ храмовъ, куда доступъ некрещенымъ безусловно возбранялся. Найденный водоемъ названъ въ отчетѣ крестообразнымъ, но онъ достаточно цѣль, чтобы ясно видѣть его фигуру: она имѣла видъ не креста, а буквы Т, съ размѣрами около 0,25 м. наибольшей длины и 0,35 наименьшей ширины въ стѣну, глубиною около 0,77 м. ²⁾ Схему всего плана см. на рис. 9.

Эта фантастическая форма точно умышленно придана для того, чтобы затруднить употребленіе этого водоема для купели; размѣры крайне недостаточны, даже невозможны для взрослыхъ; они должны были бы туда лазить по особой приставной лѣстницѣ, а изъ купели ихъ прихо-

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 33.

²⁾ Водоемъ считаютъ обдѣланнымъ мраморомъ внутри, но это не такъ: онъ былъ оштукатуренъ сильнымъ цемянковымъ растворомъ гладко до блеска, а такая работа отрицаетъ мраморную облицовку.

дилось бы вытаскивать; для дѣтей глубина непомерно велика. Все это указываетъ невѣроятность сдѣланнаго предположенія о купели. Дѣлаемое сравненіе этого водоема съ купелью настоящаго баптистерія подлѣ уваровской базилики неудачно. Тамъ купель круглая, около 2,35 діам. внутри, конечно, по общему порядку, имѣвшая еще вертикально поставленныя выше пола плиты; все вмѣстѣ образовывало большой и глубокій бассейнъ, его глубина и теперь 0,74 м., а была, вѣроятно, около метра; входили въ него тремя ступенями; только въ днѣ его былъ образованъ крестъ, на высоту одной ступени.

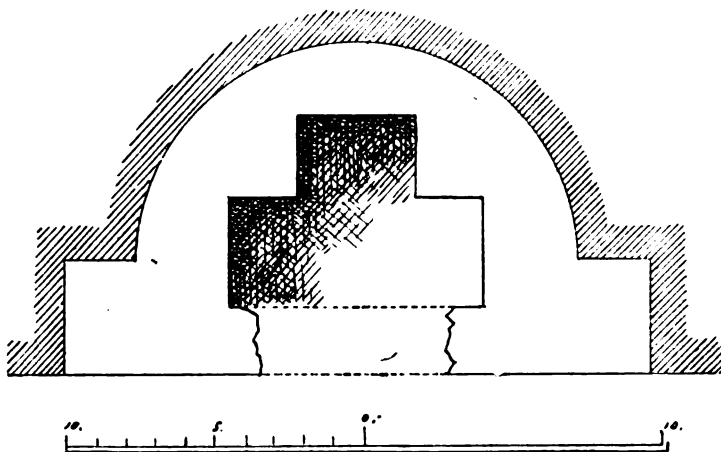

Рис. 9.

Такіе водоемы, какъ въ крестовомъ храмѣ, устраиваемые для омовенія церковныхъ сосудовъ и рукъ, уже находили въ Херсонесѣ: въ томъ храмѣ, что представленъ на рис. 3 ¹⁾, въ храмѣ открытѣмъ правѣе нынѣшняго храма св. Владиміра ²⁾, подлѣ большого баптистерія уваровской базилики, хотя и снаружи его, но выложенный мраморными плитками ³⁾; можетъ быть, и еще были найдены, но я не могу вспомнить. Въ послѣднихъ двухъ храмахъ водоемы нашлись съ сѣверной стороны алтаря, т. е. діаконики были здѣсь расположены совершенно

¹⁾ *Отчетъ* 1897 г., 104—105.

²⁾ Теперь эти развалины почти сломаны и, что еще хуже, изуродованы. На планѣ открытія ихъ (*Зап. Од. Общ.*, т. V, табл. 6) водоемъ обозначенъ буквой *n* и названъ мѣстомъ жертвенника, но я все это еще видѣлъ въ достаточной цѣлости и нахожу, что здѣсь былъ маленькій водоемъ, а вовсе не впадина жертвенника, въ которой нѣтъ никакой надобности.

³⁾ *Извѣстія*, IV, 92.

такъ, какъ было и удержалось въ церквахъ запада (и армянскихъ), по сѣверную, правую сторону алтаря (напр., базилика св. Климента въ Римѣ). Вѣроятно, назначеніе придѣловъ съ той или другой стороны алтаря во время этихъ храмовъ еще не было строго установлено, что, разумѣется, по существу дѣла не мѣняло. Къ разряду такихъ же водоемовъ, быть можетъ, долженъ быть отнесенъ и цѣльно-мраморный, найденный не на мѣстѣ, а отдѣльно лежащимъ, принятый мною за переносную купель ¹⁾. По аналогіи съ позднѣйшими, вышеуказанными находками (особенно храмомъ 1897 года), возможно, что это не переносная купель, а тоже водоемъ, бывший гдѣ-нибудь вставленнымъ, можетъ быть, именно въ крестовомъ храмѣ св. Владимира, подлѣ сѣверной стороны котораго, снаружи, онъ и найденъ и въ діаконикѣ котораго водоемъ, повидимому, не былъ находимъ, а долженъ бы тамъ быть.

Въ восточной церкви такіе водоемы нынѣ не употребительны, но представленіе о нихъ, быть можетъ, сохранилось въ чинѣ посвященія иподіаконовъ, которымъ даютъ держать лахань; въ древности самое ихъ посвященіе дѣлалось въ діаконикѣ, и на прямой обязанности иподіаконовъ лежала вся служба тамъ, омовеніе сосудовъ и подача священникамъ воды для омовенія рукъ ²⁾. Исчезнувъ на востокѣ, водоемы-раковины удержались на западѣ, съ тѣмъ же назначеніемъ омовенія сосудовъ и рукъ. Они тамъ извѣстны подъ именемъ piscines, credences. Замѣчательно, что на западѣ ихъ ввелъ лишь въ IX вѣкѣ папа Левъ IV, приказавъ дѣлать подлѣ алтаря въ секретаріи, т. е. въ діаконикѣ ³⁾. Теперь можно видѣть, что это устройство было извѣстно гораздо ранѣе, и, надо думать, папа Левъ IV только подтвердилъ его, а не выдумалъ вновь, можетъ быть, заимствуя съ востока, а изъ этого слѣдуетъ, что въ это время устройство водоемовъ еще было употребительно и на востокѣ.

Несомнѣнные купели также открыты въ Херсонесѣ, и хотя онѣ находятся въ связи съ храмами, но помѣщены не въ нихъ самихъ. Извѣстенъ большой баптистерій съ купелью въ полу рядомъ съ уваровской базиликой. У базилики въ сѣверо-западномъ краю города также

¹⁾ Раскопки Херс., 50, примѣч. 4; *Отчетъ* за 1891, 4.

²⁾ В е н і а м и н ъ, Новая Скрижаль, 14-е изд., 266—269.

³⁾ De Caumont, *Abécédaire d'arch. relig.*, 248; Reusens, *Elem. d'arch. chrét.*, I, 435.

былъ придѣлъ, тоже справа, съ сѣвера, позже устроенный, съ очевидной купелью въ полу ¹⁾. Г. Косцюшко предполагаетъ, что такая же крещальня съ купелью была въ связи съ восточной базиликой ²⁾, что возможно, но теперь не усматривается. Мнѣ кажется, что сказаннаго достаточно для поясненія той мысли, что въ Херсонесѣ, какъ и вездѣ, не ставили купелей въ главныхъ частяхъ храмовъ.

Значительно позже были переносныя купели въ самыхъ храмахъ, а на западѣ обыкновенно онѣ ставились и ставятся также въ сѣверныхъ придѣлахъ храмовъ.

Вотъ мои соображенія по вопросу о купеляхъ, находимыхъ въ Херсонесѣ. Несмотря на авторитетъ духовныхъ лицъ, пока я не вижу основанія измѣнить это мнѣніе, высказанное еще при открытіи мнимой купели въ храмѣ 1897 года.

3) Крестовый храмъ показался мнѣ удѣлѣвшимся отъ передѣлокъ и слѣдовательно сохранившимъ свое первоначальное расположеніе. Замячаниа утверждаютъ, что и этотъ храмъ, подобно всѣмъ открытымъ въ Херсонесѣ, являетъ слѣды неодноратныхъ передѣлокъ и въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія. Такое утвержденіе было бы вѣрно до нѣкоторой степени, если допустить позднѣйшую пристройку придѣловъ и проломъ въ нихъ изъ храма дверей, чего я нивакъ усмотрѣть не могу. Затѣмъ, передѣлками приходится признавать лишь закладку нѣкоторыхъ дверей и починки разрушеннаго временемъ, но это такъ незначительно, что не мѣшаетъ видѣть существо храма неизмѣннымъ. Отсюда я счелъ себя вправѣ сдѣлать вышепоказанное замѣчаніе и поддерживаю его: остатки крестоваго храма дошли до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, и въ этомъ особое ихъ значеніе.

4) Приводятся мои слова о томъ, что въ храмѣ не было „ни соли, ни амвона, ни алтарной преграды“, а между тѣмъ, продолжаютъ замѣчанія, „небольшой кусокъ соли сохранился и понынѣ“. Ко всему этому необходимы поправки. Повидимому, здѣсь выражено не совсѣмъ ясное представленіе о томъ, что такое соль. Этимъ именемъ теперь

¹⁾ *Отчетъ* за 1901 г., 28; *Извѣстія*, IV, 62—63. Это яма въ полу въ видѣ десятигранника, выложеннаго мраморомъ, 0,83 на 0,65 м. въ наибольшихъ поперечникахъ, глубиной теперь 0,65 м.; для схода въ нее сохранилась ступень выш. 0,47 м. со стороны апсиды; судя по этой ступени, первоначальная полная глубина была около 0,94 м.

²⁾ *Извѣстія*, IV, 63.

принято называть нѣкоторое пространство впереди алтарной преграды, обыкновенно приподнятое надъ поломъ храма на одинъ уровень съ алтаремъ. Такого пространства нѣтъ въ крестовомъ храмѣ, значить нѣтъ и соли, но есть не замѣченные мною ясные слѣды алтарной преграды, и это важное упущеніе моего бѣглаго осмотра и всѣхъ описаній непремѣнно слѣдуетъ исправить. Алтарная преграда (*καττάλα, κτηλίδες, cancelli*) здѣсь была изъ мраморныхъ плитъ, толщиной около 0,15 м., вышиной 0,64 м. (два-три обломка сохранились), стоявшихъ на ступени, по линіи мозаичнаго пола; между этой ступенью и киворіемъ надъ престоломъ всего около метра, такъ что помѣстить солею не было никакой возможности, даже еслибы отодвинуть преграду на линію киворія. Отсюда слѣдуетъ, что солея бываетъ или нѣтъ, но куска ея быть не можетъ; въ настоящемъ случаѣ соли не было, а то, что сочли ея кускомъ, есть сохранившійся кусокъ алтарной ступени, лежавшей какъ разъ по линіи мозаичнаго пола, подъ преградой. Въ этомъ кускѣ сохранилось квадратное отверстіе и къ нему желобокъ, все какъ должно для вставки металлическаго пирона, на который насаживается плита преграды, и заливки его свинцомъ. Края преграды были врублены въ стѣны, и эти оставшіяся выемки опредѣляютъ и вышину и толщину плитъ, а послѣднее позволяетъ съ вѣроятіемъ узнать, какіе именно куски найденнаго мрамора относятся къ бывшей преградѣ. Къ сожалѣнію, такихъ кусковъ нашлось очень мало, такъ что по нимъ узоръ плитъ, красиво обдѣланныхъ галтелями снаружи, нельзя возстановить; можно сказать только, что въ этотъ узоръ входили кресты съ расширенными концами. Понятно, нельзя также сказать, что въ преградѣ были однѣ лишь плиты: возможно, что были и колонки, а по нимъ архитравъ; конечно, было приспособленіе для алтарной завѣсы, но ничего этого разобрать нельзя въ мелкихъ обломкахъ найденнаго мрамора или на уцѣлѣвшихъ стѣнахъ. На слѣдующемъ рисункѣ (10) представлены профилевка алтарной ступени и весь тотъ уголь алтаря, гдѣ видны и кусокъ этой ступени и выемка въ стѣнѣ отъ алтарной преграды.

Все это алтарное устройство сближаетъ крестовый храмъ съ церквами, сохранившимися на западѣ, важность чего я уже указывалъ въ первой замѣткѣ.

5) Указана ошибочность моего замѣчанія о неимѣніи могилъ въ полу церкви, такъ какъ тамъ были найдены двѣ усыпальницы. Однако,

увидѣть послѣднія я не могъ, потому что онѣ были поверхъ пола въ самыхъ малопримѣтныхъ углахъ, и снесли ихъ еще во время раскопокъ, а о ихъ существованіи мнѣ пришлось узнать лишь изъ описанія послѣднихъ. Впрочемъ, нахожденіе этихъ усыпальницъ нисколько не мѣняетъ существа моей мысли, такъ какъ и въ описаніи сказано, что онѣ были устроены „послѣ разрушенія храма“ и весь полъ храма остается чистымъ и не занятымъ могилами ¹⁾. Такимъ образомъ счи-

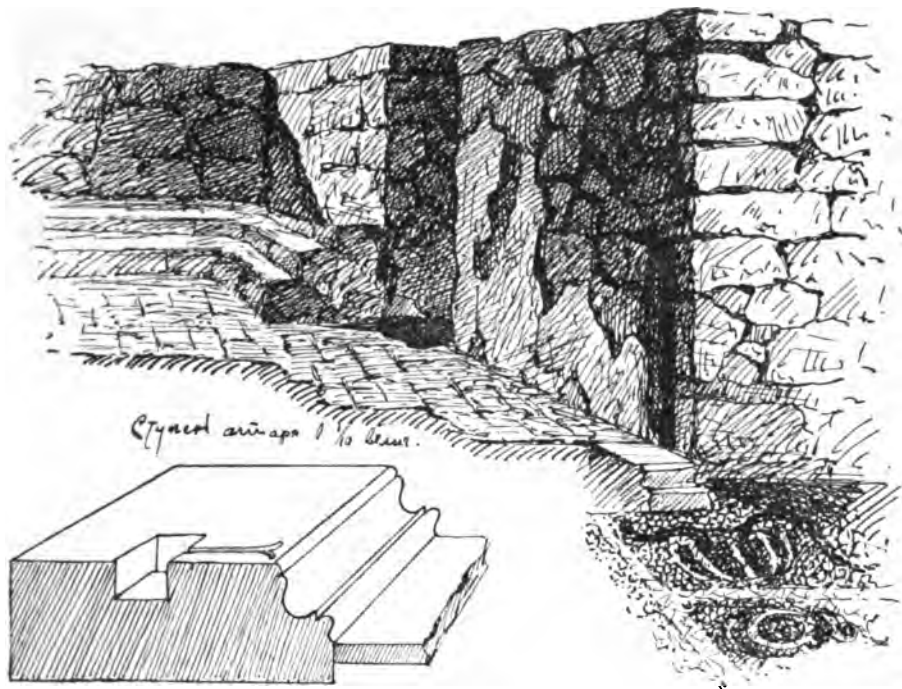

Рис. 10.

таю возможнымъ и вновь повторить сказанное: „не послѣдняя особенность храма состоитъ въ томъ, что въ его полу совсѣмъ не было могилъ, переполняющихъ обыкновенно херсонесскія церкви“. Это замѣчаніе не трудно было сдѣлать даже и при бѣгломъ осмотрѣ, видя сплошной мозаичный полъ, который, вѣроятно, жалѣли портить устройствомъ въ немъ могилъ, а можетъ быть, и почитали ихъ неумѣстными въ кладбищенскомъ храмѣ, какъ бы вѣнчавшемъ всѣ могилы. Далѣе я покажу, что не только въ храмѣ, но и вокругъ него, повидимому, почти вовсе перестали погребать со времени устройства окончательно храма и возобновили это лишь въ видѣ усыпальницъ черезъ нѣсколько вѣковъ,

¹⁾ Известія, IX, 10.

и то въ полуразрушенномъ храмѣ; это было во время Василя I и Романа I.

6 и 7) Замѣтивъ, что храмъ обнесенъ оградой прочнаго, крѣпостнаго характера, достаточной толщины и съ прокладкой слоевъ кирпича, что было дѣломъ цѣннымъ и потому рѣдимъ, я думалъ объяснить это обстоятельство тѣмъ, что богато изукрашенный и важный храмъ, со всѣми его святынями, хотѣли предохранить отъ возможнаго грабежа шайками разбойничавшихъ сосѣднихъ варваровъ, а послѣднее, вѣроятно, и было причиной отсутствія храмовъ въ окрестностяхъ, внѣ города. Замѣчанія указываютъ невѣрность моей догадки, доказываемую тѣмъ, что загородные храмы нашлись. Должно замѣтить, что объ открытіи этихъ храмовъ я узналъ годомъ позже, чѣмъ писалъ, изъ отчета о раскопкахъ ¹⁾, но и зная, все же не вижу надобности мѣнять свое предположеніе. Самъ отчетъ указываетъ, что эти два храма, одинъ въ другомъ, „самой поздней эпохи, совершенно убогіе“, стало быть, ихъ открытіе ничего не говоритъ противъ моей мысли, прилагать которую ко всему тысячелѣтнему существованію христіанскаго Херсонеса нѣтъ основанія. Въ позднія времена населеніе было иное, однородное съ городскимъ, да и грабить нечего было въ убогихъ храмахъ, точнѣе говоря, простыхъ могильныхъ часовняхъ, ваковы указанные послѣдними раскопками; говорилъ я не о такихъ, не имѣвшихъ никакого особеннаго священнаго значенія, церквахъ. И съ основой моего предположенія — объ опасности жизни въ Херсонесѣ — замѣчанія не согласны, указывая, что опасность угрожала виноградникамъ, хуторамъ, водопроводу, которые все же существовали. Эта мысль для меня не совсѣмъ понятна. Вѣдь все подобное имѣемъ и мы теперъ, однако, бываютъ и на нашихъ глазахъ такія минуты, когда живущіе на хуторахъ боятся тамъ оставаться и уѣзжаютъ въ города, а цѣннаго ничего тамъ не оставляютъ. Что же было въ варварскія времена? Виноградники или водопроводы грабить нечего, оттуда ничего не унесешь (не считать же грозди винограда), да и святыни никакой они въ себѣ не заключали. Но и тутъ мы видимъ, что самыя жилья древнихъ хуторовъ, видимо, примѣнялись къ тѣмъ же обстоятельствамъ, большею частью заключаая въ себѣ основное, прочное помѣщеніе, построенное изъ громадныхъ камней, могшее вы-

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 15—16.

держатъ кратковременное нападеніе, рассчитанное на неожиданность и простую незащищенность. Эти сооружеія всѣмъ извѣстны, и въ отчетѣ они названы загадочными циклопическими постройками ¹⁾. Я ихъ приписываю разнымъ временамъ, но именно такимъ особенностямъ жизненныхъ условій, какъ и тѣ, что руководили построеніемъ стѣны вокругъ врестоваго храма, да и до нашихъ временъ вынуждали окружать тоже стѣнами крѣпостнаго характера всѣ загородные монастыри повсюду. Загадочнаго ничего въ такихъ загородныхъ постройкахъ я не вижу, хотя бы уже потому, что вмѣстѣ съ ними большею частью сохранились самыя ничтожныя стѣночки оградъ, пристроекъ и т. под. Въ подтвержденіе того, что необезпеченность окрестностей города отъ грабежей и мелкихъ нападеній была вѣроятна, вообще говоря, я указалъ слова очевидца (Овидія) о другомъ греческомъ городѣ (Томи), слова, въ которыхъ ничего невѣроятнаго не нашелъ и Моммзенъ, ихъ приводящій. Въ этихъ словахъ заключается и разъясненіе сомнѣній. То же для самого Херсонеса можно указать позже изъ временъ ссылки папы Мартина или пребыванія въ Херсонесѣ Константина Философа, когда жители сидѣли въ городѣ какъ бы въ тюрьмѣ. Не будетъ особенно смѣлымъ утверждать, что такое положеніе вещей во всѣ времена въ Херсонесѣ было близко къ нормальному. Отъ войны же, разумѣется, не спасались ни водопроводы, ни хутора съ виноградниками, это извѣстно исторически, да и недавно собственными нашими боками было испытано вокругъ того же Херсонеса. Но и отъ этого, видимо, желали предохранить, по возможности, врестовый храмъ.

Не находя мое объясненіе о причинахъ построенія оградъ вокругъ храма удачнымъ, замѣчанія предполагаютъ, однако, то же самое, т. е. что эта отдаленная часть некрополя, имѣя особое значеніе для Херсонеса, требовала охраненія; они даже идутъ далѣе, указывая, въ чемъ состояло это значеніе, а именно— „здѣсь первые исповѣдники христіанства приспособили для себя часть кладбища съ удобными, старательно сдѣланными склепами, а необходимость охраненія какъ храма, такъ и могилъ сама собою вытекаетъ изъ этого факта“. Это предположеніе едва ли можетъ быть доказано. Скажу даже, что оно невѣроятно, такъ какъ немислимо, чтобы „первые исповѣдники христіанства“ пожелали и

¹⁾ Отчетъ за 1896 г., 199.

могли овладѣть частью языческаго некрополя, къ тому же дѣйствующаго и расположеннаго на самомъ видномъ, проѣзжемъ мѣстѣ. Къ этому вопросу, рѣшеніе котораго даютъ находки въ некрополѣ, я вернусь далѣе, а пока замѣчу, что ограда, видимо, сдѣлана только для храма и относится вполне безразлично къ могиламъ, большую ихъ часть оставляя внѣ. Впрочемъ, еслибы основа этого предположенія и была доказана, то и тогда изъ него никоимъ образомъ не будетъ вытекать необходимость охраненія храма и части могилъ построениемъ вокругъ крѣпостной ограды, что свидѣтельствуетъ не объ одной важности мѣста, но еще болѣе о его опасномъ положеніи. Откуда же могло получиться послѣднее въ дни торжества христіанства, ранѣе котораго не могло быть ни храма, ни ограды? Мнѣ кажется очевиднымъ, что важность храма и могилъ—одно дѣло, а потребность въ ихъ защитѣ—совсѣмъ другое, отсюда никакъ не вытекающее; обозначивъ первое, я старался своимъ предположеніемъ выяснить надобность второй.

Говоря о крѣпостной стѣнѣ вокругъ храма, сдѣлаю и маленькую поправку къ описанію, въ которомъ есть ссылка на мое мнѣніе объ этой стѣнѣ ¹⁾. Я, дѣйствительно, говорилъ и писалъ, что остатки ограды вокругъ крестоваго храма мнѣ кажутся стѣной крѣпостнаго характера, но я никогда не думалъ, что эта стѣна была значительной вышины и имѣла башни,—дѣло вполне возможное, но усмотрѣть это не изъ чего.

По поводу вышеуказанныхъ, вновь найденныхъ кладбищенскихъ храмовъ позволю себѣ высказать пожеланіе, обращенное ко всѣмъ пишущимъ о церковной архитектурѣ. Эти храмы (одинъ въ другомъ) названы храмами базиличнаго типа и даже прямо базиликами ²⁾. Я знаю, что въ такомъ же смыслѣ о подобныхъ сооруженіяхъ говорятъ и другіе весьма компетентные археологи, но знаю также, что вопросы строительной техники и исторіи архитектуры совсѣмъ не въ авантажѣ обрѣтаются. Случается не рѣдко слышать, какъ базиликой называютъ даже и всякую древнюю церковь, какова бы то ни было плана; и это не безосновательно въ смыслѣ преемственности христіанской мысли или церковнаго, мѣстами, обычая (Римъ). Но мнѣ кажется, что въ археологическихъ трудахъ слѣдовало бы избѣгать употребленія этого термина

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 31—32.

²⁾ Тамъ-же, 13.

безразлично отъ типа храма, имъ обозначаемого. Изъ рисунковъ видно, что рассматриваемыя кладбищенскія церкви въ планахъ—простые прямоугольники съ полукруглою апсидой, а такой планъ не слѣдовало бы называть базиликой. Конечно, въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ можно прослѣдить, какъ прямоугольная форма появилась изъ упрощенія базилики, но, вообще говоря, это бываетъ не такъ. Самъ по себѣ прямоугольникъ есть первичная, упрощеннѣйшая форма, и всѣ другія изъ нея происходятъ, а не она изъ чего бы то ни было. Что можетъ быть проще прямоугольника? Я думаю, что еслибы каждый изъ насъ забылъ все ему извѣстное по человѣческимъ постройкамъ, а нуждался въ простѣйшемъ зданіи, то выстроилъ бы его по плану прямоугольника. Безсчетное число маленькихъ церквей Крыма и Кавказа, чтобы не ходить очень далеко, выстроены по этому типу, и, конечно, ихъ строители въ огромномъ большинствѣ ни малѣйшаго представленія о базиликѣ не имѣли. Мнѣ кажется, что для ясности описаній не слѣдуетъ смѣшивать условные термины и, называя базиликой зданіе, раздѣленное внутри столбами на продольныя части, простые прямоугольники слѣдовало бы такъ и называть, или употреблять выраженіе „прямоугольный типъ“. Однообразная терминологія — дѣло весьма полезное для взаимнаго пониманія.

8) Замѣчанія совершенно вѣрно указываютъ, что я отрицаю существованіе катакомбъ въ Крыму. „На самомъ же дѣлѣ“, говорятъ они, „вся гора.... представляетъ сплошной улей склеповъ, могилъ.... и хотя это не можетъ носить названія катакомбъ, но не опровергаетъ того факта, что почва Херсонеса была весьма благоприятна для всякаго сооруженія склеповъ, могилъ, ямъ, колодцевъ и проч.“. Я недостаточно понимаю эту мысль. Повидимому, авторъ согласенъ съ тѣмъ, что склепы не слѣдовало бы называть катакомбами, но думаетъ, что неправильное названіе не опровергаетъ факта удобства почвы Херсонеса для устройства сооруженій, не называемыхъ катакомбами. Не думаю, чтобы какое бы то ни было названіе могло опровергать существующій фактъ. Не только измѣненіемъ названія, но и ничѣмъ инымъ, не думалъ и я опровергать существующее и мнѣ хорошо извѣстное, такъ что, кажется, между нами нѣтъ разногласія въ существѣ. „Что же касается загадочнаго подземнаго хода подъ крестовымъ храмомъ“, продолжаютъ замѣчанія, „то какъ сооруженіе бесспорно христіанское и весьма характерное, онъ

можетъ быть названъ катакомбой“¹⁾. Если въ первой части рѣчи нѣтъ со мной разномыслія, то въ послѣдней, приведенной цѣликомъ, не могу согласиться ни съ однимъ словомъ.

Обо всей этой находкѣ я такъ выразился въ своей замѣткѣ: „Весь бугоръ и вся мѣстность на большое пространство вокругъ храма покрыты могилами, представляя, можно сказать, сплошное кладбище; тутъ же подъ храмомъ и было открыто то самое, что стали называть катакомбами. Нельзя не замѣтить, что идеи, побуждавшія устраивать катакомбы, напр. извѣстныя намъ въ Римѣ, едва-ли имѣли случай и надобность проявляться въ Крыму; но если даже и были извѣстны идеи, то, нѣтъ сомнѣнія, у насъ не находилось для ихъ осуществленія благоприятныхъ почвенныхъ условій, безъ чего подобныя сооруженія возможны лишь съ чрезвычайными усиліями, совершенно недоступными мѣстнымъ населеніямъ. Поэтому, нигдѣ въ Крыму и не были находимы катакомбы, а то, что мы, ради простоты рѣчи, называемъ этимъ именемъ, въ сущности не катакомбы, а просто семейныя могилы. Понятно, что, услышавъ объ открытіи катакомбъ въ Херсонесѣ, я отнесся къ этому извѣстію съ большимъ сомнѣніемъ; дѣйствительность, какъ я понимаю, оправдываетъ мое недоверіе“.

Затѣмъ, описавъ найденный подземный ходъ, я прибавилъ, что „какой бы то ни было связи съ храмомъ этотъ ходъ не имѣетъ ни съ какой точки зрѣнія, и въ немъ самомъ ничего могущаго указывать его катакомбное назначеніе не заключается. Едва-ли во всемъ этомъ есть какая-либо возможность усматривать катакомбу; это просто подземная галлерей, ходъ, и ничего болѣе“.

Все это, еще разъ тщательно провѣривъ въ натурѣ, подтверждаю отъ слова до слова, но думаю, что будетъ не лишнимъ привести и кое-какія соображенія.

Не въ первый разъ примѣняютъ у насъ названіе „катакомба“; оно издавна извѣстно каждому рабочему. Кто его впервые пустилъ въ обращеніе, не знаю, но оно обозначаетъ подземную погребальную камеру, склепъ, имѣющій доступъ съ поверхности земли, по особо продѣланному ходу, черезъ особое отверстіе, задѣланное большимъ камнемъ или стѣнкой. Тѣло Спасителя было погребено въ гробѣ, подобномъ хер-

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 48, въ томъ же смыслѣ.

сонесскимъ склепамъ, но это погребеніе не называютъ катакомбой. Такое названіе примѣнялось у насъ неправильно, но его всѣ употребляли, всѣ знали, что подъ нимъ слѣдуетъ понимать, когда дѣло идетъ о Крымѣ, и, въ виду общепризнанной условности, не видѣли надобности указывать неправильность этого названія. Не сдѣлалъ бы этого и я, еслибы не услышалъ употребленіе этого слова въ римскомъ смыслѣ; тогда я счелъ полезнымъ кратко напомнить невозможность этого вообще въ Крыму.

Странно было бы описывать здѣсь общеизвѣстныя существо и правильной смыслъ римскихъ катакомбъ, но напомнимъ одно элементарное соображеніе. Въ Римѣ катакомбой (въ единственномъ числѣ) называется цѣлое подземное кладбище, напр., катакомба Каллиста, Домитиллы, Претекстата и проч. Въ каждой катакомбѣ имѣются многочисленные переходы, площадки, даже церкви, а по сторонамъ—безчисленное множество гробницъ, и одиночныхъ, и семейныхъ, называемыхъ *loci*, *loculi*. Когда мы у себя отдѣльный склепъ называемъ катакомбой, то это все равно, какъ еслибы мы назвали его кладбищемъ. Это странно, но все же ассоціація идей погребенія тутъ имѣется; но когда мы, найдя подземный ходъ безъ гробницъ и даже безъ малѣйшаго слѣда погребенія, назовемъ таковой тоже катакомбой, т. е. кладбищемъ, то это уже будетъ смѣшеніемъ самыхъ разнородныхъ понятій. Назвать дерево лѣсомъ, быть можетъ, еще возможно, но назвать лѣсомъ голое степное мѣсто—недопустимо. Вотъ еще характерное различіе: въ нашей катакомбѣ закрытъ входъ, но въ самомъ склепѣ погребенныя тѣла, вообще говоря, лежатъ открыто; въ римской катакомбѣ открыты и доступны всѣ ходы, но закрыты всѣ тѣла въ гробницахъ.

Замѣчаніе говорить, что открытый подземный ходъ есть сооруженіе безспорно христіанское и весьма характерное, а потому оно можетъ быть названо катакомбой. Еслибы все это и было такъ, то и тогда этихъ условій далеко недостаточно для примѣненія такого названія; любая церковь есть сооруженіе безспорно христіанское и весьма характерное, но это церковь, а не катакомба. Этихъ признаковъ тѣмъ болѣе недостаточно, что никакого безспорнаго слѣда первичнаго христіанства въ этомъ ходѣ не видно, такъ какъ нацарапанные на потолкѣ крестики нельзя же серьезно считать признаками христіанъ первыхъ вѣковъ, строителей хода. Характернаго, разумѣю христіанскаго, въ этомъ

ходѣ вовсе нѣтъ ничего. Во всякомъ случаѣ, не имѣя гробницъ, называть мѣсто кладбищемъ дѣло не статочное.

Въ моихъ вышеприведенныхъ словахъ, повидимому, смутило то, что я сказалъ о неимѣніи въ Херсонесѣ благопріятныхъ почвенныхъ условій для выдѣлки настоящихъ катакомбъ, почему и указывается на обиліе всякихъ склеповъ, ямъ и проч. Однако, это указаніе не опровергаетъ моихъ словъ, и все это въ Херсонесѣ достается вовсе не просто и легко: лучшее тому доказательство въ самихъ же отчетахъ, постоянно показывающихъ въ видѣ нормальнаго явленія, какъ занимались чужія могилы и какъ въ нихъ встрѣчаются наслоенія погребеній. Все это, дѣйствительно, бываетъ здѣсь, хотя едва-ли такъ часто, какъ указывается безъ доказательствъ, а въ Римѣ подобное крайне рѣдко. Въ Керчи, гдѣ склепы относительно легко роютъ въ глинѣ, подобные случаи должны быть очень рѣдки, и я ихъ даже и вовсе не знаю. Кромѣ того, склепы Херсонеса очень низки, въ рѣдкомъ можно стать. Все это объясняется большою трудностью выдѣлки склеповъ. Да и такъ ли много склеповъ и вообще гробницъ въ Херсонесѣ, какъ кажется? Вѣдь не надо забывать, что мы видимъ продуктъ тысячелѣтней жизни города. Въ Римѣ извѣстно болѣе сорока катакомбъ и въ нихъ около девяносто верстъ разныхъ многоэтажныхъ ходовъ со многими милліонами гробницъ. Тамъ подъ площадью поверхности земли въ тысячу квадратовъ насчитывали до двухъ тысячъ гробницъ. Сравните эти цифры съ находками въ Херсонесѣ. Напр., вокругъ крестоваго храма въ 1902—1903 годахъ, при сплошной очисткѣ самаго густаго кладбища, найдено на площади вчетверо большей всего 269 мѣстъ погребеній, т. е. приблизительно въ 30 разъ меньше, чѣмъ въ Римѣ на ту же площадь. Конечно, Римъ очень большой городъ, но вѣдь тамъ катакомбы копались не для всѣхъ его жителей, а лишь для небольшой, сравнительно, секты христіанъ и непродолжительное время, только до конца IV вѣка. Сколько-нибудь подобное мы знаемъ въ Неаполѣ, но и тамъ по той же причинѣ чрезвычайно легко копаемаго и прочнаго вулканическаго туфа. Какъ именно копается, а не долбится свѣжій туфъ средняго зернистаго пласта въ римскихъ катакомбахъ, видно хотя бы по инструменту, изображаемому въ рукахъ могильщиковъ (fossores): это простая кирка, которою въ Херсонесѣ не много поработаешь. Въ римскихъ катакомбахъ церковь на 20—30 человекъ можно выкопать въ десять рабочихъ дней.

Смѣю увѣрить не по теоретическому разсужденію, а изъ немалого опыта, что въ Херсонесѣ это дѣло значительной трудности, гораздо большей, не только чѣмъ въ Римѣ, но даже чѣмъ въ такъ называемыхъ пещерныхъ городахъ Крыма, напр., въ Инверманѣ, такъ какъ приходится долбить скалу известковаго дикарнаго камня значительной твердости. Все сказанное очевидно, и потому, даже не принимая въ соображеніе правовыя условія, имѣвшія главное значеніе при устройствѣ катакомбъ, можно сказать, что ихъ нахожденіе въ Крыму совсѣмъ невѣроятно, а въ Херсонесѣ въ особенности. Въ Россіи я знаю катакомбу, по внѣшнему смыслу, только въ Кіевѣ, такъ называемыя Лаврскія пещеры, къ которымъ, однако, такого названія не примѣняютъ, и хорошо дѣлаютъ.

Безполезно настаивать на сказанномъ, но о подземномъ ходѣ крестоваго храма поговорить еще слѣдуетъ. Никакихъ мѣстъ погребеній и даже самой ихъ возможности въ немъ не найдено, но это еще полгоря, и съ нѣкоторой натяжкой можно бы говорить, что храмъ построенъ надъ могилой какого-либо мученика; но бѣда въ томъ, что ни въ направленіи хода, ни въ сообщеніи нѣтъ ни малѣйшей связи съ храмомъ, а вѣдь такъ просто было сдѣлать это сообщеніе. Маленькое отдѣленіе въ концѣ хода, вышиной всего 1,34 м. (1 арш. 14 в.), которое склонны счесть бывшей могилой мученика, криптой, приходится совсѣмъ въ сторонѣ и внѣ храма, который вовсе не надъ нею поставленъ, что сдѣлали бы непременно, и даже самый алтарь храма устроили бы именно здѣсь, еслибы и въ самомъ дѣлѣ это была крипта мученика. О тайныхъ собраніяхъ христіанъ въ этомъ ходѣ даже странно и думать, такъ какъ тамъ, гдѣ едва одному можно пролѣзть и нигдѣ нельзя стать разогнувшись, какія же могли быть собранія? Въ первой части хода до колодца высота отъ 1,10 до 1,40 м.; во вторую часть хода я и теперь не могъ пробраться, хотя и пытался нѣсколько разъ, такъ какъ она залита водой; но ея начало просто дыра, вышиной 0,85 и шириной 1,05 м., въ которую влѣзть можно только на четверенькахъ. И рѣчи быть не можетъ, какъ думаетъ описаніе ¹⁾, о старательности работы и красотѣ хода; напротивъ того, это самая неряшливая и грубая работа, къ которой не сочли надобнымъ выдержать хотя сколько-нибудь одинаковою

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 49.

ширину и высоту, сдѣлавъ ихъ терпимыми для прохода; значительное протяженіе хода, особенно въ послѣдней части, есть простой лазъ, едва доступный, и то приходится пробираться ползкомъ. Хорошъ путь въ крипту мученика! Да и какая тайна въ томъ подземельѣ, входъ въ которое представляется на вершинѣ открытаго бугра, у самой проѣзжей дороги, въ видѣ огромнаго жерла-ямы, до 2½ метровъ въ квадратъ? Конечно, можно придумать, что начало этого хода было иное, но вѣдь это будетъ нагроможденіе ничѣмъ не доказуемыхъ предположеній. Главенствующую идею тайны въ представленіяхъ о катакомбахъ гдѣ бы то ни было давно пора оставить. Не могу не прибавить, что изъ всяческихъ предположеній о назначеніи подземнаго хода идея о томъ, что въ немъ была крипта мученика и что онъ могъ служить для тайныхъ собраний христіанъ,—самая невѣроятная. Но если впоследствии тамъ и прятали священные или какіе иные цѣнные предметы, что очень возможно, то для объясненія исчезновенія спрятаннаго нѣтъ ни надобности, ни возможности привлекать миѳическій походъ литовцевъ на Херсонесъ, во время котораго, будто бы, вывели все ¹⁾. Храмъ нѣсколькими вѣками ранѣе того, по прямому и правильному указанію описанія, былъ разрушенъ, а въ развалинахъ не стали бы хранить что-либо священное или цѣнное. Самъ Херсонесъ исчезалъ не сплошнымъ переселеніемъ своихъ жителей, подобнымъ переселенію христіанъ въ Мариуполь въ дни занятія русскими Крыма, какъ думаетъ описаніе, а наиболѣе вѣроятнымъ путемъ медленнаго измора; въ немъ исчезало очень многое совершенно естественнымъ порядкомъ гибели всего на свѣтѣ. Объ ослабленіи почвы подъ храмомъ прорѣзкой хода между склепами, казалось бы, можно говорить только съ твердыми техническими соображеніями и изслѣдованіями; а послѣ того, какъ все это простояло, не дрогнувъ, болѣе тысячелѣтія, такое замѣчаніе едва-ли найдетъ себѣ основаніе ²⁾.

Пролѣзши по первой части хода одинъ разъ со свѣчей, я не могъ замѣтить мелочей расположенія, но теперь, глядя на планъ, читая подробное описаніе ³⁾ и тщательно осматривъ все еще разъ, точно вижу.

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 48.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ *Извѣстія*, IX, 45, табл. II. Надо замѣтить, что эти чертежи въ очень маломъ масштабѣ и сдѣланы слишкомъ правильно; въ действительности все это безобразно-корявое.

въ чемъ тутъ было дѣло, и могу дать опредѣленное объясненіе. Обративъ вниманіе на детали плана и профилей подземнаго хода и отложивъ въ сторону всякія предвзятія гипотезы, мы увидимъ, что первоначально была сдѣлана только часть хода, отъ входной шахты въ углу ограды храма до колодца; это съ совершенной отчетливостью показывается самими линіями плана. Эта часть хода начинается отъ шахты замѣчательно характерной особенностью, о которой скажу сейчасъ далѣе; потомъ ходъ нѣсколько уклоняется отъ направленія на колодець, что не удивитъ никого знакомаго съ трудностями сохраненія вѣрнаго направленія въ подземныхъ работахъ ¹⁾. Ошибку скоро замѣтили и плавно, правильно вывели ходъ къ колодцу. Даже полъ хода подведенъ совершенно точно къ уровню воды въ колодцѣ, немного выше его, такъ что отсюда можно свободно черпать воду черезъ особое отверстіе, подъ которымъ оставили часть скалы, служившей естественной оградой колодца въ подземномъ ходѣ. Изъ всего этого ясно, что ходъ сдѣланъ для того, чтобы черпать воду изъ колодца, прямо и свободно, что и было всегда самымъ правильнымъ, нормальнымъ и желательнымъ у всякихъ древнихъ и средневѣковыхъ колодцевъ. Для достиженія таковаго положенія, случалось, предпринимали огромныя работы, и такое стремленіе обуславливалось, отчасти, желаніемъ скрыть мѣсто взятія воды въ военное время, а еще болѣе неудобствомъ подъема воды изъ колодца веревкой и разнообразными хрупкими глиняными сосудами. Имѣя ходъ, каждый могъ набирать воду въ свою посуду, какъ ему вздумается, не нуждаясь въ гнѣущихъ и дорогихъ веревкахъ. Въ 1905 году, продолжая раскопки некрополя около крестоваго храма, открыли и расчистили древній колодець, въ которомъ проведена также идея свободного подхода къ водѣ: колодець глубиной три сажени, открытый до верху, но къ нему пробить съ боку круто спускающійся ходъ со ступенями до уровня воды. Съ цѣлью зачерпыванія воды непосредственно, могли сдѣлать то же самое въ разсматриваемомъ колодцѣ у стѣнъ храма, но здѣсь устроенъ не просто спускъ къ водѣ, а таковой начать довольно далеко и изъ опредѣленнаго мѣста ограды. Понятно, что для всего этого были

---

¹⁾ Образчиковъ влявія и неправильностей древнихъ подземныхъ ходовъ можно видѣть много, напр., въ тунелѣ Силоамской купели, или хотя бы въ извѣстномъ подземномъ ходѣ, сдѣланномъ для выпуска воды изъ Фуцинскаго озера, работанномъ лучшими мастерами сихъ дѣлъ при Клавдіи. (Ср. C. M e r c e l, Die Ingenieurtechnik im Alterthum, 477, 158—164).

особыя причины, которыя и должно уяснить, безъ чего не могутъ быть обоснованы и предположенія о назначеніи хода. За водой только не было надобности начинать ходъ такъ далеко. Также и для крипты, допустивъ таковую, еще менѣе было потребности тянуть длинный ходъ, начавъ его въ одномъ углу ограды, а крипту устраивая въ другомъ, противоположномъ. Необходимость объясненія этой основной стороны вопроса такъ очевидна, что и описаніе даетъ указаніе причины: шахту удалили потому, что желали взять ее подъ защиту угла ограды. Предположеніе вѣроятное, но оно вѣдь прямо противорѣчитъ самому существу остальныхъ соображеній описанія: шахта примыкала къ оградѣ и ею была укрыта отъ взорвѣ, но ограда построена для храма и послѣ него, а подземный ходъ—еще позже; какая же была надобность въ такое время явнаго торжества христіанства устраивать таинственный входъ въ мнимую крипту, и отъ чего могло быть желательнымъ скрывать все это. Подобныя догадки возможны и могли быть не безъ вліянія, но не въ нихъ тутъ существо дѣла. Замѣчательныя особенности мѣстоположенія и устройства шахты указываютъ иную, главную, столь же неожиданную, какъ и важную сторону вопроса, разъясняющую и это недоумѣніе и, вообще, всю группу строеній вокругъ храма.

Входная шахта сдѣлана въ углу ограды, но не какъ попало, а такъ, что ея стороны параллельны сторонамъ ограды и нѣсколько отступаютъ отъ ея стѣнъ, видимо, для того, чтобы не ослаблять участковъ скалы, на которыхъ стояла ограда. Затѣмъ, жерло шахты имѣетъ размѣры $2,49 \times 2,31$ м., т. е. почти квадратъ, и форма, и величина котораго не имѣютъ никакого смысла, если ихъ считать только началомъ прохода, имѣющаго всего 0,89 м. наибольшей ширины; шире этого не было никакой надобности дѣлать и шахту. Мало того, ея бока отвѣсны, и въ нихъ не оставлено ступеней для спуска; значить, таковой предполагался по приставной лѣстницѣ. Описаніе думаетъ, что это дѣлалось для укрытія и безопасности, точно шахта пропасть, но она вѣдь имѣетъ всего сажень глубины и, стало быть, спрыгнуть и сползти въ нее ни малѣйшей трудности не представляетъ; очевидно, естественнаго препятствія, защиты этимъ путемъ вовсе не получается. Отъ шахты самый проходъ еще спускается нѣсколькими и на этотъ разъ вырубленными въ скалѣ ступенями, почти удваивая глубину отъ поверхности; понятно, что еслибы дѣло было въ устройствѣ матеріальнаго препятствія на

входѣ, то шахту углубили бы сразу до дна хода, не дѣлая внизу каменныхъ ступеней. Ясно, что все здѣсь сдѣланное указываетъ не начало хода только, а нѣчто совсѣмъ иное. Ближайшее изслѣдованіе и обдумываніе всѣхъ особенностей показываетъ, что здѣсь находилось квадратное зданіе, стѣны котораго окружали шахту, башня или нѣчто въ такомъ родѣ; оно стояло въ углу ограды, и сохранившаяся шахта была сдѣлана какъ подвальный ярусъ этого зданія. Прибавлю, что мѣстность этого угла ограды выше другихъ и потому наиболѣе пригодна для башни. Чисто крѣпостная башня должна бы выдаваться изъ-за стѣнъ внаружу, для ихъ обороны, а здѣсь шахта сдѣлана вся внутри угла и стѣны башни могли быть лишь въ линію ограды; такое устройство объясняется тѣмъ, что назначеніе этой башни было не исключительно для защиты стѣнъ. Подобное сооруженіе образовывало усиленіе всей защиты, ея главное укрѣпленіе (*φρούρα, πύργος, κεντινάριον*), то, что въ средніе вѣка стали называть донжономъ и что составляло послѣднее мѣсто укрѣпленія и рѣшительной защиты ¹⁾; вотъ почему оно и поставлено внутри угла. Теперь не видно остатковъ стѣнъ этой башни вокругъ входа въ шахту, сохранились лишь слѣды вырубъ въ скалѣ для ихъ основанія, но во время раскопокъ часть стѣнъ еще была найдена ²⁾. Строя башню-донжонъ, на наилучшемъ и крѣпчайшемъ мѣстѣ, естественно должно было подумать о возможности въ ней отсиживаться, а слѣдовательно, и о снабженіи ея всѣмъ необходимымъ; поэтому для разныхъ запасовъ, какъ общее правило, устроили въ ней подвальный ярусъ желаемой глубины; со временемъ, чтобы снабдить башню самымъ главнымъ—водой, изъ этого подвала спустились ступенями на требуемый уровень и провели подземный ходъ къ колодцу, существовавшему ранѣе. Это указаніе подтверждается не только наглядностью и простотой своего существа, но и самымъ ходомъ. Прошу обратить вниманіе на планъ и шахты и входа, гдѣ мы увидимъ, что начало послѣдняго отъ шахты сдѣлано не въ направленіи хода, а перпендикулярно къ сторонѣ шахты и изъ самой ея середины ³⁾. Все это какъ бы пустячныя мелочи, но вѣдь ничто не дѣлается безъ причины, и такое устройство, повлекшее за собой необходимость въ поворотныхъ ступеняхъ, оказывалось излиш-

¹⁾ Texier, L'architecture Byzantine, 57; указаны источники.

²⁾ Извѣстія, IX, 46.

³⁾ Тамъ-же.

нимъ и немалымъ усложненіемъ, напраснымъ, еслибы не вызывалось какою-либо необходимостью. Къ нему пришлось прибѣгнуть потому, что надъ началомъ хода стояла стѣна башни, и если бы ходу отъ самой шахты дали его общее направленіе, то, идя восо, онъ прошелъ бы подъ угломъ башни и могъ бы его ослабить и даже обрушить; поэтому начали ходъ точно по серединѣ шахты, а не близъ ея угла, и прошли подъ серединой боковой стѣны башни, въ которой, конечно, легко было сдѣлать разгрузную арку. Только выйдя изъ-подъ башни, повернули ходъ, взявъ должное направленіе. Величина шахты, т. е. подвала башни, и мѣсто поворота хода вѣсь опредѣляютъ, гдѣ именно стояли стѣны башни, и, стало быть, величину послѣдней. Оказывается, что она была около 6 м. въ квадратѣ снаружи, что обосновывается одинаково однимъ и другимъ признакомъ. Для большей ясности разсказа прилагаю и планчикъ (рис. 11).

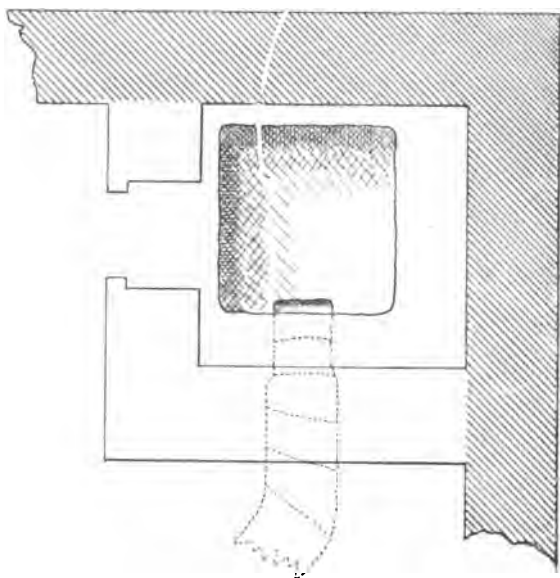

Рис. 11.

мнѣ кажется возможнымъ сдѣлать и нѣкоторое предположеніе, хотя и недостаточно прочно обоснованное. Я говорилъ о башнѣ и не могу не вспомнить ея аналогіи съ башнями-колокольнями въ Равеннѣ. Сходство съ постройками Равенны и въ крупномъ и въ мелочахъ указывалось такъ часто, и прежде ¹⁾ и теперь, что не трудно признать еще одно.

Здѣсь точками показано начало подземелья съ ступенями, шахта нѣсколько затупшевана, чертами показаны предполагаемые, но не сохранившіяся стѣны, а видѣнные при раскопкахъ ихъ куски и уголь ограды заштрихованы.

Все сказанное представляетъ естественное и простое дѣло, подтверждаемое и общностью и малѣйшею мелочью, въ которомъ

¹⁾ Раскопки Херсонеса, 26—30 и друг.

Колокольни Равенны строены не ранѣе начала VI вѣка, но можно не сомнѣваться, что ихъ идея заимствована откуда-нибудь съ востока. Находки точно однороднаго въ Равеннѣ и въ Херсонесѣ, я думаю, способны убѣдить въ томъ и наиболѣе стойкихъ защитниковъ зарожденія въ то время своей архитектуры въ сѣверной Италиі. Конечно, и не Херсонесъ былъ родоначальникомъ архитектурныхъ новшествъ, онъ и самъ ихъ заимствовалъ, и когда-нибудь, быть можетъ, мы опредѣлимъ точно исходныя точки, общія для Равенны и Херсонеса; теперь же одно только вѣрно, что это будетъ на востокѣ. Тамъ образчикъ башни-колокольни показываетъ Вогюэ въ Сириі, въ Босрѣ, тоже отъ самаго начала VI вѣка ¹⁾. Мы увидимъ далѣе, что и въ Херсонесѣ эта постройка относится къ тому же времени. Высокія башни Равенны называютъ колокольнями, но весьма сомнительно, чтобы онѣ строились исключительно для этой цѣли, и возможность подобныхъ построекъ, хотя и не для колоколовъ, подлѣ крестоваго храма мнѣ кажется правдоподобною. Не могу не прибавить, что и размѣры башни, опредѣленные выше, по анализу сохранившагося, близво совпадаютъ съ равеннскими. Если признать вѣроятность такой чистой догадки, то окажется и въ Херсонесѣ при храмѣ башня, которыхъ тамъ не доставало ²⁾. Въ такихъ башняхъ-колокольняхъ слѣдуетъ видѣть, и у насъ и въ Равеннѣ, не одно помѣщеніе для колоколовъ, которыхъ тогда, вѣроятно, и не было (да и дѣло это второстепенное), а именно главное мѣсто укрытія и еще болѣе дозора за окрестностями съ большой высоты и, слѣдовательно, съ широкимъ и далекимъ кругозоромъ. Если башня въ углу ограды крестоваго храма имѣла вышины даже не болѣе 9—10 метровъ, то и тогда уже съ нея можно было видѣть, черезъ гору, верхи ближайшей городской башни (и многихъ другихъ) и сообщаться съ ними сигналами.

Сдѣланное только что разслѣдованіе даетъ поводъ высказать еще и другое замѣчаніе. Все, что мы видимъ, точно показываетъ, что подземный ходъ сдѣланъ въ зависимости отъ подвала башни, а послѣдняя—отъ ограды. Въ свою очередь можно положительно утверждать, что ограда сдѣлана въ зависимости отъ храма и именно для него. Послѣднее устанавливается не только смысломъ вещей, но и матеріально тѣмъ,

¹⁾ De Vogüé, Syrie centrale, I, pl. 23.

²⁾ Раскопки Херсонеса, 50.

что стороны ограды сдѣланы совершенно параллельно сторонамъ храма. Самый же храмъ поставленъ не какъ-нибудь къ странамъ свѣта, а обычно по херсонесски, т. е. почти на С.-В. (N 70°E), что уже давно было замѣчено для большинства храмовъ Херсонеса ¹⁾. Итакъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ, что главнымъ дѣломъ во всей этой мѣстности было построение храма, для его защиты сдѣлана ограда и затѣмъ, какъ вѣнчаніе всей этой крѣпостцы, построена дозорная башня-колокольня, а отъ нея подземный ходъ къ водѣ, къ колодцу, выкопанному у самаго храма для надобностей его и богомольцевъ. Указывая послѣдовательность сооруженій, я этимъ хочу показать только ихъ причинную связь и подчиненность, во времени же, вѣроятно, они были задуманы и строены сразу или близко одно за другимъ. Конечно, причинность всего этого можно перевернуть: можно думать, что былъ вырубленъ подземный ходъ, къ нему косо пристроена шахта, параллельно сторонамъ которой поставлена ограда всего холма, а по оградѣ выстроены храмъ; но сознаю, что для меня гораздо вѣроятнѣе считать, что пуговицу пришили къ платью, чѣмъ—платье къ пуговицѣ.

Еще замѣчаніе, подтверждающее сущность сказаннаго. Поворотъ хода къ колодцу лежитъ подъ склепами № 1409—1410, нигдѣ ихъ не задѣвая, а это въ точности доказываетъ, что онъ провладывался позже, когда знали о существованіи склеповъ; конечно, не иначе, какъ поэтому онъ такъ низокъ. Въ этихъ склепахъ были найдены монеты, изъ коихъ раннѣйшая оказалась Аркадія (395 — 408); значитъ, подземный ходъ позднѣе этого времени, что тоже противорѣчитъ идеѣ о мученикахъ и тайнѣ первыхъ вѣковъ христіанства.

Позже затѣяли продолжать ходъ далѣе, быть можетъ, какъ я уже говорилъ, съ цѣлью добиться сообщенія съ городомъ крѣпостцы и именно ея дозорной башни-донжона. Что эта часть хода, поворотъ къ мнимой криптѣ, дѣло послѣдующее, — планъ хода показываетъ отчетливо. Объ этомъ я сейчасъ скажу подробнѣе, но пока еще нѣсколько словъ о колодцѣ.

---

¹⁾ Раскопки Херс., 46. Причины такого направленія мнѣ кажутся не церковно-обрядовыми, а просто зависѣвшими отъ естественнаго исполненія заданія: всякая постройка начиналась, какъ и всегда и всюду, всего скорѣе лѣтомъ; не умѣя опредѣлять чистый востокъ или не особенно за этимъ гоняясь, храмы направляли на видимый лѣтній восходъ солнца, съ грубымъ приближеніемъ.

Въ описаніи склепа № 1409 и расчистки колодца говорится, что ходъ въ склепъ перерѣзывалъ колодець и что „когда устраивался ходъ, то колодець несомнѣнно уже не употреблялся и былъ забить камнемъ и землей, въ какомъ видѣ онъ и найденъ во время раскопокъ“. Затѣмъ при описаніи храма указывается въ его стѣнѣ впадина надъ колодцемъ для подъемной съ него крыши, чтобы защитить воду отъ пыли ¹⁾. Надо думать, не для забитого же колодца принимали такую мѣру, когда строили храмъ, и не къ забитому колодцу подводили подземный ходъ, выдѣлывая окно для зачерпыванія воды. Какъ бы то ни было, но о забитіи колодца кто бы говорилъ, но только не давній житель Севастополя, гдѣ искони, какъ и въ Херсонесѣ, гоняются за каждой каплей воды. Мыслимо ли, чтобы въ какое бы то ни было время забили колодець, да еще тотъ самый, въ которому дѣлали подземный ходъ, положимъ, вовсе не требовавшій „громадной затраты человеческого труда“, но все же хлопотливый ²⁾. Къ тому же въ забивкѣ колодца не было и надобности, такъ какъ ходъ черезъ колодець въ склепъ № 1409 (если только это былъ ходъ, а не случайный проломъ) не трудно устроить безъ такой жестокой мѣры—стоило только перекрыть колодець плитой на уровнѣ хода въ склепъ. Но и помимо такихъ кабинетныхъ соображеній мы въ точности знаемъ, что колодець снизу, черезъ ходъ, всегда былъ извѣстенъ жителямъ и забить временемъ или, что вѣроятнѣе, искусственно, передъ самой осадой Севастополя. Затѣмъ, послѣ крымской войны, съ исчезновеніемъ населенія, уже некому было о немъ вспомнить. Что это такъ, можно прочесть у Аркаса, которому былъ хорошо извѣстенъ „подземный колодець“, „отверстіе въ немъ“ и ходъ къ нему; онъ не зналъ только открытаго теперь начала хода черезъ шахту; въ его время спускались черезъ сухой колодець близъ шахты ³⁾. Такіе колодцы описаніе правильно считаетъ вентиляціонными, но они служили также и мѣтками для повѣрки направленія подземнаго хода; первый сухой колодець находился всего въ 7 м. отъ шахты; какая же вентиляція была надобна въ столь близкомъ разстояніи отъ жерла? Иное дѣло, если это жерло было подваломъ закрытой башни,—тутъ вентиляція

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 44—46.

²⁾ Стоимость всего хода съ колодцами, по современнымъ цѣнамъ, не болѣе четырехъ-пяти сотъ рублей.

³⁾ Описаніе Иракл. полуострова, 15—16, табл. II, III, L, M; *Извѣстія*, IX, табл. II, буква С.

была дѣломъ весьма полезнымъ, и этотъ колодець указываетъ вѣрность выше сдѣланнаго предположенія. Описаніе думаетъ, что Аркасъ видѣлъ воду, изливающуюся въ тунель, и назвалъ все это подземнымъ колодецемъ; но это не такъ. Пройдя по ходу, Аркасъ встрѣчалъ именно подземный колодець, т. е. тотъ самый, который теперь найденъ забитымъ. Да и не Аркасу впервые колодець былъ точно извѣстенъ; совершенно о томъ и такъ же говорятъ и Палласъ¹⁾, и Сумароковъ²⁾, а еще ранѣе, лучше и подробнѣе—Габлицъ, показавшій колодець съ проходомъ на картѣ 1786 г. и сдѣлавшій тогда же описаніе какъ колодца, такъ и доступной ему части хода³⁾. Габлицъ и Сумароковъ даже наивно предположили, что именно отсюда былъ сдѣланъ водопроводъ въ городъ, перекопанный Владиміромъ. Такимъ образомъ, этотъ колодець и ходы къ нему отъ временъ занятія Крыма, а вѣроятно и гораздо ранѣе, были извѣстны населенію вплоть до Крымской войны. Да это и понятно въ странѣ, гдѣ вода величайшая драгоценность,—ея источникъ не забываютъ изъ рода въ родъ.

Отсюда можно видѣть, что высказываемое мнѣніе о царпаніи крестиковъ на потолкѣ прохода въ новыя времена не столь уже невѣроятно. Вся первая часть хода, судя по рисунку и описанію Аркаса, хотя и невѣрнымъ, но все же понимаемымъ, была доступна въ тѣ далекія времена, и, стало быть, царпаніе крестиковъ возможно допустить. Разумѣется, я не возьмусь утверждать, что ихъ не могли нацарапать и ранѣе, но и допуская въ этомъ работу херсонесцевъ, мы еще не получимъ доказательства въ смыслѣ времени и цѣли устройства подземнаго хода, такъ какъ и въ распоряженіи херсонесцевъ проходъ былъ около тысячи лѣтъ.

Изъ описаній только-что указанныхъ авторовъ видно, что дальняя вторая часть хода была въ ихъ время такъ залита водой, что они не могли проникнуть въ нее, но имъ былъ извѣстенъ не только ходъ съ его развѣтвленіемъ, но даже и сообщеніе съ колодецемъ катакомбъ

¹⁾ Bemerkungen auf einer Reise, 1801, II, 76.

²⁾ Досуги Крымскаго судьи, I, 205—206.

³⁾ Подлинный планъ хранится въ бібліотекѣ Одесскаго Общ. ист. и древн., по катал. IV, 84; копія, подписанная Габлицемъ,—въ Архивѣ Главнаго Штаба, по кат. IX, 1033: уменьшенный планъ, съ описаніемъ Габлица, напечатанъ митроп. Евгеніемъ въ *Отеч. Зап.* 1822 г., № 22—23. Колодець на подлинныхъ планахъ обозначенъ буквой G съ показаніемъ и хода; на шестеро уменьшенномъ печатномъ планѣ онъ обратился въ непонятный крючекъ, а буква—въ S.

№ 1409—1411, куда также не пробирались. Въ отношеніи воды и теперь то же самое въ дальнемъ рукавѣ. Предположили, что этотъ рукавъ заливается водою изъ колодца, переливающеюся черезъ отверстіе при подъемѣ воды въ морѣ. Но какъ согласить основное соображеніе о криптѣ, святости мѣста, погребеніи мучениковъ и проч. съ предположеніемъ о существованіи въ тѣ же времена умышленно забитаго колодца, именно потому и заливаемаго все это водою? Теперь заложили отверстіе изъ колодца камнемъ на цементѣ въ чаяніи не допустить воду и высушить проходъ, однако, вода все тамъ же, и я не могъ въ него пробраться черезъ три года послѣ задѣлки. Воды въ колодцѣ (по описанію) и теперь около 0,35 м., а въ проходѣ далѣе, по словамъ лазившихъ, въ полъ бедра, и его дно настолько же ниже уровня моря.

По части водныхъ вопросовъ въ Крыму я обладаю нѣкоторой опытностью и могу сказать, что вода заливаетъ ходъ вовсе не изъ колодца, а поступаетъ туда просто изъ почвы, особенно въ самомъ концѣ хода, который попалъ въ наиболѣе низкую, а потому и очень водоносную часть балки, впадающей въ Карантинную бухту. По точной нивелировкѣ оказалось, что вода стояла въ ходѣ на уровнѣ моря и была чуть выше въ задѣланномъ колодцѣ (6 марта 1906 года); на уровнѣ моря держится вода и въ многочисленныхъ колодцахъ ближайшей балки съ огородами. Вода колодца нѣсколько жесткая, но хорошая, прѣсная, что и указываетъ на ея обильный притокъ, вытѣсняющій близкую морскую ¹⁾.

Послѣ выясненія, зачѣмъ и когда строена первая, главнѣйшая часть хода, само собой показуется перейти къ объясненію дальнѣйшей части этого подземелья, а слѣдовательно коснуться и послѣдняго сдѣланнаго мнѣ замѣчанія.

9) Указывается, съ приложеніемъ плана ²⁾, что моя гипотеза о возможности видѣть въ ходѣ неудавшееся устроеніе подземнаго сообщенія крестоваго храма съ городомъ невѣроятна, такъ какъ этотъ ходъ направляется не „прямо къ городу“, какъ я думаю, а въ сторону, влѣво. Затѣмъ, развивая, что было бы съ ходомъ, если продолжить его до го-

¹⁾ Давныя нивелировки любезно сообщены мнѣ произведшимъ ее инженеромъ капитаномъ Н. І. Третесскимъ, котораго и прошу принять мою глубочайшую благодарность.

²⁾ *Извѣстія*, XVI, табл. VII.

рода въ томъ же направленіи, представляютъ, до какой степени все это было бы далеко отъ дѣйствительно кратчайшей линіи, даже отъ простой возможности. Именно для иллюстраціи всего этого и приложенъ вышеупомянутый планъ.

Подобное соображеніе, свойственное кабинетному ученому, знакомому съ мѣстностью только по книгамъ, казалось бы, не должно возникать на мѣстѣ, гдѣ всегда возможна повѣрка въ натурѣ, а не только въ геометрическомъ смыслѣ кратчайшихъ линій на бумагѣ невѣрнаго плана. Еслибы я увидѣлъ подземный ходъ, направляющійся по указываемой кратчайшей прямой линіи, то никогда не подумалъ бы предложить свою гипотезу, такъ какъ въ этомъ направленіи она видимо неисполнима, а всякая гипотеза должна казаться хотя физически возможной, иначе ея предложеніе будетъ праздною забавой. Прямая линія отъ сѣверо-восточнаго угла ограды ведетъ черезъ Карантинную балку въ близкомъ разстояніи отъ нынѣшняго верховья бухты. Тамъ до воды и теперь не болѣе одного аршина, а тысячи полторы лѣтъ тому назадъ, было, конечно, еще менѣе. Въ такое явно невозможное мѣсто не могли направить подземное сообщеніе. Зная это и видя существующее направленіе прохода, я подумалъ, что его взяли въ сторону отъ прямой линіи именно для обхода верховья бухты, памятуя, что прямое направленіе не совпадаетъ съ прямой линіей. Еслибы удалось пересѣчь балку, обойдя ее подземнымъ ходомъ дальше отъ воды бухты, то, конечно, не стали бы продолжать ходъ по геометрической прямой: его направленіе легко могло быть измѣнено куда угодно и повернуто хотя бы къ желаемой ближайшей башнѣ. Такимъ же вполне естественнымъ способомъ объясняется и другое недоумѣніе, почему не начали хода съ ближайшаго угла ограды. Въ данныхъ условіяхъ мѣстности, дальній уголъ является самымъ лучшимъ и ближайшимъ, къ тому же на прилагаемой далѣе вѣрной картѣ (табл. II) видно, что и по разстоянію оба угла одинаковы. Не слѣдуетъ забывать, что, имѣя уже большой кусокъ готоваго хода до колодца, отъ центрального опорнаго пункта всего укрѣпленія, совершенно понятно и необходимо именно отсюда начать устройство сообщенія съ городомъ, а когда приходилось продолжать уже сдѣланное, то такое мѣсто являлось прямо самымъ лучшимъ. Однимъ словомъ, данная мною по поверхностному обзору гипотеза опиралась именно на возможномъ и наилучшемъ использованіи мѣстныхъ условій, и что она

не совсѣмъ беспочвенна, можно видѣть хотя бы изъ того, что вновь приводимыя здѣсь соображенія относительно главнаго пункта дозора и защиты въ сильной степени помогаютъ этой гипотезѣ, ни въ чемъ ей не противорѣча. Надѣюсь, никто не подумаетъ, что я считалъ ее чѣмъ-либо непреложнымъ, и теперь, имѣя возможность ближе и точнѣе все изслѣдовать, а также изучая подробные рисунки и описанія храма и хода, я не могу безусловно отвергнуть, какъ сдѣлалъ это въ своей замѣткѣ, предположеніе о возможности работы подземнаго хода для поисковъ воды. Дѣло въ томъ, что такой ходъ былъ слишкомъ несообразнымъ съ мѣстомъ, предполагая его сдѣланнымъ только съ этой цѣлью; но, когда теперь выяснилось, что первая часть хода сдѣлана явно для подхода къ водѣ колодца, можно допустить продолженіе хода съ цѣлью выйти ближайшимъ путемъ въ середину водоносныхъ слоевъ балки, отыскивая обильную воду. Думаю теперь, что и одна и другая гипотезы возможны и каждая имѣетъ за себя достаточно оснований, но ни одной не могу доказать положительно. То, что конецъ хода не вышелъ изъ предѣловъ ограды храма, есть чистая случайность, хотя бы уже потому, что самый ходъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ храму, ни къ оградѣ, которою, конечно, никогда не могли думать защищать подземное сооруженіе, такъ что этому обстоятельству нельзя придавать никакого значенія; почему онъ начинался именно въ оградѣ, показано достаточно выше ¹⁾).

Стоило или нѣтъ изъ-за такого мелочнаго вопроса случайной гипотезы прилагать цѣлый листъ плана, когда довольно было бы и нѣсколькихъ словъ, не мнѣ, конечно, судить, но я позволю себѣ замѣтить, что послѣ 18 лѣтъ раскопокъ нѣсколько странно видѣть въ приложеніи карту, составляющую простую копію, безъ измѣненій и указаній на то, плана, даннаго Муравьевымъ-Апостоломъ 85 лѣтъ тому назадъ въ его путешествіи двадцатаго года прошлаго вѣка. Этотъ планъ, правду сказать, лучшій и подробнѣйшій изъ всѣхъ изданныхъ донинѣ, для своего времени даже довольно точный, не можетъ похвалиться особой вѣрностью въ смыслѣ современныхъ требованій, а показанная на немъ ситуація городища Херсонеса, совершенно пустыннаго, съ курганами, производитъ теперь удивительное впечатлѣніе. Мнѣ думается, что слѣ-

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 49, § 3.

довало бы пояснить, откуда взять подобный планъ. Къ нему, для нанесенія крестоваго храма, пришлось прибавить изрядный кусокъ съ юга, но это сдѣлано не совсѣмъ точно, такъ что храмъ попалъ сажень на пятьдесятъ западнѣе, чѣмъ должно, да и самъ показанъ вдвое большимъ (метры приняты за сажени). На планѣ, приложенномъ далѣе для поясненія крѣпостной ограды (табл. II), все это нанесено ближе къ истинѣ и показываетъ, что удлиненіе кратчайшаго разстоянія было бы совершенно ничтожнымъ; направленіе гипотетическихъ ходовъ къ городу на этомъ планѣ показано точками отъ обоихъ угловъ ограды ¹⁾).

¹⁾ Мнѣ давно уже привелось указать, какъ невѣрны жалобы Палласа, а съ его словъ и другихъ, на то, что русскіе Херсонесъ разрушили и даже ни одного плана не сняли (Раскопки Херс., 5—6). Это показаніе Палласа было тѣмъ удивительнѣе, что онъ въ точности повторяетъ слова своего друга Габлица о колодцѣ и, конечно, невѣроятно, чтобы при этомъ Габлицъ не показалъ ему плана города съ окрестностями, столь охотно имъ всѣмъ раздаваемого, сдѣланнаго въ 1786 году. Мусинъ-Пушкинъ, передававшій Палласу порученіе Императрицы о розыскахъ, по вопросу найденнаго тогда камня князя Глѣба, въ предстоящей въ 1794 г. поѣздкѣ Палласа на югъ Россіи, также имѣлъ планъ Херсонеса и тоже, вѣроятно, показывалъ его Палласу (Мусинъ-Пушкинъ, Историч. наслѣд. о мѣст. Тмутарак. княженія, 56 и XXVIII, изд. въ 1794 г.). Тогда же я указалъ и пять плановъ, сдѣланныхъ въ самомъ началѣ занятія Крыма, до построенія Севастополя. Послѣ того, ближе познакомившись съ разными архивами, думаю, что указаніе найденнаго въ этомъ смыслѣ будетъ не безъинтересно, а потому и даю болѣе полный перечень старыхъ плановъ, имѣющихъ отношеніе къ Херсонесу.

1) Первымъ, и самымъ вѣрнымъ, оказывается планъ, снятый подполковникомъ Вологодскаго полка Степ. Бурнашевымъ въ 1772 году, озаглавленный: «Планъ положенію Ахтырской гавани». Херсонесъ изображенъ съ подробнымъ и вѣрнымъ указаніемъ его значенія въ исторіи Россіи; ограда показана съ удовлетворительною точностію (только со стороны суши); приложена и виньетка, видъ всего городища Херсонеса, на которой примѣтна только единственная развалина, приближенно на мѣстѣ церкви св. Владиміра; крѣпостныя стѣны на ней всѣ обозначены, но не цѣлы. Находится въ Архивѣ Главн. Штаба, по кат. отд. X, 626.6355.

2) Уменьшенный планъ того же Бурнашева, озаглавленный „Акуратный планъ положенію Алхтырской Гавани“, сдѣланный въ томъ же 1772 году, но съ инымъ назначеніемъ (показать расположеніе частей войскъ), археологическаго интереса не представляетъ. Находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ по кат. 1877 г., Таврич. губ., № 15.

3) Чисто археологическій, сдѣланный между 1772 и 1775 годами, озаглавленъ: „Планъ древняго города Херсона съ продолжающею отъ него Гаванью до Инкермана“; въ большемъ масштабѣ, но слабой вѣрности. Находится въ Архивѣ Главнаго Штаба по кат. отд. IX, 1034/9227.

4) Первая русская морская карта Севастопольской бухты, озаглавленная: „Карта Ахтырской бухты отхерсонскаго мыса до белбецкихъ садовъ здѣлана 1777 году описана флота мичманомъ Сарокинымъ“. Карта очень посредственна, даже плоха, Херсонесъ и Инкерманъ только обозначены. Подлинникъ находится въ библиотекѣ Од. Общества, по кат. III, 50.

5) Планъ расположенія войскъ, подписанный Суворовымъ, озаглавленъ: „Планъ Инкерманской Гавани“. Снятъ въ 1778 году секундъ-маіоромъ Василюемъ Буинос-

Я разсмотрѣлъ всѣ замѣчанія и далъ усиленныя объясненія къ затронутымъ вопросамъ. Мнѣ вовсе не трудно было бы признать ту или иную ошибочность случайной бѣглой замѣтки, но по сказанному

въ мѣ. Херсонесъ обозначень, но не вѣрно. Находится въ Архивѣ Главнаго Штаба, по кат. отд. I, 940.

6) Археологическій планъ, сдѣланный между 1778 и 1783 годами, озаглавленъ: „Планъ древнему городу Херсону“. Въ большомъ масштабѣ, но не вѣренъ. Находится въ Моск. гл. архивѣ Мин. Ин. Д., по кат. 1877 г., Таврич. губ. № 16. Современная уменьшенная копія въ библиотекѣ Од. Общ. ист. и др., по кат. IV, 82.

7) Карта всей мѣстности, озаглавленная „Планъ въ крымскомъ полуостровѣ ахтырской гавани сокругъ лежащимъ мѣстоположеніемъ“, особой съемки, подпись: „Алексѣевского пехотнаго полку поручикъ Петръ Гриненталь“ 1783 года. Очень старательно работана, но Херсонесъ плоховать; прекрасный большой видъ Инкермана. Находится въ Архивѣ Главнаго Штаба, по кат. отд. X, 661/1723.

8) Морская съемка 1783 года, считающаяся первой, озаглавлена: „Карта Ахтырской гавани“; подписана вице-адмир. Клокачевымъ, съемки кап.-лейт. Берсенева (командира фрегата „Осторожный“). Херсонесъ въ большомъ видѣ, показанъ подробно, но не особенно вѣрно. Находится въ Архивѣ Главнаго Штаба, по кат. отд. X, 643/6362.

9) Точная современная копія предыдущей въ уменьшенномъ масштабѣ. Херсонесъ такой же, нѣсколько проще; тоже 1783 года. Находится въ Архивѣ Гидрограф. Департамента.

10) Тщательно работанная карта особой съемки, озаглавленная „Les environs du port de Sevastopole“. Снималъ или чертилъ „bar. O de Tiesenhausen“ въ 1785 году. Херсонесъ показанъ слабо и плохо. Находится въ Архивѣ Главнаго Штаба, по кат. отд. X, 667.

11) Чисто археологическій планъ, снятый для Габлица, который онъ и выдавалъ за свой; озаглавленъ: „Планъ развалинамъ древняго Херсона“. Снималъ въ ноябрѣ 1786 года подпоручикъ Ананій Стрѣловъ (или Строевъ, Струковъ). Подлинникъ находится въ библиотекѣ Од. Общ., по кат. IV, 84 (вѣроятно тотъ самый экземпляръ, который Габлицъ передалъ митрополиту Евгенію, а послѣдній напечаталъ съ него карточку въ уменьшенномъ видѣ въ *Отеч. Зап.* 1822, № 22 и 23). Копія, подписанная Габлицемъ, вѣроятно та, которая имъ подносила Екатерина, находится въ Архивѣ Главн. Штаба, по кат. отд. IX, 1033/2233. (Видимо въ этотъ архивъ поступили всѣ карты, дѣланныя для Екатерины или ей подносимыя, ихъ тутъ много и самыхъ разнообразныхъ).

12) Планъ, приложенный къ сочиненію Муравьева „Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 годѣ“. По словамъ самого Муравьева (X и 76) и надписи на его планѣ, очевидно, что это копія съ плана, снятаго въ 1794 году. Подлинникъ, несмотря на мои поиски, не найденъ, Муравьевъ его добылъ отъ Галлеры въ Феодосіи. Планъ ограды въ большомъ масштабѣ вѣренъ, также какъ и первый планъ Бурашева, но менѣе подробенъ; съемка ограды своя, особенная, но очертанія берега ваяты съ морскихъ картъ.

Волѣе позднія карты я не указываю, но и приведеннаго довольно; чтобы съ завоевателей Крыма снять укоръ Палласа, видимо тоже не удержавшагося отъ злословія въ русскую сторону. Тѣхъ же временъ, конца XVIII вѣка, я находилъ въ архивахъ археологическіе планы, часто по нѣскольку, не только Херсонеса съ Инкерманомъ, но и Бахчисарая, Чуфутъ-кале, Стараго Крыма, Судака, Феодосіи, Гурзуфа, Ялты, Керчи, Ени-кале, Перекопа, Евпаторіи. Въ архивахъ искать не легко, но почти со всего у меня есть, къ услугамъ желающихъ, точные fac-simile.

выше можно судить, имѣлъ ли я въ тому основанія. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ замѣчаній я могъ признать вѣрнымъ лишь одно—о четырехъ входахъ въ храмъ.

Нынѣ мы имѣемъ подробныя описанія всѣхъ находокъ въ этой мѣстности, дающія доказательный и неиспользованный матеріалъ, о существованіи котораго ранѣе я не могъ и подозрѣвать. Дѣло стоитъ того, чтобы поговорить о немъ подробнѣе, такъ какъ все это открытіе, какъ теперь выясняется, даже большаго интереса, чѣмъ я думалъ, когда писалъ замѣтку, по значенію его для исторіи христіанскаго храма вообще, а тѣмъ болѣе въ Херсонесѣ.

Вокругъ крестоваго храма открытъ некрополь въ 1902 и 1903 годахъ. Подробно просмотрѣвъ описанія всѣхъ найденныхъ здѣсь погребеній, я изъ нихъ вижу слѣдующее ¹⁾. Всего на бугрѣ вокругъ храма, приблизительно на площади около 1000 квадр. сажень, найдено 88 отдѣльныхъ склеповъ или гробницъ, а въ нихъ во всѣхъ около 269 мѣстъ погребеній. Въ 1904 году, по рукописнымъ журналамъ К. К. Косцюшко, за разрѣшеніе пользоваться которыми приношу ему глубочайшую благодарность, найдено еще 75 склеповъ и гробницъ съ 245 мѣстами погребеній. Я не считалъ самыхъ позднѣйшихъ усыпальницъ, неоконченныхъ склеповъ или уложенныхъ на полу костяковъ. Повидимому, все возможное въ ближайшемъ сосѣдствѣ храма открыто безъ пропуска. Много, конечно, оказывалось и начисто разграбленнаго; не мало погребеній нашлось только съ одними костями, безъ малѣйшей вещи. Исключая эти оба вида, остается къ разсмотрѣнію 41 номеръ склеповъ или гробницъ отъ 1902—1903 годовъ и 47 отъ 1904 года. Видѣтъ найденное въ этихъ могилахъ я не могъ, но, судя по описанію, все это относится къ позднему времени, первымъ вѣкамъ по Р. Х. Ничѣмъ особеннымъ ни одно изъ погребеній не отличается, заключая, вообще, самые обыкновенные предметы. Есть очень бѣдныя погребенія, есть и побогаче, но все гораздо ближе къ сторонѣ бѣдности. По раскопкамъ 1902—1903 г. въ большей части могилъ (60%) были лампочки; какая бы то ни было посуда, даже самая жалкая, рѣдка (33%); стекло также рѣдко (38%); всего чаще пронизи (70%); рѣже браслеты, серьги, перстни (каждаго около 30%). О нѣкоторыхъ еще особенностяхъ скажу

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 17—31; XVI, 87—103.

далѣе. Характеръ склеповъ, открытыхъ въ 1904 году, тотъ же, но сдѣлать такой же подсчетъ неудобно, такъ какъ большая часть могилъ была уже разграблена въ смыслѣ находимыхъ тамъ вещей, хотя монеты и уцѣлѣли. Наиболѣе во всемъ этомъ замѣтно отсутствіе хорошей посуды, даже краснолаковой (найдена только въ одномъ склепѣ № 1416), и въ особенности малѣйшаго признака трупосожженія. Такимъ образомъ, самыми характерными чертами, наиболѣе видными, во всемъ этомъ некрополѣ оказываются его однородность, сравнительная бѣдность и обиліе могилъ съ одними костями. Судить о времени погребеній по найденнымъ въ нихъ предметамъ, вообще говоря, трудно и допустимо только въ широкихъ предѣлахъ. Зато въ описываемомъ некрополѣ оказалось много погребеній съ монетами, именно таковыхъ 17 въ раскопкахъ 1902 года, 19 въ раскопкахъ 1903 года и 41 въ раскопкахъ 1904 г., всего 77, что на общее рассматриваемое число $41 + 47 = 88$ составляетъ большой процентъ, около 85%. Кромѣ того, въ раскопкахъ 1905 года оказалось 17 склеповъ съ монетами, но въ этихъ находкахъ, еще не описанныхъ, я могъ видѣть и сообразить только однѣ монеты. Насколько можно судить по описаніямъ, ни изъ чего нельзя заключить, чтобы погребенія, не имѣвшія монетъ, чѣмъ-либо отличались отъ имѣющихъ монеты; стало быть, по послѣднимъ мы вправѣ судить и обо всемъ некрополѣ, а изъ рассмотрѣнія монетъ мы можемъ сдѣлать довольно ясный выводъ, къ тому же вполне одинаковый съ дѣлаемымъ изъ остального. Еще замѣчу, что въ большей части мѣстъ погребеній найдено не по одной монетѣ, а по нѣскольку, разнаго времени, такъ что можно, конечно, предполагать, что въ большинствѣ такихъ случаевъ ранняя монета соответствуетъ первому погребенію въ данномъ склепѣ, поздняя— послѣднему. Въ такомъ смыслѣ я составилъ особый списокъ всѣхъ найденныхъ монетъ и прилагаю его въ концѣ (прилож. II). Въ этомъ списокѣ номера склеповъ и гробницъ взяты съ описаній, противъ каждаго показаны самая ранняя и самая поздняя изъ найденныхъ въ немъ монетъ, при чемъ у монетъ поставленъ въ скобкахъ самый поздній годъ возможнаго чекана, хотя, конечно, не только мыслимо, но даже и весьма вѣроятно, какъ и укажу далѣе, что монеты въ погребенія могли поступать на много позже ихъ выпуска. Этотъ списокъ послужитъ дальше.

Всего въ некрополѣ найдено, за 1902—1905 годы, 651 экз. монетъ. По времени ихъ можно раздѣлить на три отдѣла: въ первомъ монеты

Херсонеса и другихъ греческихъ городовъ и царей; во второмъ—извѣстныхъ и опредѣленныхъ римскихъ императоровъ, въ третьемъ—также римскихъ императоровъ (тутъ и 3 колониальныя греческія), но испорченныя до такой степени, что не могли быть точно опредѣлены. Время чекана монетъ перваго отдѣла, самаго малаго по числу, большею частью не опредѣляется съ безусловною точностью, такъ какъ онѣ почти всѣ не датированы, но все же оно можетъ быть указано довольно близко. Въ этомъ отдѣлѣ всего 48 штукъ, и между ними самыя древнія изъ найденныхъ въ некрополѣ. Онѣ распредѣляются по разнымъ группамъ, которыя я рассмотрю въ порядкѣ численности въ нихъ монетъ. Всего болѣе (половина)—города Херсонеса, времени его элевѳеріи, слѣдовательно, чеканенныхъ отъ конца II до половины III вѣка по Р. Х.; время ихъ захороненія можно считать около послѣдняго срока. Затѣмъ мы видимъ 13 штукъ послѣднихъ боспорскихъ царей (Θεοορса и Рескупорида VI), т. е. конца III и начала IV в. Остальныя 11 штукъ приходится разсмотрѣть каждую въ отдѣльности. Во-первыхъ, двѣ такія, какъ показано у Бурачкова, № 90; г. Косцюшко по нимъ называетъ и гробницу, въ которой онѣ найдены (№ 1470), древнѣйшею, но это будетъ вѣрно только при далѣе сдѣланномъ объясненіи слѣдующихъ монетъ. Сами эти монеты датированы 78 годомъ херсонесской эры, т. е. 53 годомъ по Р. Х. Тутъ же рядомъ, въ склепѣ № 1474, найдена пантикапейская, типа Панъ и рогъ изобилія, гораздо болѣе древняя, не позднѣе II в. до Р. Х. Затѣмъ есть двѣ типа Бурачкова № 99 и 120, т. е. около 111 г. херсонесской эры или 86 г. по Р. Х. Одна въ родѣ Бурачкова № 96, вѣроятно начала I в. по Р. Х., но точнѣе не опредѣляется. Одна Кесарія Агриппіи и, значить, тоже конца I в. до Р. Х. или начала I в. по Р. Х.; послѣднія три найдены въ одномъ склепѣ, № 1416, на что я еще обращаю вниманіе. Одна Діоскуриады, половины I в. до Р. Х. Одна Пантикапея типа Аполлонъ и оружіе, половины I в. до Р. Х. Наконецъ, двѣ херсонесскія IV в. до Р. Хр. (Бурачковъ, №№ 60—68).

Второй отдѣлъ состоитъ изъ 470 монетъ, время которыхъ опредѣляется точно, — это монеты римскихъ императоровъ, отъ Л. Вера до Никифора Фоки включительно, т. е. съ конца II по начало VII вѣка. Кромѣ того, въ могилѣ, обращенной въ усыпальницу, вмѣстѣ съ грудой востей найдены двѣ монеты Василя I и Романа I, совсѣмъ позднія,

стоящія отдѣльно и случайно; также случайна и монета одного изъ крымскихъ хановъ въ могилѣ № 1560.

Третій отдѣлъ, тоже значительный (132 экз.), состоитъ изъ монетъ римскихъ императорскихъ, но испорченныхъ до совершенной неузнаваемости; приблизительно всѣ онѣ относятся ко второй половинѣ IV вѣка. Списокъ всѣхъ опредѣленныхъ монетъ съ указаніемъ ихъ числа см. въ приложеніи I ¹⁾.

Опредѣленные монеты въ круглыхъ цифрахъ полувѣковъ распределяются такъ:

Конца	IV	в.	до	Р. X.	2 экз.
Конца	II	"	"	"	1 "
Конца	I	"	"	"	2 "
Половины	I	"	по	"	2 "
Конца	I	"	"	"	4 "
Конца	II	"	"	"	1 "
Половины	III	"	"	"	27 "
Конца	III	"	"	"	6 "
Полов.	IV	"	"	"	60 "
Конца	IV	"	"	"	319 "
Полов.	V	"	"	"	64 "
Конца	V	"	"	"	24 "
Полов.	VI	"	"	"	7 "
Начала	VII	"	"	"	1 "

Отсюда видно, что, за ничтожными исключеніями, почти всѣ монеты, найденныя въ некрополѣ,—позже конца II в. по Р. X.; это тѣмъ замѣтнѣе, что сюда же надо причестъ и всѣ испорченныя; только шесть

¹⁾ Благодаря всегдашней самой предупредительной любезности К. К. Косцюшко, за которую глубоко благодаренъ, я могъ пересмотрѣть всѣ найденныя въ некрополѣ монеты изъ могилъ, указанныхъ въ вып. IX и XVI „Извѣстій“, и изъ находокъ 1904 и 1905 годовъ, еще не напечатанныхъ. Мнѣ удалось пріурочить нѣкоторыя испорченныя, и я могъ отмѣтить раздѣльно указанныя въ общихъ цифрахъ. Разумѣется, нелегко опредѣлять испорченныя монеты, особенно у сходныхъ по имени императоровъ, что случается не разъ; поэтому возможны сомнѣнія, которыя, впрочемъ, не могутъ вліять на конечные выводы. При опредѣленіи я держался Когева, но мѣстами онъ и самъ сомнѣвается; особенно это замѣтно на монетахъ Θεодосія I или II. Первый царствовалъ 16 лѣтъ, второй—42 года, а между тѣмъ въ некрополѣ монетъ послѣдняго опредѣлено всемеро менѣе. Конечно, важное значеніе въ этомъ случаѣ могло имѣть и вообще уменьшеніе монетъ въ могилахъ ко времени Θεодосія II, но мнѣ кажется, что и нѣкоторая часть монетъ Θεодосія I должна быть приписана Θεодосію II, что указывалось многими нумизматами, напр. Сабатье.

относятся къ I в. по Р. Х. и пять—къ IV—I до Р. Х. Разсматривая ближе обстоятельства находенія этихъ старѣйшихъ монетъ, можно видѣть, что онѣ не имѣютъ сколько-нибудь рѣшающаго значенія. Монеты IV в. до Р. Х. найдены въ 1904 г. въ двухъ могилахъ (№ 1560 и 1623); въ первой это явная случайность, такъ какъ въ той же могилѣ (разграбленной) оказались монета Юстиніана I (вѣроятно и опредѣляющая время могилы) и одного изъ крымскихъ хановъ; вторая найдена въ одиночной могилѣ особаго вида, не свойственнаго этому некрополю, и надо думать, что она дѣйствительно языческаго времени, случайно и единично попавшая въ эту мѣстность, затѣмъ забытая и, разумѣется, никѣмъ не тронутая; могила находится сравнительно далеко отъ храма, такъ что найдена только въ 1904 г. Монета II вѣка до Р. Х.—пантикапейская, т. е. принадлежитъ чужому городу; вмѣстѣ съ нею въ томъ же склепѣ (№ 1474) найдена и еще боспорская монета, но уже послѣднихъ царей (IV в. по Р. Х.). Значить, можно считать, что это—склепъ боспорской семьи, и совершенно невѣроятно, чтобы онъ могъ ей принадлежать въ чужомъ городѣ болѣе пяти вѣковъ подъ рядъ, при чемъ семья сохраняла свою боспорскую обособленность. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что древняя монета была просто семейнымъ воспоминаніемъ и очень долго продержалась на рукахъ прежде, чѣмъ попала въ могилу, самый же склепъ относится къ III—IV вѣкамъ. Надо прибавить, что могила была разграблена, но имѣетъ шесть мѣстъ и никоимъ образомъ не могла очень долго служить мѣстомъ погребенія. Нѣтъ никакого основанія считать, что ее захватывали цѣлые ряды поколѣній другихъ семей, потому что ничего близкаго ко времени ея древнѣйшихъ монетъ во всемъ этомъ некрополѣ не найдено. Перваго вѣка до Р. Х. оказались двѣ монеты; одна Діоскуриадская (въ № 1568) найдена съ большимъ числомъ (всего 29) другихъ въ небольшомъ склепѣ (три погребенія), въ которомъ всѣ монеты отъ половины III до начала VII в. показываютъ, что склепъ удержался все это время въ рукахъ одной семьи, что бываетъ крайне рѣдко, и монета Діоскуриады видимо попала въ склепъ гораздо позже своего чекана. Другая монета Пантикапейская изъ большого склепа (№ 1609), но очень разграбленнаго, почему и другія поясняющія дѣло монеты исчезли. Шестъ монетъ I в. по Р. Х. также стоятъ одиноко, и въ теченіе цѣлаго вѣка нѣтъ къ нимъ близкихъ. Найдены онѣ въ трехъ погребеніяхъ №№ 1416, 1470 и 100 (временной). № 1416—маленькая одиночная гробница, глубиной

всего 1,10 м., въ которой были найдены 32 монеты, отъ I до начала V вѣка, но съ ними не найдено соотвѣтственно большого количества костяковъ; стало быть, приходится предположить, что большая часть монетъ положена одновременно, а до того онѣ сохранялись на рукахъ, чему я сейчасъ представлю примѣры. Трудно также думать, что здѣсь погребали трупы одинъ послѣ другого много разъ, такъ какъ римско-императорскихъ монетъ такъ много и онѣ такъ близки по времени, что неизбежно приходится допустить ихъ захороненіе въ большихъ количествахъ сразу. Двѣ монеты, найденныя въ № 1470, — обѣ 53 г. по Р. Х.; могила одиночная и погребеніе дѣйствительно относится къ концу I в. Послѣ данныхъ объясненій къ находкѣ болѣе древнихъ монетъ, эту могилу и надо считать древнѣйшею въ этомъ некрополѣ, какъ указываетъ и г. Косцюшко. Наконецъ одна, хотя и бита въ концѣ I в. по Р. Х., но имѣетъ клеймо и находилась на рукахъ весь II вѣкъ.

Случай захороненія старыхъ монетъ вмѣстѣ съ болѣе новыми не рѣдки; въ діаконикѣ врестоваго храма были найдены монеты отъ Θεодосія I до Юстиніана I, т. е. первыя монеты были захоронены вѣка черезъ полтора послѣ ихъ чекана. Маленькій кладъ, найденный на хуторѣ Скаловскаго, заключалъ въ себѣ монеты отъ Константина В. до Юстиніана I включительно, т. е. старыя монеты попали въ захороненіе болѣе двухъ вѣковъ спустя послѣ ихъ чекана ¹⁾. Въ крещальнѣ найдена (о чемъ подробно ниже) кучка монетъ отъ Валентиніана I до Тиверія Маврикія, т. е. старѣйшія монеты попали въ захороненіе тоже болѣе двухъ вѣковъ спустя послѣ ихъ чекана.

Общій выводъ въ отношеніи времени погребеній изъ разсмотрѣнія монетъ некрополя будетъ таковъ. Древнѣйшая могила въ немъ, не возбуждающая какого-либо сомнѣнія и находящаяся въ явной логической связи со всѣми дальнѣйшими могилами, относится къ половинѣ I в. (№ 1470), но она остается долгое время одинокой. Только къ концу II в. относится слѣдующая и лишь съ половины III вѣка начинаютъ прибывать погребенія, чрезвычайно умножающіяся съ половины IV в. и достигающія наибольшаго количества къ концу IV в. Затѣмъ они уменьшаются къ половинѣ и концу V в., а въ VI вѣкѣ вовсе прекращаются; только одно относится къ началу VII вѣка. Въ IX—X вѣкахъ мы видимъ слѣды

¹⁾ *Извѣстія*, I, 34.

возобновленія погребеній, но уже въ усыпальницахъ, случайно, что я и оставляю безъ разсмотрѣнія.

Говоря объ уменьшеніи числа или даже превращеніи погребеній, я имѣю въ виду только показанія монетъ, но это не слѣдуетъ понимать въ безусловномъ смыслѣ. Я уже говорилъ, что тутъ же оказалось много могилъ безъ вещей и монетъ, однѣ кости, а это наводитъ на мысль, что въ извѣстную пору все болѣе и болѣе исчезалъ обычай класть что-либо въ могилы, чѣмъ и приходится, въ извѣстной мѣрѣ, объяснять уменьшеніе числа находимыхъ монетъ. Во всякомъ случаѣ, и по монетамъ, такъ же какъ и по вещамъ, выдѣляется однородность могилъ и сравнительная ихъ тѣсная близость и зависимость по времени, особенно на протяженіи двухъ вѣковъ.

Теперь можно перейти къ рѣшенію важнѣйшаго вопроса о томъ, чей это некрополь, кто и когда былъ тутъ погребаемъ. Описанія вполне опредѣленно рѣшаютъ это. По ихъ словамъ (указываю только относящееся къ некрополю вокругъ крестоваго храма): „Катакомба римской эпохи, ея пользовались и въ христіанское время“. „Всѣ катакомбы потревожены въ христіанское время“. „Приспособлена въ христіанскую эпоху“¹⁾. Все это еще не совсѣмъ рѣшительно и какъ бы единично, но вотъ и общія показанія: „Вся мѣстность (некрополя) изрыта могилами и склепами римской эпохи съ IV вѣка, приспособленными для христіанъ“. „Для обыкновенныхъ погребеній первыхъ христіанъ были приспособлены всѣ семейные склепы римской эпохи“. „Первые исповѣдники христіанства, внуки и дѣти погребенныхъ здѣсь гражданъ язычниковъ III и IV вѣковъ, приспособили для себя часть этого кладбища съ удобными семейными склепами и могилами“²⁾. Мысль совершенно ясная и опредѣленная: некрополь устроенъ язычниками и лишь впоследствии, не то весь, не то большей частью, занятъ христіанами. Эту мысль, какъ и всякое утвержденіе, слѣдовало доказать, но доказательствъ не оказывается, повидимому, потому, что все это считалось столь очевиднымъ, что не требовало доказательствъ. Выходитъ такъ, что какъ будто тѣ же люди, дѣлаясь христіанами, не измѣнили способа погребенія, но почему-то потеряли умѣнье вырубить для себя склепы

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 19, 26; XVI, 98.

²⁾ *Извѣстія*, IX, 17, 43; XVI, 112.

и только лишь захватывали и приспособляли чужіе. Въ чемъ состояло приспособленіе и чѣмъ оно выражалось, также не говорится. Что самый склепъ не измѣнялся, этого ни изъ чего нельзя усмотрѣть; не видно также, чтобы приспособленія состояли въ выбрасываніи всего языческаго, до костей включительно, и освященіи склеповъ; однако, если допустить что-либо столь невѣроятное, то доказать это будетъ нечѣмъ, не только вообще говоря, но даже и въ какомъ бы то ни было частномъ случаѣ. Остается думать, что приспособленіе состояло въ томъ, что христіане, не трогая ничего въ бывшихъ языческихъ погребеніяхъ, вносили въ тѣ же склепы тѣла своихъ умершихъ. Эта мысль такъ часто повторялась, что вся ея невѣроятность совсѣмъ не замѣчается; но она не только матеріально невѣроятна, а прямо таки чудовищна въ примѣненіи къ христіанамъ. И для язычниковъ, и для христіанъ гробница и самое мѣсто вокругъ нея были священны. Захватъ вѣмъ-либо мѣста, а тѣмъ болѣе самаго склепа, особенно иновѣрцемъ, равнялся его оскверненію, что въ понятіяхъ и законахъ язычниковъ и христіанъ было величайшимъ преступленіемъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ разграбленія могилы; на это всего менѣе были способны христіане, да и никто, кромѣ самыхъ послѣднихъ подонковъ общества. Только значительно позже появились случаи захвата чужихъ могилъ, но тоже христіанскихъ, противъ чего всячески и всѣ возставали, и гражданскіе правители, и пастыри церковные. Можно мысль о приспособленіи склеповъ пояснять тѣмъ, что языческіе роды, принимая христіанство, продолжали пользоваться склепами своей семьи, но это не лучше и не возможнѣе простаго захвата. Въ то время распространеніе идей о близкомъ второмъ пришествіи, воскресеніи мертвыхъ и вѣчной жизни, а отсюда и мистически-наивнаго представленія о необходимости сбереженія праха, дѣлало то, что частное и цѣлостное погребеніе было первѣйшей заботой каждаго. Въ понятіяхъ всѣхъ даже преступникъ имѣлъ право на погребеніе; преслѣдовали живыхъ, но передъ мертвымъ исчезала всякая житейская злоба, и останки человѣка, если того желали, были неприкосновенны (я не считаю рѣдчайшихъ случаевъ позднихъ гоненій, которые только подтверждаютъ общую мысль). Всѣ могли собираться, образовывать погребальные союзы и устраивать свои кладбища на принадлежащихъ имъ земляхъ. Даже во времена гоненій христіане собирались и погребали останки своихъ казненныхъ мучениковъ, ихъ части,

чему не препятствовали. Именно развитіе всѣхъ этихъ идей и дало катакомбы, ничего таинственнаго не заключавшія въ своихъ основахъ. Но у тѣхъ же христіанъ возможность погребенія, не то что вмѣстѣ съ язычниками, но даже въ сосѣдствѣ ихъ гробницъ, вызвала чувство величайшаго омерзенія; худшаго оскверненія своей могилы они, конечно, не могли себѣ и представить. Какія бы то ни было родственныя связи тутъ совершенно забывались. До чего упорна была мысль избѣгнуть смѣшенія близости погребенія съ иновѣрцами—тому доказательства многочисленны: устраиваютъ непремѣнно свое кладбище; обходятъ въ катакомбѣ встрѣчныя чужія; отгораживаются отъ нихъ стѣнами; язычникъ, приготовившій себѣ самому могилу, продаетъ ее, ставъ христіаниномъ; даже христіанскія секты сторонятся одна отъ другой. И эти идеи были такъ прочны, что и до нынѣ онѣ упорно, до мелочей, держатся на глазахъ у всѣхъ насъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Смѣю думать, рѣшительно невозможно безъ самыхъ точныхъ и многочисленныхъ доказательствъ допустить что-либо противное сказанному въ Херсонесѣ или гдѣ бы то ни было. А этихъ доказательствъ не только не представлено, но и быть они едва-ли могутъ, такъ какъ могилы и погребальные обряды первыхъ христіанъ ничѣмъ рѣзко замѣтнымъ не отличались отъ языческихъ.

На основаніи всего сказаннаго мы имѣемъ право утверждать, что и въ Херсонесѣ не могло быть ничего иного; и тамъ христіане, каково бы ни было ихъ соціальное положеніе, совершенно открыто, имѣя на то полное право, прежде всего озаботились устройствомъ для своихъ умершихъ отдѣльнаго погребенія, своего христіанскаго некрополя. Его то именно и вскрыли раскопки вокругъ крестоваго храма. Все тутъ найденное, отъ ничтожной мелочи до всей общности, въ такой степени очевидно, можно сказать кричаще, что невозможно настаивать на идеѣ языческихъ погребеній, въ ближайшемъ сосѣдствѣ которыхъ или въ нихъ самихъ погребались останки христіанъ, даже мучениковъ. Какъ только будетъ отвергнута самая возможность чего-либо подобнаго, то сейчасъ получится естественное и полное объясненіе всѣхъ недоумѣній и частныхъ раскопокъ этого мѣста.

Надъ всѣмъ некрополемъ, на самыхъ могилахъ, зная о нихъ, закрывая многіе изъ ихъ входовъ, построили храмъ. Неужели возможно допустить, что эти могилы были языческими и самый алтарь храма по-

ставленъ надъ такими гробницами (№ 1412 и двѣ открытыя внутри до-слѣдованіемъ алтаря)? По общему обычаю храмы ставились надъ моги-лами мучениковъ или хотя бы надъ частицами ихъ праха; поэтому можно было соорудить храмъ надъ могилами христіанъ, а отсюда по-лучился обычай погребать воеругъ храмовъ, хотя бы и въ чертѣ го-рода, но великъ былъ бы ужасъ и омерзенеіе христіанъ при одной мысли поставить свой храмъ на языческомъ владбищѣ. Я думаю, что это было бы даже невозможно, если бы христіане и захотѣли, такъ какъ и язычники сочли бы такое дѣло оскверненіемъ своего некрополя.

Это все общія соображенія, но если мы станемъ всматриваться въ мелкія частности, то увидимъ, что рѣшительно ничто почти во всѣхъ погребеніяхъ этого некрополя не даетъ возможности признать языче-ское. Конечно, погребенія первыхъ христіанъ долгое время послѣ ни-чѣмъ не отличались отъ языческихъ на нашъ взглядъ; иначе и быть не могло, такъ какъ обычаи и нравы мѣняются весьма медленно. Здѣсь, какъ и вездѣ, очень трудно отличать могилы христіанъ первыхъ вѣковъ отъ языческихъ, и все же возможно въ некрополѣ полмѣтить суще-ственно христіанскія черты.

Самая главная—отсутствіе трупосожженій во всемъ некрополѣ. Этотъ способъ погребенія далеко не былъ общимъ и въ языческія вре-мена, но все же былъ, тогда какъ здѣсь его нѣтъ и слѣда, а это чисто христіанская мысль, въ основѣ своей имѣвшая идею воскресенія мерт-выхъ. Превосходное подтвержденіе мы видимъ въ одномъ склепѣ (№ 1480), гдѣ найдены ниши для погребальныхъ урнъ, но ни малѣй-шаго признака послѣднихъ, хотя бы черепковъ. Этотъ склепъ раз-грабленъ и не видно, какъ лежали трупы, но найденныя три монеты времени элевѳеріи Херсонеса показываютъ, что это одно изъ древнѣй-шихъ погребеній первой половины III в. Владѣльцы склепа изъ первыхъ христіанъ, крайне тогда малочисленныхъ, быть можетъ, полагали сна-чала возможнымъ трупосожженіе и для него приготовили склепъ, но потомъ убѣдились, что этотъ погребальный обрядъ противорѣчитъ христіанскимъ идеямъ.

Хорошей посуды вовсе нѣтъ, но много лампочекъ, что мнѣ кажется тоже христіанскими чертами, примѣтными въ христіанскихъ некропо-ляхъ и другихъ городовъ. Сравнительная бѣдность и однородность по-гребеній—признаки того же вѣрованія, такъ какъ указываютъ на бѣд-

ность населенія, пользовавшагося этимъ некрополемъ, а также и на его отрѣшеніе отъ идей матеріальной загробной жизни.

Явное отсутствіе какой бы то ни было однородной и опредѣленной ориентации могилъ.

Прошу обратить вниманіе на серію римскихъ императорскихъ монетъ, найденныхъ въ некрополѣ. Онѣ идутъ отъ Филиппа (по одной Л. Вера и Элагабала—чистая случайность), точнѣе сказать — отъ того времени, когда прекратилась чеканка мѣстной монеты въ Херсонесѣ, т. е. со второй половины III вѣка. Между ними почти нѣтъ монетъ императоровъ, особенно преслѣдовавшихъ христіанъ, возбуждавшихъ противъ нихъ гоненія. Напр., Траяна Декія (восьмое гоненіе, 251), Галліена, Аврелиана нѣтъ вовсе; Діоклетіана (десятое гоненіе) только одна; Валеріана всего четыре (девятое гоненіе, 259). Трудно объяснить все это простой случайностью.

Нахожденіе прямыхъ христіанскихъ символовъ—крестиковъ. Всѣ таковые относятъ къ позднѣйшимъ византійскимъ погребеніямъ, но рѣшительно нѣтъ признаковъ вскрытія склеповъ въ эти времена и новыхъ въ нихъ погребеній. Напр., въ № 1452 найдены три крестика, но монеты Константина В.—Ареадія; въ № 1465 одинъ крестикъ, но монеты Л. Вера—Ѳеодосія II; въ № 1493 стеклянные браслеты и кусочки мозаики отъ храма, монеты Ѳеодосія I—Льва I; тутъ погребены, вѣроятно, дѣти мозаичиста, украшавшаго храмъ, какъ увидимъ, около этого времени; въ № 1589 пряжка съ крестомъ, но монеты Констанція II; въ № 1598 крестикъ, но монеты сыновей Константина В. Въ одномъ только склепѣ, № 1409 (подъ храмомъ), найденъ крестикъ съ монетами Василія и Романа, но этотъ склепъ оказался до верха забитымъ землей, и хотя первичныя погребенія въ немъ уцѣлѣли, но, судя по монетамъ, можно думать, что тутъ устроили поздне-византійскую усыпальницу, если только не допустить, что монеты попали съ землей, осунувшейся въ склепъ снаружи; во всякомъ случаѣ, эта находка не можетъ приниматься въ соображеніе. Въ 1905 г. были найдены два склепа съ явно-христіанскою росписью стѣнъ и потолка: виноградная лоза съ гроздьями, голуби, хризма.

Наконецъ, принадлежность христіанамъ некрополя указывается и точнымъ соответствіемъ времени погребеній на немъ со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно о распространеніи христіанства въ Херсонесѣ. Жл-

тели его были упорные язычники, на нихъ и проповѣдь апостола Андрея, по словамъ автора его хожденія, осталась безъ вліянія, но ея слѣды мы видимъ въ древнѣйшей могилѣ некрополя № 1470 и, быть можетъ, еще въ другой, № 1416, половины и конца I вѣка. Затѣмъ все замираетъ, и христіанство начинаетъ вновь проявляться лишь съ половины II вѣка, а сколько нибудь видный слѣды его оказывается еще позже въ нѣсколькихъ погребеніяхъ съ монетами элевѳеріи, т. е. въ концѣ II и половинѣ III вѣка; можетъ быть, въ этомъ сказывается пребываніе св. Климента и его учениковъ около Херсонеса, хотя разсказы объ его дѣятельности не прямо относятся къ Херсонесу и къ тому же явно преувеличены. Съ самаго начала IV вѣка усиліями нѣсколькихъ епископовъ, въ особенности при Константинѣ В., водворившемъ епископа Капитона съ помощью военнаго отряда, дѣло христіанской проповѣди пошло успѣшнѣе, что и отразилось на рѣзкомъ увеличеніи числа погребеній во время его преемниковъ въ половинѣ IV в. Полное торжество христіанства при Θεодосіи I даетъ и наибольшее количество гробницъ въ некрополѣ. Затѣмъ погребенія начинаютъ уменьшаться и даже вовсе исчезаютъ при Юстиніанѣ или вслѣдъ за нимъ, что, отчасти, объясняется наступленіемъ большей простоты погребеній, безъ какихъ-либо вещей, а еще болѣе распространеніемъ обычая погребать въ городахъ, подлѣ церквей и даже въ самыхъ церквахъ, что и повело къ сокращенію погребеній на загородномъ некрополѣ. Все связанное легко сравнить съ приводимыми списками найденныхъ погребеній и монетъ при нихъ: оказывается совершенное сходство, если не забывать, что смерть есть ковецъ жизни человѣка.

Если мы обратимъ вниманіе на продолжительность пользованія склепами, то увидимъ и тутъ совершенно естественную преемственность въ родовомъ смыслѣ, а не случайный захватъ съ долгими промежутками. Въ приложеніи II въ 4-мъ столбцѣ показано, сколько времени служилъ каждый склепъ, судя по монетамъ, въ круглыхъ предѣлахъ четвертой вѣка. Просматривая эту графу, увидимъ, что огромное большинство служило отъ четверти до одного вѣка, т. е., приблизительно двумъ-тремъ поколѣніямъ,—дѣду, отцу и сыну, какъ бывало и бываетъ во всѣ времена; весьма немногіе служили до полутора вѣка, т. е. употреблялись тремя-четырьмя поколѣніями; совсѣмъ ничтожное число, всего 3 изъ 58 (взявъ только несомнительные), служило 3—3½ вѣка. Наиболѣе при-

мѣчательнѣ въ этомъ смыслѣ № 1568, открытый въ 1904 году ¹⁾): здѣсь погребенія начались съ половины III в. и родъ удержался, не забывая своей семейной усыпальницы, до начала VII вѣка, когда въ него положили золотую монету Никифора Фоки,—случай единственный и безпримѣрный во всемъ некрополѣ, какъ по времени монеты, такъ и по ея металлу; монетъ здѣсь много (29), идутъ онѣ непрерывной серіей во все долгое время, но даже и такой отчетливый случай все же не безъ сомнѣній. Можно думать, что и въ могилы монеты клали цѣлыми серіями, какъ въ выше приведенныхъ примѣрахъ, а тогда и всѣ соображенія о долговременности пользованія склепами отпадаютъ. Для склепа № 1568 это даже и очень возможно, такъ какъ склепъ малый и въ немъ всего три лезаньи; костяковъ, кажется, вовсе не найдено, хотя трудно судить, потому что склепъ оказался разграбленнымъ. Семья была видная и зажиточная, и какъ то не вѣрится, что она не сдѣлала себѣ болѣе обширнаго склепа, а погребала своихъ усопшихъ въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ приходилось класть трупы на полъ и одинъ на одинъ.

Просматривая II приложение, мы увидимъ, что болѣе 70% всѣхъ склеповъ имѣютъ самую раннюю монету послѣ торжества христіанства, т. е. того времени, когда уже очень мало вѣроятія встрѣтить языческое погребеніе.

Наконецъ, видя, что весь этотъ некрополь увѣнчанъ христіанскимъ храмомъ, я не думаю, чтобы могло еще оставаться малѣйшее сомнѣніе въ принадлежности всего некрополя, отъ основанія, единственно и исключительно христіанамъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, первый христіанинъ пожелалъ покоиться подалѣе отъ оскверняющаго сосѣдства языческихъ могилъ, и его гробницу, № 1470, стоитъ чѣмъ-либо отмѣтить. Это древнѣйшая христіанская могила въ предѣлахъ русскаго государства, что мы можемъ утверждать съ несравненно болѣею вѣроятностью, чѣмъ показывая храмъ крещенія Владиміра, а тѣмъ болѣе, чѣмъ когда стараемся поддержать вздорную выдумку, обращающую несомнѣнную могилу въ купель крещенія Владиміра. Для первой христіанской могилы выбрали чистый бугоръ на видномъ мѣстѣ, до того не занятый какими-либо иными погребеніями, такъ какъ прятаться не было никакого основанія. Современемъ этотъ некрополь разросся и, наконецъ,

¹⁾ [См. Изв. XX, стр. 78. Ред.]

торжествующее христіанство увѣнчало его храмомъ, быть можетъ, и потому, что тамъ были могилы мучениковъ, а вѣрнѣе просто потому, что это было основное христіанское кладбище. Храмъ, какъ загородный, пришлось защитить стѣной. Мнѣ кажется, все это достаточно ясно цѣлостно и доказательно такъ, что настаивать болѣе нѣтъ надобности. Мы нашли кладбище, и не маленькое, первыхъ христіанъ. Если все тамъ найденное собрать къ одному мѣсту, то получится любопытнѣйшая картина жизни и погребенія самыхъ начальныхъ вѣковъ христіанства. Можетъ быть, и теперь еще, при тщательности веденія раскопокъ К. К. Косцюшко, возможно это сдѣлать.

Подойдя къ построенію храма на христіанскомъ некрополѣ, можно еще разъ остановиться и на времени этого построенія, что опредѣлится теперь съ болѣею достовѣрностью.

Стѣны храма и его ограды прошли надъ ранѣе сдѣланными гробницами или входами въ склепы, закрывъ возможность пользованія ими; отсюда слѣдуетъ, что храмъ новѣе найденнаго въ этихъ склепахъ и гробницахъ. Такихъ могилъ довольно много, но данныя изъ нихъ не особенно многочисленны.

Внутри алтаря дополнительное разслѣдованіе обнаружило двѣ могилы, сдѣланныя ранѣе построенія храма. Монета оказалась въ одной— III в. по Р. Х. Нашлась могила и въ правомъ придѣлѣ, съ монетой Θεодосія I (395) или Θεодосія II (450), что не опредѣляется, такъ какъ монета распалась. Ходъ въ склепы № 1409 и 1410 закрытъ поломъ храма; въ нихъ позднѣйшею оказалась монета Льва I (474), не считая двухъ совсѣмъ позднихъ, IX—X вѣка. Въ № 1413 послѣдняя монета — Гонорія (423), въ № 1430 — Θεодосія II (450). Въ № 1431 монетъ не нашлось. Ограда, конечно, одновременна храму. Подъ нею оказались: № 1420 и 1423, обѣ разграбленныя; № 1433 съ монетой херсонесской элеверіи (III в.); № 1445 съ шестью монетами, изъ коихъ только одну можно было разобрать—Констанція II (361); № 1447 съ монетой Константина II (340).

Изъ всѣхъ этихъ показаній видно, что позднѣйшими монетами оказываются монеты Θεодосія II и Льва I, а отсюда съ достаточнымъ основаніемъ можно заключить, что храмъ начался постройкой позже послѣдняго императора, т. е. не ранѣе конца V вѣка.

Съ другой стороны, къ остаткамъ храма можно теперь приложить гораздо болѣе подробный и опредѣленный технико-археологическій анализъ, основывающійся на слѣдующихъ точныхъ замѣчаніяхъ.

Подробный осмотръ водоема въ правомъ придѣлѣ показываетъ, что хотя самъ придѣлъ и построенъ одновременно съ храмомъ, но водоемъ въ немъ непреложно сдѣланъ позже, потому что онъ сложенъ совсѣмъ иначе, чѣмъ стѣны храма, изъ одного кирпича на растворѣ съ цемянкой, и, главное, поставленъ на ранѣе сдѣланномъ сплошномъ мраморномъ полу, покрывавшемъ весь придѣлъ и его полукруглую апсиду. Этотъ полъ впоследствии былъ выломанъ и испорченъ во всемъ придѣлѣ, но куски его плиты сохранились подъ стѣнами водоема и торчатъ до сихъ поръ. Отсюда слѣдуетъ, что построеніе водоема не входило въ первоначальный замыселъ строителей храма, такъ какъ невѣроятно, чтобы они стали дѣлать мраморный полъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ ставить водоемъ, къ тому же въ полукругліи малой апсиды, гдѣ пригонка мрамора особенно затруднительна. Между кирпичами въ стѣнѣхъ самага водоема были найдены монеты ¹⁾, между коими самыя новыя оказались монетами Юстиніана I (566). Разумѣется, тутъ же вмѣстѣ найденныя монеты Θεодосія I (395), Льва I (474) и Анастасія (518) положены какъ воспоминаніе о старыхъ императорахъ; эти монеты были рѣдки и ихъ положили мало, но монетъ Юстиніана оказалось много, 13 штукъ, и изъ нихъ 7 экз. битыхъ въ Херсонесѣ. Поэтому можно съ достаточнымъ основаніемъ думать, что эти монеты современны построенію водоема. Онѣ биты, вѣроятно, въ то время, когда Юстиніанъ, обращая вниманіе на Тавриду, занималъ Боспоръ, строилъ и возобновлялъ укрѣпленія ея городовъ, а все это было въ началѣ его царствованія, т. е. около 530—540 годовъ. Это время и будетъ позднѣйшимъ срокомъ окончанія построенія храма.

Мраморный полъ придѣла находится на одномъ уровнѣ съ поломъ храма и, слѣдовательно, на одну ступень ниже пола алтаря, къ которому изъ придѣла сдѣланъ косою подъемъ пола. Это расположеніе, очевидно, не первичное, такъ какъ обыкновенно полы придѣловъ дѣлаются на одномъ уровнѣ съ алтарными. Отсюда мы заключаемъ, что найденный кирпичный полъ алтаря сдѣланъ позже, чѣмъ полъ придѣла. И

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 33.

дѣйствительно, сдѣланное въ 1906 г. дополнительное разслѣдованіе алтаря показало, что подъ открытымъ алтарнымъ поломъ находился другой, бывшій на одномъ уровнѣ съ поломъ придѣла и всего храма. Отъ этого первичнаго пола осталось только основаніе изъ бетона, но отъ самого пологого покрытія ничего не нашлось,—ни мрамора, ни мозаики, почему и можно думать, что его и вовсе не было, а полъ оставался недоконченнымъ. Это подтверждается тѣмъ, что и подъ сплошнымъ алтарнымъ сидѣніемъ также стараго пологого покрытія не оказывается. Надъ этимъ основаніемъ перваго пола сдѣлано другое съ настиломъ самого пола кирпичемъ. Этотъ полъ, дошедшій до насъ, возвышался на одну ступень надъ первымъ поломъ алтаря, поломъ храма и порогомъ наружной двери въ алтарь. Это возвышеніе пола алтаря отграничивалось отъ храма алтарной преградой, поставленной на одной ступени, кусокъ которой сохранился (рис. 10), и является, можно сказать, настоящимъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ разсужденій. Въ повышенномъ алтарѣ полъ настланъ простымъ кирпичемъ плашмя, къ тому же очень небрежно. Поэтому его считаютъ совсѣмъ позднѣйшимъ, замѣнившимъ мраморный, куски котораго еще есть въ полу, что возможно, но не непременно; здѣсь, впрочемъ дѣло идетъ объ его уровнѣ, а не качествѣ. Этотъ полъ могъ возобновляться нѣсколько разъ, а алтарная ступень оставалась первичной, со всѣмъ ея устройствомъ, или тоже мѣнялась. Понятно, что ни ступень, ни преграда не могли быть одновременны съ первымъ поломъ алтаря, такъ какъ онъ не возвышался надъ уровнемъ пола храма. Вопросъ о времени устройства повышеннаго пола и ступени алтаря теперь не можетъ быть рѣшенъ точно, но ступень выступаетъ чуть-чуть въ храмъ, вдается на 0,08 м. въ широкую раму мозаики середины пола, нѣсколько суживая ее противъ алтаря. По ближайшему осмотру оказывается, что не ступень при этомъ положена на мозаику, а именно послѣдняя начинается отъ ранѣе положенной ступени. Отсюда слѣдуетъ, что мозаичный полъ храма точно одновремененъ съ алтарною ступенью, преградой и повышеніемъ пола алтаря. Можно, конечно, предположить, что мозаичный полъ храма вмѣстѣ съ повышеніемъ алтаря сдѣланы позже, а ранѣе было на ихъ мѣстѣ нѣчто иное, потомъ испорченное, выброшенное и замѣненное тѣмъ, что дошло до насъ. Рѣшить это сомнѣніе съ точностью нечѣмъ, но по соображенію такое предположеніе невѣроятно. Мы видимъ, что въ храмѣ полы дѣлались хорошо изъ

цѣннаго матеріала (мраморъ, мозаика), а такіе полы не скоро пропадаютъ. Кромѣ того, мозаика кажется всего ближе именно къ юстиніановскому времени, или не много отъ него отстываетъ. Слѣдовательно, мозаичный полъ храма можно считать первичнымъ, а въ такомъ случаѣ онъ былъ сдѣланъ позже пола въ придѣлѣ, но ранѣе водоема въ немъ, такъ какъ невѣроятно, чтобы ставили эту второстепенную часть храма ранѣе, чѣмъ сдѣлали полы въ остальной части храма.

Обдумавъ все сказанное, я такъ себѣ представляю ходъ построения храма. Зданіе строилось какъ храмъ, сразу все, но расположеніе его внутреннихъ частей представляетъ какую-то необъяснимую странность, такъ какъ никакой алтарь невѣроятенъ съ наружною дверью прямо въ него съ востока и съ поломъ на одномъ уровнѣ со всѣмъ храмомъ. Во время самой постройки, тянувшейся довольно долго, предположеніе о внутреннемъ распредѣленіи было измѣнено, вслѣдствіе чего наружная дверь алтаря заложена, его незаконченный полъ поднять на одну ступень, сдѣланы мозаичные полы и водоемъ въ придѣлѣ, поверхъ готоваго тамъ пола, который пожалѣли ломать для поднятія на уровень алтаря. Все это, по точному указанію монетъ, относится ко времени между концомъ V и половиной VI вѣка, но мнѣ кажется, что едва-ли стоило закладывать цѣлый подборъ монетъ въ стѣнку водоема на память о построеніи лишь его одного, и я думаю, что это сдѣлано хотя и въ послѣднестроившейся части храма, но относится къ его общему закончанію, а потому и построение всего съ наибольшою вѣроятностью можно отнести именно къ началу царствованія Юстиніана, т. е. ко второй четверти VI вѣка. Совершенно такъ же и въ такомъ же смыслѣ поступили съ закладной монетой и въ баптистеріи подлѣ Уваровской базилики, какъ я покажу далѣе.

Такимъ образомъ, послѣ возможно полнаго изслѣдованія по точнымъ остаткамъ, приходится остановиться на томъ же времени, которое было указано въ моей бѣглой замѣткѣ на основаніи поверхностныхъ соображеній.

Въ то же время возможно устройство и каменныхъ сидѣній по стѣнѣ алтаря. Они сдѣланы вовсе не такъ грубо, какъ говорится въ описаніи: это не кое-какъ слѣпленные на глинѣ скамьи, а сложенные хорошо, хотя и на глинѣ, изъ крупныхъ штучныхъ камней, взятыхъ отъ какой-то древней постройки (можетъ быть крѣпостной стѣны, такъ какъ

въ нихъ примѣтны вырубъ для бывшихъ связей въ видѣ ласточьихъ хвостовъ). Все это сверху было чисто и гладко оштукатурено растворомъ съ цемянкой, что и само по себѣ показываетъ значеніе, придаваемое постройкѣ. Относительно къ стѣнамъ, хорошая работа сопристоля вила даже на фотографіи ¹⁾. Особой красоты такое горное мѣсто не представляетъ, такъ же какъ и кирпичный полъ алтаря, не соответствующій по качеству мозаичному полу храма или мраморному придѣла, но объясненіе этимъ обоимъ обстоятельствамъ лежитъ, вѣроятно, не въ болѣе поздней постройкѣ этихъ частей, что въ существѣ не согласуется съ прочими замѣчаніями, а въ способѣ внутренняго убранства: и сидѣнія и полъ алтаря, конечно, не оставались просто каменными, что было и житейски неудобно, а покрывались тканями, подушками и коврами, такъ что не было надобности въ ихъ роскошной и даже тщательной работѣ, тѣмъ болѣе, что это сооруженіе было внутреннимъ, и стало быть глина въ его швахъ не подвергалась вліянію атмосферы, да и никакого груза оно не несло.

Впослѣдствіи (точнѣе это время нечѣмъ опредѣлить, можно только сказать, что это было не позднѣе IX вѣка) сѣверный придѣлъ былъ сломанъ, двери въ него, а также входныя сѣверныя и южныя заложены. Капитель, оказавшаяся въ закладкѣ сѣверной двери, относится къ VI вѣку, но, разумѣется, о времени закладки по ней невозможно судить, такъ какъ она могла быть откуда-нибудь занесена. Южная боковая стѣна треснула или разрушилась, и взамѣнъ ея возвели новую поперечную стѣну внутри храма, что было не ранѣе Романа I, монета котораго найдена въ этой стѣнкѣ ²⁾.

Въ концѣ концовъ, развалины низа храма дошли до насъ безъ существенныхъ передѣловъ и достаточно полно представляютъ, какимъ было внутреннее устройство храма во время Юстиніана. О киворіи въ алтарѣ храма, отъ котораго нашлись базы четырехъ колоннъ простого инкерманскаго камня, и о помѣщеніи для мощей подъ престоломъ ничего не могу прибавить къ сказанному въ описаніяхъ ³⁾. Не нахожу возможнымъ высказаться и о времени устройства киворія.

Опредѣливъ достаточно точно время построенія крестоваго храма на некрополѣ, я хотѣлъ бы обсудить тотъ же вопросъ и по отноше-

¹⁾ *Извѣстія*, IX, 32, 40, табл. III.

²⁾ *Извѣстія*, IX, 32, 45.

³⁾ *Извѣстія*, IX, 40.

нію къ другимъ двумъ храмамъ крестоваго типа, открытымъ ранѣе въ Херсонесѣ. Къ сожалѣнію, данныхъ для этого не найдено или не сохранилось. Думаю, что оба они позже крестоваго на некрополѣ, но ничѣмъ доказательно не могу обосновать это мнѣніе, опорой которому служатъ лишь закругленія алтарныхъ ругавовъ въ этихъ храмахъ. Эти закругленія показываютъ большую опредѣленность и разработанность основной идеи плана, а потому, казалось бы, и появленіе ея въ такомъ видѣ—болѣе позднее. Однако и не на много позже можно ожидать употребленіе того же въ сущности плана, такъ какъ черезъ долгое время идеи должны бы и вовсе измѣниться. Въ самомъ дѣлѣ, храмъ, открытый близъ гостинницы (раскопки 1897 года, см. выше рис. 3), оказывается немногимъ позже, что мы заключаемъ изъ находки въ немъ ковчега для мощей, по стилю—VI или не позднѣе VII вѣка ¹⁾; а украшеніе лицевой стороны водоема крестами и пальмовыми вѣтвями—прямо половины VII в. (царствованія Гераклія II, опредѣлено по монетамъ); къ этому послѣднему времени относится и вся церковь. Крестовая церковь, надъ которой построень храмъ св. Владиміра (рис. 4), долго была единственною извѣстною церковью этого плана въ Херсонесѣ; тогда я ее сближалъ по нѣкоторому подобію плана съ церковью XI—XII вѣка, такъ какъ ничего, кромѣ плана, отъ нея не сохранилось ²⁾. Теперь ясно, что она воспроизводитъ обычный для Херсонеса типъ, и потому слѣдуетъ думать, что и ея построеніе относится къ тому же VII или VIII вѣку.

Вблизи крестоваго храма, въ его оградѣ, съ сѣверо-восточной стороны открыты три находящіяся между собой въ связи постройки ³⁾. Первая (B)—прочная, массивная, выступившая полукругомъ наружу изъ-за восточной стороны ограды. Она была перекрыта крестовымъ сводомъ въ прямоугольной части и полукупольнымъ въ полукружїи съ востока, что очевидно по сохранившимся частямъ стѣнъ; сквозныя подпругныя арки сѣверная и южная были задѣланы тонкими стѣнками, а западная оставлена открытой. Къ ней примыгали два помѣщенія съ сѣвера (E^1 и E^2); оба они строены также прочно и также были перекрыты крестовыми сводами; помѣщеніе E^1 было переустроено и увеличено послѣ уничтоженія сѣвернаго придѣла храма.

¹⁾ Отчетъ за 1897 г., 104, мнѣніе Н. В. Покровскаго.

²⁾ Раскопки Херсонеса, 40.

³⁾ Извѣстія, IX, 43 и табл. II, описаніе, планъ и видъ.

Вся эта связь сооружений однородна и въ своей основѣ явно од-
новременна оградѣ и храму, а средняя часть строена, очевидно, какъ
родъ оборонительной башни для этой стороны ограды. Вмѣстѣ съ
тѣмъ эти строенія служили, вѣроятно, и разными хранилищами;
этимъ и боевымъ назначеніемъ объясняется массивность стѣнъ,
перекрытіе всего сводами и постановка полукружія точно въ за-
висимости отъ ограды, впереди и въ самой серединѣ ея сторо-
ны. Западная подпружная арка постройки *Б* оставалась открытой,
а потому можно предполагать, что весь низъ постройки назначался для
свободнаго, открытаго пользованія имъ, напр., для караула или для бо-
гомольцевъ, вторымъ и были устроены пять сидѣній въ апсидѣ. Надъ
сводами нижняго яруса были или зубцы стѣнъ, или даже еще верхній
ярусъ, назначенный для обороны.

Всѣ эти строенія въ послѣдствіи обращены въ усыпальницы, а пер-
вое—въ часовню съ алтаремъ. Время этого превращенія неизвѣстно, такъ
какъ могилы не дали никакого указанія. Но не таково было его первоначаль-
ное назначеніе: никакой надобности не было въ маленькой часовнѣ дѣ-
лать такія толстыя стѣны или устраивать въ ея апсидѣ никому нена-
добныя пять сидѣній,—вѣдь тутъ не могла предполагаться служба со-
борне. Въ особенности же западная входная дверь, просто арка, про-
летомъ въ 2,30 м., т. е. во всю ширину часовни, совершенно невѣ-
роятна для послѣдней; такихъ широкихъ дверей не бывало и въ боль-
шихъ храмахъ.

Ничтожные остатки разныхъ стѣночекъ внутри ограды не под-
даются никакому анализу, да и интереса не представляютъ.

Какъ ни подробно обсуждались части этого любопытнѣйшаго крестоваго храма, но все же я не думалъ дать подробное описаніе его во
всей полнотѣ; я касался только невыясненныхъ или спорныхъ сторонъ,
все же остальное надо искать въ первоначальныхъ описаніяхъ.

Чрезвычайная важность открытія крестоваго храма и опредѣленія
подробностей устройства внутри его и подобныхъ ему сама собою выяс-
няется всѣмъ вышеизложеннымъ. Повторю вкратцѣ, каково оказалось
это внутреннее устройство: храмъ обращенъ нѣсколько на сѣверо-вос-
токъ (лѣтній востокъ); алтарь съ двумя придѣлами, изъ нихъ діако-
никъ—то на сѣверѣ, то къ югу; въ діаконикѣ водоемъ-раковина; солен
и амвоновъ нѣтъ; алтарная преграда низка, до облотной высоты; надъ

престоломъ киворій; сзади сидѣнія съ горнимъ мѣстомъ или безъ него; близъ храма башня-колокольня вѣроятна. Все это, по существу, поразительно точно сохранилось въ храмахъ запада, особенно въ сколько-нибудь простыхъ и старыхъ Италіи и Адриатики; устройство храмовъ на востокѣ измѣнилось значительно болѣе.

Изслѣдованія и открытія древнихъ церквей востока въ будущемъ опредѣлятъ, имъ ли слѣдоваль Херсонесъ, или, какъ ни покажется это маловѣроятнымъ, удерживалъ особенности запада, находясь съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Ссылныя въ него изъ Италіи могли имѣть не малое значеніе. Св. Климентъ, разумѣется, ничего не могъ внести по канону храмоваго устройства, но папа Мартинъ или Феликсъ, епископъ Равеннскій, могли оказать уже не малое влияніе. Послѣдніе были въ Херсонесѣ позже построенія перваго крестоваго храма, но одновременны съ послѣдующими, да и въ первомъ внутреннее устройство могло измѣниться или улучшиться. Затѣмъ, мы знаемъ имена этихъ видныхъ церковныхъ дѣятелей, но надо думать, что было еще очень много ссыльныхъ всѣхъ временъ, которыхъ имена не сохранились. Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ церковнаго устройства и обрядности заслуживаетъ разработки, для которой, можетъ быть, еще не настало время, по незначительности древне-христіанскихъ открытій на востокѣ. Межъ ними Херсонесъ будетъ имѣть очень большое значеніе.

По истинѣ изумительно будетъ, если откроется архитектурно-обрядовое теченіе устройства христіанскаго храма съ востока на западъ, въ чемъ уже нельзя сомнѣваться, а затѣмъ обратно на востокъ въ дикія и грубыя мѣста ссылки, въ родѣ Херсонеса, что какъ будто бы намѣчается настоящимъ изслѣдованіемъ.

II. Крещальня.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я писалъ о Херсонесѣ, имѣя возможность принять въ соображеніе только то немногое, что получалось изъ случайныхъ, отрывочныхъ находокъ и всего трехъ начальныхъ лѣтъ правильныхъ раскопокъ. Съ той поры усиленные и непрерывныя работы дали очень многое, но не измѣнили существа мною сказаннаго. И тогда было видно первостепенное значеніе Херсонеса для уясненія христіанской жизни глухого угла востока, а все затѣмъ найденное всячески до-

казываетъ это болѣе и болѣе. И тогда была замѣтна малозначительность его раскопокъ для греческой языческой культуры. Понятно, что было бы желательно пересмотрѣть огромный накопившійся матеріалъ, изображающій въ многочисленныхъ и разнообразныхъ проявленіяхъ древнюю, особенно христіанскую жизнь города. Это тѣмъ болѣе необходимо, что могущія встрѣтиться недоразумѣнія теперь еще могутъ, до нѣкоторой степени, быть изслѣдованы разспросами и по самымъ находкамъ, но съ теченіемъ времени исчезаютъ и люди и предметы, стало быть и возможность всесторонней провѣрки все болѣе и болѣе затрудняется. Многое въ описаніяхъ раскопокъ мнѣ казалось неяснымъ, но я стою отъ нихъ слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность заняться не только подробнымъ разборомъ найденнаго, но даже и простой провѣркой. Однако, обратившись къ разслѣдованіямъ относительно крестоваго храма, я могъ, попутно, ближе видѣть и еще кое-что и думаю, что будетъ не бесполезно, если я укажу то небольшое, что могъ замѣтить ¹⁾).

¹⁾ Эти изслѣдованія были уже готовы, когда я получилъ начало обширнаго труда, предпринятаго нѣсколькими учеными для подробнаго изслѣдованія раскопокъ Херсонеса. Прошу позволенія пожелать всяческаго успѣха этимъ работамъ и въ особенности ихъ скораго окончанія. Написанное здѣсь я не имѣю времени и не вижу ни надобности, ни возможности измѣнять въ чемъ-либо; сравненіе соответствующихъ мѣстъ съ „Памятниками христіанскаго Херсонеса“ укажетъ читателю и разногласія. Авторъ перваго выпуска этого труда, многуважаемый Д. В. Айналовъ упоминалъ и мои работы въ этомъ же направленіи, а такъ какъ я могу кое-что пояснить, обработка же „Памятниковъ“ только въ самомъ началѣ; то мои замѣтки могутъ пригодиться, почему я и даю ихъ здѣсь.

Во-первыхъ дамъ болѣе точное опредѣленіе моего отношенія къ херсонесскимъ раскопкамъ, послѣ чего можно будетъ придавать болѣе правильный вѣсъ моимъ указаніямъ. Д. В. Айналовъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что я не далъ описанія раскопокъ 1878 года, называя меня ихъ очевидцемъ, начиная съ 1876 г. (стр. 41). Я и самъ очень объ этомъ сожалею, но дѣло въ томъ, что въ эти годы я скорѣе повѣрилъ бы возможности для себя заниматься китайскимъ языкомъ, чѣмъ археологическими вопросами. Очевидцемъ раскопокъ я былъ лишь въ томъ смыслѣ, что по обязанностямъ службы часто проходилъ вблизи этихъ работъ, слѣдовательно, мои воспоминанія о нихъ годны лишь по отношенію къ тѣмъ чисто архитектурно-строительнымъ подробностямъ, которыя почему-либо мнѣ казались любопытными. Въ эту горячую пору военныхъ работъ мы едва находили время для сна, и не объ археологіи было думать, даже если бы я ею и занимался. Съ половины 1877 года и почти весь 1878 г. я былъ на Дунаѣ и вовсе не зналъ, что дѣлалось въ Херсонесѣ. Вернувшись, буквально былъ подавленъ всякими работами. Скоро послѣ того, въ 1880 году, покойный Мурзакевичъ вписалъ меня въ члены Одесскаго Общества, и лишь тогда я счесть долгомъ заняться вопросами археологіи съ нѣкоторой послѣдовательностью. Ни до того, ни послѣ, я не имѣлъ ни прямого, ни косвеннаго, самонадѣяшаго отношенія къ раскопкамъ въ Херсонесѣ и даже тогда видѣлъ ихъ рѣдко. Въ 1885 году новыя экстренныя военныя работы заставили меня просидѣть почти все лѣто въ Херсонесѣ, а съ 1887 года житейскія обстоятельства удалили меня изъ

Въ раскопкахъ, веденныхъ монастыремъ въ 1877 году, было открыто, частью, весьма любопытное зданіе, которое я указалъ въ его схемати-

Севастополя, и съ тѣхъ поръ я лишь изрѣдка могъ навѣщать Херсонесъ. Приглашенный дать описаніе первыхъ раскопокъ Археологической Коммисіи 1888—1890 годовъ, я и это могъ исполнить только въ части съ должной полнотой, что и указалъ (Раск. Херс. стр. 21—22), отрываясь отъ отвѣтственныхъ, огромныхъ работъ въ Ялтѣ и Одесѣ. Нѣсколько словъ о прошлыхъ раскопкахъ, тогда мною сказанныхъ, безъ помощи недоступныхъ мнѣ на югѣ архивовъ, не могли претендовать на полноту. Серію плановъ въ то время извѣстныхъ церквей я привелъ лишь какъ образчикъ схемъ церковныхъ плановъ Херсонеса, данныхъ въ однообразномъ видѣ и одномъ масштабѣ, очень маломъ, для лучшаго сравненія. Искать въ этихъ схемахъ детальныхъ точностей совершенно невозможно, и они даны лишь для общаго представленія и возможности сдѣлать какіе-либо выводы, безъ чего археологическія описанія имѣютъ немного значенія. А выводы изъ двухъ лѣтъ раскопокъ совсѣмъ не то, что изъ семнадцати.

Теперь позволю себѣ сдѣлать нѣсколько поясненій къ труду Д. В. Айналова исключительно изъ тѣхъ, которыя не найдутся въ настоящей статьѣ и касаются моихъ воспоминаній. Страницы его труда указываю въ скобкахъ.

(Стр. 2). Сказано, что мною изданъ схематическій планъ мозаики пола, открытаго въ базиликѣ графа Уварова; мною дана только схема плана самой базилики, но не пола.

(10). Уваровская базилика всѣми представлялась съ круглой апсидой; такова же она и на моей схемѣ, которая снималась не съ натуры, а съ плана гр. Уварова. По словамъ Д. В. Айналова, апсида снаружи пятигранная. По моей провѣркѣ слѣда граней нигдѣ не оказалось, никогда не было и быть не могло, что ясно видно какъ по самой апсидѣ, такъ и по ея фундаменту, очищенному до самой скалы.

(15). Схема крещальни дана мною невѣрно и въ размѣрахъ не выдержана. Даны главные размѣры, описана сущность; въ принятомъ мною ничтожно маломъ масштабѣ мудро было дать детали, да не было въ томъ и надобности; все это и указано (Раск. Херс. 41, примѣч. 3). Свою схему взялъ я не съ натуры, а съ плана раскопокъ 1876 года. Какъ схема, внутри она достаточно вѣрна, только рисовальщикъ пропустилъ показать засыпанную внѣшность крещальни, какъ бы слѣдовало, и показать это только съ одного бока.

(19). Фрески нашлись во всю правую апсиду крещальни, надъ большой могилой, сдѣланной въ видѣ ящика сверхъ пола. Состояли эти фрески изъ обрамляющаго растительнаго орнамента, а въ серединѣ клочки нѣсколькихъ фигуръ, ихъ низы; краски примѣтны были только красно-коричневая, синева-сѣрая и желтая. Объ окнахъ въ восточной апсидѣ крещальни я выразился неясно, сказавъ, что нашлись ихъ слѣды; это надо понимать въ томъ смыслѣ, что слѣды абрисъ, оконъ были видны внутри крещальни, тогда не раскопанной снаружи. Стѣна апсиды была до четырехъ аршинъ вышины и въ ней сполна обрисовывались, во всю ихъ высоту, три окна, даже съ полукруглыми кирпичными арками надъ ними, въ видѣ перемычекъ; эти окна были забиты насухо строевымъ мусоромъ. Разорили всю эту стѣну, сколько помню, когда стали доканчивать храмъ св. Владимира. Сейчас сохранились лишь проломы на мѣстахъ оконъ.

(24—25). Малая базилика на сѣверномъ берегу раскопана въ 1877, а не въ 1886 году. Ниже мозаичнаго пола, сберегая его, раскопки тогда не пошли. Самый этотъ полъ не былъ растасканъ посѣтителями, невѣрность чего я уже объяснялъ (Раск. Херс., 31); въ его разрушеніи сказывается вліяніе атмосферныхъ перемѣнъ, во избѣжаніе которыхъ, по моему совѣту, позже найденные въ 1889 году мозаичные полы покрыты крышей и уцѣлѣли. На планахъ 1877—80 годовъ дѣйствительно изображена схема мозаичнаго пола этого храма. Самый его рисунокъ мною показанъ хранящимся въ библиотекѣ Од. Общества (опечатка—показано по каталогу IV, 10,

ческой сущности, поскольку тогда было видно ¹⁾). Въ этомъ зданіи нельзя а должно быть IV, 90). Я теперь не могу провѣрить, какой рисунокъ пола имѣется въ Обществѣ, но таковой былъ тогда же сдѣланъ Авдѣевымъ и лѣтъ пять тому назадъ достался мнѣ изъ его бумагъ. Готовъ имъ служить Д. В. Айналову. Это очень крупный и подробный рисунокъ въ краскахъ.

(46, прим. 1). Дѣйствительно, именно о базиликѣ восточнаго берега я замѣтилъ, давая ея схему (Раск. Херс., III, 16), что она значительно лучшая по кладкѣ. Не только базилики № 16 и 17 не описаны у меня, но и всѣ вообще, кромѣ раскопанныхъ въ 1889—90 годахъ; только за эти я и брался, о чемъ и говорилъ.

(52). Показанія Дюбуа и его рисунки не заслуживаютъ никакой вѣры. Апсиду храма св. Владиміра я помню хорошо, когда она была еще цѣла и прежде чѣмъ ее переложили. Въ ней были только два барабана колоннъ, не изъ инкерманскаго камня, а изъ дикаря, и не ионическаго ордера, а дорическаго, съ плоскими ложками; объ этомъ я говорилъ уже (Раск. Херс., 20). Никакихъ базъ, капителей и раскрасокъ ихъ тамъ не находилось.

(60, прим. 2). Планъ храма, мною данный, будто бы невѣренъ. На самомъ дѣлѣ планъ, т. е. его схема, совершенно точенъ (Раск. Херс., табл. III, № 18). Я его еще разъ провѣрялъ; ничего не говорящаго детали не могли выразиться въ мелкомъ масштабѣ.

(69). Базилика юго-восточной части городища, будто бы, по моему мнѣнію, была раскопана Крузе. Самъ я ничего подобнаго не зналъ и не говорилъ, раскопокъ послѣ 1890 г. не описывалъ, а эта раскопана въ 1891 году.

(82 и 85). Предположеніе о двухъ ярусахъ колоннъ было сдѣлано не только по ихъ размѣрамъ, но и по явному преобладанію между найденными колоннами двухъ рѣзко различныхъ сортовъ, изъ коихъ меньшій едва-ли въ какую базилику, какъ самостоятельный, могъ годиться, имѣя высоты всего 2¹/₂ арш. Размѣры колоннъ мною даны въ дюймахъ, какъ и указано (Раск. Херс., 23), а не въ сантиметрахъ, какъ говорится на стр. 82, что явно невозможно. Судя по размѣрамъ, даннымъ у Д. В. Айналова, теперь въ храмѣ имѣются иныя колонны, и число ихъ не то, что было.

(88 и 90). Реставрація плана первичной базилики основана была только на точномъ изслѣдованіи, а не на предположеніи; понятно, что и провѣрка показала то же число колоннъ.

(95). Апсида базилики на холмѣ и меня удивляла, но не надо забывать, что ея схема дана только внутри, а наружное ея очертаніе неизвѣстно и до нынѣ.

(97) Схему плана большой базилики (Раск. Херс., III, № 17) я далъ безъ указанія, откуда она взята, потому, что ранѣе ея никто не давалъ и я снялъ съ натуры, когда была расчищена эта давно раскопанная еще Крузе базилика; послѣднее узнавалось по отверстію большой цистерны внутри и по отсутствію тамъ какихъ-либо находокъ.—Въ маленькой часовнѣ (Раск. Херс., табл. II, рис. 3, 4, 5) я показалъ на рис. 5 не реставрацію сводика надъ могилой, а то, что было дѣйствительно найдено при раскопкахъ.

(103). Въ Архивѣ Главнаго Штаба не оказалось никакого плана, который можно было бы приписать неназанному инженерному офицеру. Нѣтъ и какихъ-либо плановъ съ именемъ Бальдани, о которомъ упоминаетъ лишь одинъ Сестренцевичъ.

(140). Планъ островка, въ виду неожиданнаго прекращенія неконченныхъ раскопокъ въ той мѣстности, я не успѣлъ сдѣлать самъ и воспользовался схематической замѣткой К. К. Косцюшко, что и указалъ, но такъ какъ это былъ не техническій планъ, къ тому же безмасштабный и съ нѣкоторымъ недоразумѣніемъ въ размѣрахъ, то я его перевелъ въ масштабъ, выбросилъ показаніе не имѣющихъ значенія отдѣльныхъ камней и осмыслилъ все технически, сообразно съ тѣмъ, что видѣлъ и повѣрялъ въ натурѣ; обо всемъ этомъ сказано въ „Раск. Херс.“, 63, прим. 1. Думаю, что этотъ планъ достаточно точно представляетъ островокъ съ его развалинами, поскольку таковыя были открыты, и пользоваться слѣдуетъ именно имъ.

¹⁾ Раск. Херс., стр. 41—42.

было не узнать крещальни, и по важности его назначенія было крайне желательно докончить раскопки. За это и взялись въ 1901 году, давъ подробное описаніе найденнаго и открытаго ¹⁾. Выводы, сдѣланные изъ этихъ раскопокъ, таковы, что съ ними трудно согласиться, и толкованіе найденнаго должно быть инымъ.

Въ описаніи самой купели крещальни говорится: „Изъ купели вода выпускалась въ каналъ [подземный, значительнаго размѣра, отъ $\frac{1}{2}$ до 1 м. высоты] черезъ круглое отверстіе въ 0,04 м. діам... У начала канала подъ это отверстіе подведена была черепица... уложенная на цемантѣ со скатомъ къ каналу. За этой черепицей въ самомъ началѣ канала были найдены 22 бронзовыя монеты, которыя, несомнѣнно, были вынесены сюда водой изъ купели черезъ круглое отверстіе, при чемъ струя воды не имѣла достаточно силы увлечь ихъ дальше по неровному дну канала“. Отсюда, предполагая обычай бросать монеты въ купель, выводятъ, что крещальня современна наиранинѣйшей монетѣ и оставалась въ бездѣйствіи послѣ послѣдней. Монеты оказались отъ Валентиніана I до Тиверія Маврикія. Судя по первой, Валентиніана I (375), слѣдовало бы счесть, что крещальня построена не позже половины IV вѣка, а по монетѣ Тив. Маврикія (602)—что она перестала дѣйствовать не позже начала VII вѣка. Первый изъ этихъ сроковъ, вѣроятно, показался не особенно пріемлемымъ, и потому допущено, что крещальня построена въ концѣ IV или, вѣрнѣе, въ началѣ V вѣка.

Разумѣется нѣтъ никакого вѣроятія допустить, что въ купель бросали только старыя, давно вышедшія изъ обращенія монеты, возможность чего предполагается въ вышеуказанной поправкѣ времени по монетамъ. Это могло случаться иногда, но невозможно въ видѣ постоянной для всѣхъ и на многіе вѣка мѣры, а потому и выводъ изъ монетъ сохраняетъ свою полную силу, если только ихъ находка въ самомъ дѣлѣ имѣетъ вышеуказанную причину. Однако, не только несомнѣнность, но даже и возможность этого мнѣ кажутся недопустимыми по причинамъ историко-археологическимъ и техническимъ, а потому и объясненіе находки монетъ должно быть совсѣмъ инымъ.

Построеніе баптистерія въ половинѣ IV вѣка, вообще говоря, возможно, хотя и само по себѣ въ Херсонесѣ, и въ особенности сохране-

¹⁾ *Ил. И. Арх. К.* IV, стр. 89—96.

ніе его съ той поры мнѣ бы казались не особенно вѣроятными. Во всякомъ случаѣ, баптистеріа не строились въ видѣ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ сооружений; они были лишь принадлежностью каедральныхъ церквей и находились въ прямой связи съ ними или близъ нихъ. Это самое мы и видимъ въ настоящемъ случаѣ. Херсонесская крещальня построена въ прямой и несомнѣнной связи съ такъ называемой Уваровской базиликой, наибольшею и значительнѣйшею въ Херсонесѣ. Время же постройки этой базилики опредѣлилось VI—VII вѣкомъ, что и подтверждено точно позднѣйшей находкой монетъ въ ямѣ, покрытой стѣною храма, изъ коихъ послѣдняя оказалась Тиверія Маврикія (602) ¹⁾. Никакихъ слѣдовъ ни въ этой базиликѣ, ни вокругъ, какой-либо церкви, идущей отъ IV вѣка, въ связи съ которою могъ бы быть построенъ баптистерій, если его приписать столь раннему времени, не найдено. О мнимой находкѣ здѣсь остатковъ будто бы древнѣйшей базилики я скажу далѣе, но съ нею связи быть не могло, такъ какъ баптистеріи предполагаютъ построеннымъ на ея остаткахъ. Подробности плана крещальни также подтверждаютъ, что она не могла быть построена ранѣе VI вѣка. Напр. въ ея апсидѣ нашлись три окна, удѣлѣвшія во всю вышину, перекрытыя полукруглыми арками изъ кирпича, а такое число оконъ въ апсидахъ появляется не ранѣе этого времени. Итакъ, по этимъ соображеніямъ, баптистерій не можетъ быть древнѣе Уваровской базилики. Совершеннымъ подтвержденіемъ этого археологическаго вывода служатъ и самыя условія находки монетъ.

Предполагается, что найденныя монеты были брошены въ купель, а изъ нея увлечены въ спускной каналъ силой вытекающей воды. Это мнѣ не кажется вѣроятнымъ, потому что скорость теченія воды въ самомъ близкомъ разстояніи отъ выпускнаго отверстія въ самой купели ничтожна и увлечь даже малыя монеты не можетъ. Въ мои техническія представленія могу вѣрить я самъ, но они ни для кого другого не обязательны, а потому я сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, поставивъ ихъ въ условія возможно близкія къ бывшимъ въ купели (наибольшій напоръ воды до одного метра), употребляя подлинныя монеты, особенно наиболѣе мелкія изъ найденныхъ, херсонесскія Юстиніана I. Ни разу выпускаемая вода не могла ихъ увлечь. Допуская, однако, что это могло

¹⁾ Раск. Херс., 45; *Извѣст.*, IV, 80.

какъ-нибудь случайно оказаться возможнымъ, я почитаю уже совсѣмъ немислимымъ въ такомъ случаѣ принять данное объясненіе того факта, что всѣ монеты оказались въ одномъ мѣстѣ, въ самомъ началѣ канала. Здѣсь скорость теченія воды значительно большая, чѣмъ въ купели близъ отверстія, и если она могла увлечь монеты изъ купели, то никоимъ образомъ не могла ихъ отложить въ самомъ началѣ канала, для чего скорость теченія должна замедлиться до величины меньшей, чѣмъ первоначальная. Отложеніе монетъ могло случиться гораздо далѣе и не иначе какъ сообразно съ ихъ величиной и постепеннымъ замедленіемъ теченія: сначала остановились бы самыя крупныя, а самыя мелкія значительно далѣе, но никогда онѣ не могли бы оказаться въ кучѣ. Понятно, что каналъ, проходящій подъ поломъ и стѣнами зданія, былъ непремѣнно сглаженъ и смазанъ внутри водоупорнымъ растворомъ, иначе быть не могло, и если теперь оказалось не такъ, то вѣдь многіе вѣка разрушенія прошли надъ всѣмъ этимъ. Надо и то вспомнить, что въ самомъ началѣ канала, гдѣ найдены монеты, струи выпускаемой воды были безчисленное число разъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, съ очень большою скоростью сразу выпускаемой воды. Какъ же возможно думать, что вода, могшая сдвинуть монеты въ одинъ разъ изъ купели, потомъ цѣлые вѣка не могла ихъ подвинуть далѣе, работая съ гораздо большей быстротой? И такъ, предположеннаго дѣйствія теченія воды допустить невозможно.

Но вообразимъ себѣ, что если не теченіемъ, то дѣйствіемъ какой-либо случайности, монеты, брошенныя въ купель, были пропихнуты въ каналъ; и тутъ для осуществленія чего-либо подобнаго приходится сдѣлать не мало предположеній. Прежде всего надо допустить, что въ купель бросали монеты. Я не могу указать въ точности на существованіе такого обычая, но онъ очень возможенъ и вѣроятенъ; а такъ какъ найденныя монеты принадлежатъ длинному періоду времени, тремъ съ половиной вѣкамъ, то, допуская этотъ обычай, приходится неизбежно счесть, что онъ не составлялъ какой-либо рѣдкой случайности, а напротивъ того былъ всеобщимъ и весьма распространеннымъ, иначе не могъ бы удержаться столь долго. За время истекшихъ вѣковъ въ купели крещены сотни тысячъ и брошенныя ими монеты приходилось бы считать такими же числами. Неужели же изъ такого огромнаго количества только 22 штуки могли быть увлечены водой или какъ-нибудь пропих-

нуты въ каналъ? А если даже и такъ, то неужели эти монеты могутъ служить основаніемъ для опредѣленія времени? Вѣдь всегда можно и должно допускать въ такомъ случаѣ, что до первой монеты, случайно попавшей въ каналъ, и послѣ послѣдней, такой же, были многія тысячи, брошенныя въ купель, но выловленныя въ свою пользу клириками.

Сказаннаго недостаточно; приходится сдѣлать еще предположеніе,— допустить, что съ самаго начала VII вѣка крещальня уже не употреблялась, а это ни изъ чего не видно, да оно и противорѣчитъ всему намъ извѣстному гдѣ бы то ни было. Допустивъ такой ранній забросъ крещальни, намъ уже нечѣмъ будетъ объяснить, почему она дошла до насъ въ достаточно цѣломъ видѣ и съ совершенно ясной и опредѣленной купелью, не уничтоженной, хотя она и была помѣхой при иномъ назначеніи зданія. Я думаю, это случилось потому, что купель дѣйствовала до гораздо болѣе позднихъ временъ. Въ объясненіе этого затрудненія пришлось выдвинуть еще новое предположеніе, а именно, что баптистерій, послѣ многихъ передѣлокъ, обращенъ въ общую усыпальницу, и все это будто бы видно изъ раскопокъ 1877 года ¹⁾. Смѣю увѣрить, что ничего подобнаго ни тогда не было открыто, ни теперь не усматривается. Въ то время ни къ раскопкамъ, ни къ ведшему ихъ монастырю, ни къ Одесскому Обществу я не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія, и даже вопросы археологіи были для меня очень далекими, но по обязанностямъ службы (военное время) я бывалъ часто въ Херсонесѣ, интересовался раскопками и видѣлъ, что было найдено, а по своему ремеслу способенъ былъ понимать находимое. Я хорошо помню и крещальню въ моментъ ея раскопки. Въ ней оказалось то самое, что видно и по сей часъ, съ той разницей, что въ южной апсидѣ была найдена одна могила сверхъ пола, а на стѣнахъ вокругъ нея сохранились остатки штукатурки съ слѣдами фресокъ. Никакихъ передѣлокъ, кромѣ закладки дверей, что вовсе не есть передѣлка зданія, тамъ замѣтить невозможно. Ничего дающаго возможность счесть, что крещальня была обращена въ усыпальницу, не нашлось, даже ни одной могилы, кромѣ вышеуказанной, внутри не оказалось, и во всякомъ случаѣ остатки купели были на своемъ мѣстѣ. Я и самъ въ началѣ, пока не была совершенно раскопана крещальня, предполагалъ не передѣлку

¹⁾ *Извѣстія*, IV, 92, 96.

ея, которой не видно, а перестройку сплошь всей крещальни въ IX вѣкѣ, основываясь на перестройкѣ сосѣдней съ нею базилики и нѣкоторыхъ мелочныхъ признакахъ ¹⁾. Новыя находки вообще въ Херсонесѣ и полное раскрытіе всей крещальни убѣждаютъ меня въ томъ, что это предположеніе нельзя поддерживать буквально и что оно можетъ относиться къ нѣкоторымъ пристройкамъ вокругъ крещальни, но сама она осталась безъ перемѣны отъ начала.

Теперь попрошу обратить вниманіе на составъ найденныхъ монетъ. Онѣ оказались: Валентиніана I [375]—1; Валентиніана II [392]—2; Θεодосія I [395]—1; Гонорія [423]—2; Льва I [473]—3; Юстиніана I [565]—12; Тиверія Маврикія [602]—1. Глядя на такой составъ монетъ, я не думаю, чтобы была малѣйшая возможность въ такой многовѣковой цѣлесообразности ихъ подбора допустить многобратное повтореніе случайности, вѣра въ которую вѣдь тоже не можетъ быть безграничной.

Итакъ, данное объясненіе сдѣланной монетной находки, требуя для своего осуществленія нѣсколькихъ предположеній, одно невѣроятнѣе другого, въ концѣ концовъ упирается въ такое обстоятельство, которое всѣ ихъ въ корень разрушаетъ, такъ какъ обнаруживаетъ ясный, прямой человѣческій умыселъ, искусственный подборъ, а вовсе не результатъ дѣйствія случая, составившаго изъ многихъ тысячъ монетъ маленькую нумизматическую коллекцію.

Отсюда понятно, что дѣло было вовсе не такъ, какъ предполагается. Монеты были подобраны умышленно (много современныхъ, очень распространенныхъ. Юстиніана I и очень мало древнихъ, рѣдкихъ) и положены одновременно, слѣдовательно не первая изъ нихъ, а послѣдняя опредѣляетъ время постройки. Если мы теперь вспомнимъ, что и здѣсь, такъ же какъ и въ Уваровской базиликѣ, при которой состояла эта крещальня, послѣдней монетой является монета того же Тиверія Маврикія, то и предлагаемое объясненіе находки, и заключеніе изъ нея объ одновременномъ построеніи и базилики, и крещальни, получаетъ такую достовѣрность, выше которой едва-ли можно требовать въ вопросахъ археологій.

Даваемое мною объясненіе находки еще могло бы представлять нѣкоторое сомнѣніе въ смыслѣ вопроса о томъ, были ли полагаемы,

¹⁾ Раск. Херс. 42

вообще говоря, въ основы зданій подобныя коллекціи монетъ, къ тому же очень разнящихся по времени, но и это рѣшается совершенно точно вышеуказанными примѣрами и въ особенности монетами, обнаруженными въ водоемѣ діаконика крестоваго храма, смыслъ и точность находенія которыхъ не представляютъ никакого сомнѣнія. Въ крещальнѣ повторилось совершенно то же, что и въ крестовомъ храмѣ, при окончаніи котораго заложили въ водоемѣ серію монетъ. Подобіе этой послѣдней находки съ монетами, найденными въ крещальнѣ, доходитъ почти до полного тождества. Въ діаконикѣ найдены 26 монетъ: Θεодосія I [395]—2; Льва I [474]—4; Анастасія [518]—2; Юстиніана I [565]—13 и неразобранныхъ—5, въ которыхъ легко могли быть недостающія по сравненію съ находкой въ крещальнѣ. Отмѣчу еще странное совпаденіе—подъ престоломъ Уваровской базилики также найдены 22 монеты, хотя уже и X вѣка. Послѣ выясненія возможности одновременнаго захороненія разныхъ монетъ, находка ихъ въ крещальнѣ уже не требуетъ никакихъ гадательныхъ предположеній, никакихъ случайностей для своего объясненія. Она крайне проста и обыкновенна, отвѣчая какъ всѣмъ археологическимъ соображеніямъ, такъ и всему извѣстному вокругъ крещальни. Можетъ требовать объясненія только самое мѣсто и способъ находенія этого маленькаго клада, но эту сторону вопроса теперь рѣшить точно невозможно, и каждый можетъ ее обставить по своему вкусу: положены были монеты подѣ какой-либо камень, сдвинутый при раскопкахъ, или ранѣе, безчисленными случайностями многовѣкового воздѣйствія силъ природы и людей; были онѣ замазаны растворомъ, вымытымъ временемъ и теченіемъ воды; выпали изъ какой-либо пряталки подѣ каналомъ и проч. Извѣстно, что каналъ былъ найденъ забитымъ камнемъ и землей, и мѣсто находенія монетъ съ безусловной точностью не могло опредѣлиться ни во время работъ, ни теперь, да и надобности въ томъ нѣтъ, такъ какъ все это второстепенно.

Раскапывая крещальню снаружи, нашли кусокъ стѣны (а, см. табл. I, показано точками), принятой за остатокъ апсиды базилики, на которой былъ воздвигнутъ баптистерій. А такъ какъ былъ послѣдній построенъ, по тогда сдѣланному выводу, въ половинѣ IV вѣка, то древность базилики, успѣвшей къ этому времени разрушиться, оказывалась такой умопомрачительной, что и „Отчетъ“ обратилъ вниманіе на эту чрезвычайную на-

ходку ¹⁾. Къ сожалѣнію, все это основано на недоразумѣніи, какъ относительно времени построения крещальни, такъ и въ смыслѣ открытія мнимыхъ остатковъ базилики. Въ этомъ разѣ дѣло тоже идетъ о цѣлой серіи предположеній, выдвинутыхъ неправильно понятымъ клочкомъ стѣны. Послѣ того какъ доказано, что крещальня построена не въ IV, а въ концѣ VI или началѣ VII вѣковъ, — ясно, что и базилика подъ нею, еслибы таковая нашлась, уже не можетъ претендовать на необычайную древность, и это тѣмъ болѣе вѣрно, что не только базиличныхъ, но и никакихъ остатковъ болѣе раннихъ, чѣмъ крещальня, здѣсь вовсе не имѣлось.

Найдя кусочекъ стѣны, едва возвышающійся отъ скалы, имѣющей размѣръ менѣе двухъ м. длины, предположили въ немъ остатки базилики только потому, что этотъ кусокъ стѣны шелъ бы по кругу. Но, возстановивъ этотъ кругъ апсиды, мы получили бы всего около трехъ аршинъ въ поперечникѣ; стало быть, по малому размѣру она не могла быть алтаремъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, сдѣлали новое предположеніе о томъ, что базилика имѣла три апсиды и что найденъ кусокъ боковой, а средняя была гораздо больше. Это было бы возможно, хотя и ничѣмъ не доказуемо. Впрочемъ, всѣ эти предположенія уже и потому напрасны, что осмотръ этой мнимой апсиды съ точностью показалъ, что не на ней стоитъ крещальня, а она сама примыкаетъ къ стѣнѣ послѣдней и слѣдовательно непреложно построена позже, а не ранѣе. Это именно тотъ случай, гдѣ наблюденіе укладки одного простого камня исполнѣ точно рѣшаетъ вопросъ.

Прибавлю, что не только древней апсиды нельзя видѣть въ этомъ остаткѣ стѣны, но вѣроятно и никакой, потому что одна сторона въ ней совершенно прямая, а другая имѣетъ малую кривизну.

Снаружи стѣнъ крещальни были найдены остатки мозаичнаго пола, который отнесенъ къ той же мнимой базиликѣ, а на немъ будто бы впоследствии поставлены стѣны крещальни. Осмотръ этихъ стѣнъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были найдены куски мозаики, показалъ, что подъ стѣнами нѣтъ ея признака, да и не могло быть, такъ какъ фундаменты стѣнъ крещальни идутъ глубже уровня мозаики и, стало быть, не могли на ней стоять. Уровень этого какъ бы наружнаго пола находится

¹⁾ *Извѣстія*, IV, 92, 96; *Отчетъ* за 1901, 42.

на одномъ уровнѣ съ поломъ крещальни, изъ которой имѣется дверь въ сторону мозаики, какъ и въ противоположную, гдѣ еще сохранилась стѣна не то двора, не то пристройки, и эта дверь не пробита послѣ, а одновременна съ постройкой крещальни, и въ ея просвѣтѣ полъ также мозаичный. Что къ церквамъ вообще дѣлались пристройки какаго-то неопредѣленнаго назначенія, мы знаемъ изъ всѣхъ раскопокъ, и въ этихъ пристройкахъ находили мозаичные полы (напр. въ базиликѣ, открытой въ 1889 году, и Уваровской). Такимъ образомъ рѣшительно все найденное въ крещальнѣ прямо указываетъ на то, что мозаичные полы были въ пристройкѣ, находившейся въ прямой связи съ крещальней, и слѣдовательно одновременны съ нею или нѣсколько позже ея, но не ранѣе. Съ другой стороны ясно видно, даже на планѣ описанія, что этотъ полъ не имѣлъ никакого отношенія къ тому куску стѣны, въ которой предполагается апсида базилики ¹⁾. На этомъ планѣ отчетливо показано ограниченіе мозаичнаго пола стѣной другой постройки, а все это вмѣстѣ стоитъ внѣ какой-либо связи съ предполагаемой апсидой. По осмотру въ натурѣ оказалось, что кусокъ стѣны, ограничивавшій мозаику (на табл. I онъ обозначенъ точками и буквами *с—с*), точно той же постройки, что и стѣны самой крещальни съ прокладкой слоевъ кирпича. Слѣдовательно эта постройка съ поломъ одновременна крещальнѣ, и только впоследствии она была частью сломана, а дверь изъ крещальни заложена и на остаткахъ пола поставлены стѣны позднѣйшей надмогильной часовни *С*, примкнутой къ крещальнѣ.

По всему сказанному невозможно видѣть здѣсь въ кускѣ стѣны *а* указаніе на существованіе базилики; но чему принадлежалъ этотъ кусочекъ, принятый за древнюю апсиду, я не берусь опредѣлить. Можетъ быть, это была какая-нибудь маленькая часовня, но возможно, что это остатокъ и чего-либо совсѣмъ иного.

Въ описаніи раскопокъ крещальни сказано: „Во многихъ мѣстахъ стѣны оставлены для осушки узкія сквозныя отверстія, назначеніе коихъ нѣкоторые, однако, объясняютъ иначе, считая ихъ голосниками“ ²⁾. Оба предположенія слишкомъ остроумны и по тому самому невѣроятны. Они оба показываютъ, до чего у насъ неясны и произвольны представленія

¹⁾ *Извѣстія*, IV, 74.

²⁾ *Извѣстія*, IV, 94.

объ исторіи архитектуры и строительной техники. Сушить стѣны не можетъ понадобится въ такомъ жаркомъ и сухомъ климатѣ, какъ херсонесскій, а голосники устраивались совсѣмъ не такъ, не тамъ и не тогда. Эти сквозныя отверстія не что иное, какъ мѣста деревянныхъ пальцевъ, заложанныхъ въ стѣну при ея постройкѣ для подмостей. По окончаніи работъ торчащіе куски пальцевъ, нажатые кладкой, нельзя было вытащить и они спиливались подъ лицо со стѣной, а оставшіеся въ стѣнахъ куски ихъ, служа поперечной связью въ свѣжихъ стѣнахъ, впоследствии гнивали безъ остатка, оставляя на своемъ мѣстѣ сквозныя отверстія. Это вовсе не догадка, а точное опредѣленіе, которое легко и повѣрить, потому что весьма часто въ такихъ отверстіяхъ оказываются на растворѣ отпечатки слоевъ бывшего тамъ дерева. Нашихъ подмостковъ въ видѣ огромныхъ лѣсовъ, стоящихъ вокругъ зданія, византійцы совсѣмъ не употребляли, всячески избѣгая расхода на дорогой и рѣдкій лѣсъ. Замѣчательно, что столь употребительная на Востокѣ, съ незапамятныхъ временъ, прокладка деревянныхъ брусевъ вдоль и поперекъ каменныхъ стѣнъ совершенно неизвѣстна въ Херсонесѣ, даже и въ крѣпостной оградѣ, гдѣ ихъ примѣненіе указывалось какъ необходимое древними размыслами.

Я вдался, можетъ быть, въ слишкомъ мелочныя подробности, но дѣло въ томъ, что крещальня, представляющая любопытнѣйшую христіанскую постройку въ Херсонесѣ, единственную въ своемъ родѣ извѣстную въ русскихъ предѣлахъ, теперь, послѣ опредѣленія точнаго времени ея построения и раскрытія ея со всѣхъ сторонъ, становится еще интереснѣе, такъ что слѣдуетъ дать о ней возможно точныя свѣдѣнія. Ея планъ выясняется нѣсколько иначе, чѣмъ можно было думать, судя по внутреннимъ очертаніямъ, и представляетъ нѣчто совершенно оригинальное, нигдѣ не виданное, на сколько я знаю. Сдѣланное до сихъ поръ въ смыслѣ его точнаго опредѣленія недостаточно, всѣ планы невѣрны и слишкомъ малы, а потому я вновь тщательно снялъ планъ съ натуры въ большемъ видѣ и даю въ достаточно крупномъ масштабѣ на табл. I, отбросивъ всѣ пристройки, чтобы не затемнять дѣло.

Прежде всего замѣчу, что въ этой постройкѣ, какъ и вообще въ византійскихъ, разбивка зданія крайне небрежна: симметричныя углы и линіи не равны, круги не круглы, параллельныя линіи не параллельны, прямыя углы не прямы. Это не надо забывать при дальнѣйшихъ сообра-

женіяхъ. Затѣмъ, самый планъ ея внутри представляется въ видѣ большого круга, къ которому съ трехъ сторонъ, восточной, сѣверной и южной, прибавлены апсиды, а съ запада — прямоугольная часть. Все вмѣстѣ образуетъ родъ трилистника, какъ я уже давно говорилъ, стараясь подыскать аналогію плановъ зданій, найденныхъ лишь на западѣ, и то поздно, въ X—XII вѣкахъ ¹⁾. Болѣе раннее построеніе крещальни въ Херсонесѣ показываетъ, что эти планы откуда-то заимствованы западомъ, но, конечно, не изъ Херсонеса. Раскопанная совершенно кругомъ, крещальня представила и снаружи очертанія очень замысловатыя: апсиды обдѣланы гранями и все вообще изображаетъ своеобразную фигуру. Все это трудно выполнимо и совершенно не имѣетъ себѣ подобія, на сколько я знаю. Только планъ часовни св. Андрея подлѣ базилики въ Паренцо имѣетъ сходство съ крещальней (тамъ крещальня есть и кромѣ того), если отъ послѣдней отбросить прямоугольную часть ²⁾. Время сооруженія этой часовни близко къ крещальнѣ, около конца VI вѣка, а можетъ быть и нѣсколько позже. Общая схема плана крещальни укладывается въ параллелограммъ (на планѣ А, В, С, D), у котораго острые углы снаружи срубаны, а внутри ихъ выдѣланы боковыя апсиды, извнѣ тупыхъ угловъ сдѣланы большая восточная апсида и прямоугольная часть западнаго входа. Покрытіе зданія съ такимъ планомъ трудно, и нельзя рѣшить точно, какимъ оно могло быть. Видя только внутренность, я полагалъ, что апсиды были покрыты полукуполами, а середина зданія — кровлей по стропиламъ, но теперь мнѣ кажется возможнымъ допустить покрытіе и середины также куполомъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Стѣны владены лучше стѣнъ крестовыхъ храмовъ, хотя тоже въ видѣ бутовой кладки, но на высотѣ около 1 м. сохранился прослойкъ (около 0,30—0,40 м. толщ.) изъ 4—5 рядовъ кирпичича, по обычаю, съ постелями раствора болѣе толстыми, чѣмъ самый кирпичъ; конечно, такіе слои были и по всей высотѣ стѣнъ. Надъ одной дверью (южною) сохранилась часть ея перемычки въ видѣ полукруглой арки, также изъ кирпичича (толщ. 0,43 м.). Все это доказываетъ, что стѣнамъ желали придать относительно большую прочность. Въ планѣ са-

¹⁾ Раскопки Херс., 41—42.

²⁾ Lohde, Der Dom von Parenzo, Bl. I; Ferguson, A hist. of architect., 1893, I, 536—7 (планъ часовни не совсѣмъ точенъ); Hübsch, Die altchristl. Kirchen, 45, Bl. XVII (планъ часовни не вѣренъ).

михъ апсидъ также можно подмѣтить расчетъ на ихъ сопротивленіе распору купола: всѣ онѣ сдѣланы болѣе чѣмъ въ полкруга (тоже безпримѣрное начертаніе), ясно для того, чтобы главныя части апсидъ — арки стѣнъ большого купола можно было сложить прежде всего, придавая ихъ кирпичнымъ клиньямъ косое направленіе въ планѣ. Такимъ способомъ эти арки, трудныя въ исполненіи, являлись весьма прочною частью апсидъ, давая опору остальнымъ ихъ частямъ и позволяя сложить ихъ безъ кружалъ. Для техническихъ соображеній даю на рис. 12

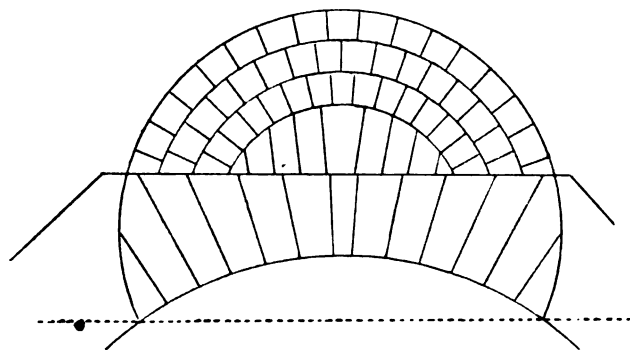

Рис. 12.

схему расположеній въ планѣ клиньевъ арки и остальной части апсиды, сообразно съ идеями византійской техники. Понятно, что въ дѣйствительности своды были сложены изъ тонкаго кирпича, и его клинообразное

расположеніе получалось только утолщеніемъ швовъ гдѣ надо. Въ общемъ, всѣ апсиды давали достаточно хорошо соображенное сопротивленіе распору купола надъ средней частью. По высказаннымъ основаніямъ я и даю реставрацію главныхъ линій крещальни на фасадахъ и разрѣзахъ на табл. I. Для такой реставраціи весь планъ имѣется; размѣры дверей въ высоту сдѣланы по одной, почти сохранившейся; высота оконъ—по двери, а ихъ ширина сохранилась; окна въ куполѣ—просто по догадкѣ.

Въ серединѣ крещальни устроена купель, обдѣланная мраморными плитами, размѣры которой и видъ представлены на планѣ и разрѣзахъ таблицы I. Изобразить купель выше пола было бы не трудно, по многимъ примѣрамъ, но я не рѣшился фантазировать безъ какого-либо мѣстнаго основанія. Сходили въ купель тремя ступенями со стороны востока, а это объясняется тѣмъ, что крещаемого вводилъ въ купель епископъ, стоявшій на восточной, алтарной сторонѣ крещальни. Полы въ крещальнѣ были мозаичные. Стѣны, повидимому, были обдѣланы мраморомъ до высоты пяти сводовъ апсидъ; впрочемъ, безусловно

утверждать этого нельзя. Дѣло въ томъ, что внутри зданія въ стѣнахъ во многихъ мѣстахъ видны желѣзные штыри—закрѣпы, вставленные послѣ кладки стѣнъ, но указаніе описаній о приставшихъ къ нимъ кускахъ мрамора не совсѣмъ точно. Кусочки мрамора оказываются; но не какъ остатки отъ облицовки, а глубже лица стѣнъ, какъ расклинка и расщепка штырей. Возможно, что эти штыри вставляли мраморщики, почему и расклинивали ихъ кусочками мрамора же, но его не трудно было найти въ городѣ и безъ мраморщиковъ, употребляя на расклинку просто какъ крѣпкій матеріалъ. Самое расположеніе штырей не только разнообразно, но даже фантастично; мѣстами ихъ много, рядами, мѣстами они очень рѣдки, одиночны, есть и внизу, и высоко вверху; во всякомъ случаѣ, никакой идеи о правильной облицовкѣ они не даютъ, хотя таковая и вѣроятна. Возможно также, что этими штырями прикрѣплялась не сплошная облицовка, а только мѣстами какія-либо посвяtitельныя плиты съ крестами, надписями и т. под. По стѣнамъ крещальни сохранились куски штукатурки, но она могла быть сдѣлана послѣ порчи облицовки и во всякомъ случаѣ часть ея сдѣлана послѣ закладки боковыхъ дверей, тоже заштукатуренныхъ. Въ главной апсидѣ была стѣнная мозаика, кусочковъ которой найдено много. Надо, впрочемъ, замѣтить, что на квадратный метръ идетъ такихъ кусочковъ болѣе 15,000, и потому большой счетъ найденныхъ даетъ небольшую поверхность. Разумѣется, нахожденіе мозаики не даетъ никакого основанія думать, что середина зданія была покрыта куполомъ, а не крышей, такъ какъ всегдашнее мѣсто мозаики—скорѣе всего апсида, а не куполь. На данныхъ разрѣзахъ реставрированной крещальни можно было бы показать внутреннюю отдѣлку стѣнъ, сообразную съ тѣмъ временемъ, но я это не счелъ возможнымъ за отсутствіемъ указаній, добытыхъ именно въ этой самой крещальнѣ.

Никакихъ слѣдовъ алтаря или его частей не было найдено въ главной апсидѣ. Направленіе крещальни—обычное въ Херсонесѣ, нѣсколько на сѣверо-востокъ, N 60°—E.

Крещальня строилась не сама по себѣ, а съ самаго начала уже находилась въ связи съ одновременными постройками вокругъ нея. Главный входъ, широкій и большой, былъ съ юго-запада, но кромѣ того

¹⁾ Ср. *Извѣстія*, IV, 93.

были еще три двери, оказавшіяся задѣланными, частью совсѣмъ, а частью такъ, что образовывали родъ ниши внутри. Всѣ эти двери — основныя, а не впоследствии пробитыя, и такъ какъ ихъ расположеніе не шаблонное, по осямъ зданія, а своеобразное и несимметричное, то и назначеніе ихъ и тѣхъ помѣщеній, куда онѣ вели, было особенное, связанное съ крещальней уже въ самомъ основномъ планѣ ея построенія. Сѣверо-западная дверь, конечно, сообщала ближайшимъ путемъ крещальню съ базиликой (для этихъ соображеній см. общій планъ въ „Извѣстіяхъ“ IV, 74). Южная вела къ какому-то помѣщенію съ неизвѣстнымъ назначеніемъ, но выстроенное одновременно съ крещальней и имѣвшее такіе же мозаичные полы; значитъ и назначеніе помѣщенія было довольно видное; отъ него остался кусокъ стѣны (a, e, на табл. I) и кое-гдѣ слѣды мозаичнаго пола. Западная дверь вела въ довольно большое пространство, огражденное стѣнами (d, d, табл. I). Его очертанія неправильны, съ непараллельными стѣнами, и потому вѣроятно, что это былъ некрытый дворъ. Въ оградѣ этого двора видны три входа: одинъ къ наружному водоему, другой—въ притворъ передъ крещальней, построенный позже крещальни и перекрытый крестовымъ сводомъ, и наконецъ третій, упомянутый выше,—въ самую крещальню. Ни одинъ изъ этихъ входовъ не показанъ на планѣ „Извѣстій“.

Есть еще одна особенность крещальни, на которую обращу вниманіе. Лѣвая (южная) сторона ея большой апсиды, какъ можно видѣть на планѣ, неправильна и не симметрична съ правой стороной; она какъ бы вдавлена, и тутъ же къ ней вплотную примыкаютъ стѣны какого-то сооруженія, показанныя на планѣ точками (e, e, табл. I). Ближайшій осмотръ показалъ, что это сооруженіе есть водоемъ, такъ какъ не только его стѣны, но и толстое дно сложены на очень сильномъ растворѣ, съ большой прибавкой цемьянки. Этотъ водоемъ пристроили къ крещальнѣ позже, выровнявъ его стѣнами впадины крещальни и даже закрывъ одно окно апсиды. Дно водоема толстое, выше пола крещальни около 0,50 м. Его стѣны, тѣ что кладены на цемянкѣ, около 1 м. вышиной, а надъ ними еще куски, повидимому, позднѣйшихъ надстроекъ; вода, значитъ, держалась до высоты одного метра.

Очевидно, что крещальню, нуждающуюся въ большомъ количествѣ воды, снабдили водоемомъ, прислонивъ таковой къ ея стѣнамъ. Въ сторону водоема, подъ окномъ южной апсиды крещальни, сохранилась водо-

проводная труба (А). Водоемъ этотъ пока представляется единственнымъ въ Херсонесѣ по своему расположенію: онъ поставленъ выше уровня улицы, прямо на поверхности скалы всей своей высотой, а слѣдовательно могъ наполняться изъ водопровода или напорной линіей трубъ, что для древнихъ было дѣломъ крайне рѣдкимъ, или маленькимъ акведукомъ на столбахъ выше уровня улицъ, длиною до пятидесяти сажень. Ни напорной линіи, ни акведука до сихъ поръ не находили слѣдовъ, и потому возможно также думать, что водоемъ наполнялся дождевой водой съ крышъ сосѣднихъ зданій. Вода изъ водоема, стоявшая выше купели крещальни, могла наполнять послѣднюю естественнымъ напоромъ безъ усилій на ея наливаніе, хотя слѣдовъ трубъ для этого и непримѣтно, такъ что, вѣроятно, ее переливали сосудами просто черезъ стѣнку водоема въ трубу А. Устройство такого, относительно большаго, водоема (его вмѣстимость около 4—5 тысячъ ведеръ, но и купель, при глубинѣ около 1 м., требовала до 350 ведеръ) при крещальнѣ является не только указаніемъ назначенія зданія, въ чемъ по очевидности дѣла не было надобности, но показываетъ также частоту и значительность совершенныхъ въ немъ крещеній въ то время, когда устраивался водоемъ, что, къ сожалѣнію, ничѣмъ не опредѣляется. Впрочемъ, быть можетъ, этой водой обслуживалась не одна крещальня, а и сосѣднія части города, такъ какъ водоемъ одной стороной идетъ вдоль улицы.

Больше нечего сказать о крещальнѣ, и если къ этому прибавить все, что говорено ранѣе въ ея описаніяхъ и чего я не счелъ необходимымъ повторять, то получится вполне достаточное и возможно полное и подробное описаніе и изображеніе этого во многихъ отношеніяхъ единственнаго зданія.

III. Крѣпостная ограда.

Глубокія раскопки 1899 года (и слѣдующихъ) совершенно неожиданно обнаружили участки древней оборонительной крѣпостной стѣны Херсонеса, оказавшіеся съ особенностями, какъ выражаются описанія раскопокъ, даже загадочными, и тутъ же въ одномъ мѣстѣ былъ найденъ погребальный склепъ съ урнами, въ которыхъ нашлись великолѣпныя золотыя вещи. Это послѣднее обстоятельство, совершенно случайное и единственное за все долгое время раскопокъ, обратило на себя

особенное вниманіе, хотя нисколько не измѣнило моего мнѣнія о слабой вѣроятности крупныхъ находокъ изъ времени древнегреческаго города. Это мнѣніе подтверждается всѣми семнадцатилѣтними раскопками, при которыхъ ни одного виднаго остатка зданія древнегреческаго времени такъ до сихъ поръ и не было найдено, кромѣ кое-какихъ, неизвѣстнаго назначенія, кусковъ стѣнъ. Необычайная случайность можетъ оказаться, но она не измѣняетъ общаго правила и ничего не доказываетъ. Находка денежнаго портфеля на улицѣ нисколько не опровергаетъ мнѣнія, утверждающаго, что прогулки по улицамъ не обогащаютъ. Для меня, по этому самому, чрезвычайный интересъ раскопокъ городской стѣны въ этомъ мѣстѣ былъ не въ найденныхъ золотыхъ вещахъ, ничего не прибавившихъ къ извѣстному уже по культурѣ тѣхъ временъ, а въ самой крѣпостной стѣнѣ, въ примѣненіи любопытнѣйшихъ основъ сопротивленія древней поліоркетики, въ нее вложенныхъ, въ томъ, что эта стѣна оказалась, какъ было исполнѣ и для всѣхъ очевидно, искусственно засыпанной. и, наконецъ, въ разнообразіи ея техническаго выполненія, имѣющаго рѣшающее значеніе для археологическихъ опредѣленій времени.

Крѣпостныя стѣны города, еслибы ихъ можно было описать съ должной полнотой, конечно, составили бы памятникъ любопытнѣйшихъ страницъ многовѣковой жизни Херсонеса. Сознывая это давно, въ описаніи, данномъ 15 лѣтъ тому назадъ, я могъ коснуться этого вопроса только въ видѣ намека, судя лишь по слабымъ слѣдамъ стѣнъ, видимымъ на поверхности ¹⁾. Съ тѣхъ поръ открыто много участковъ крѣпостныхъ стѣнъ не только въ вышеуказанномъ мѣстѣ, но и въ нѣсколькихъ другихъ. Теперь уже возможно было бы приступить къ общему описанію стѣнъ города, но я поджидалъ развитія раскопокъ, остающихся все еще не законченными въ этомъ смыслѣ. Къ тому же даже наиболѣе подвинутыя изъ нихъ не исполнѣ дослѣдованы, такъ что по нимъ еще и нынѣ трудно составить съ увѣренностью полныя поперечныя разрѣзы оградъ. Конечно, засѣвъ на нѣкоторое время въ Херсонесѣ, съ помощью небольшихъ дополнительныхъ раскопокъ и обмѣровъ можно было бы выяснитъ многое, если еще и не все; но я на это не имѣю ни права, ни возможности. Время, однако, уходитъ, я старѣю

¹⁾ Раскопки Херсонеса, 14.

и теряю надежду увидѣть полное изслѣдованіе городскихъ стѣнъ. Поэтому я хочу воспользоваться настоящимъ случаемъ, разъ что принялся за херсонесскія изслѣдованія, и высказать все мнѣ кажущееся, въ мѣру извѣстнаго до сихъ поръ, относительно какъ вышеуказаннаго любопытнѣйшаго участка городскихъ стѣнъ, открытыхъ съ южной стороны города, близъ Карантинной бухты, такъ и всѣхъ стѣнъ вообще. Отсюда будетъ видно, что я не только не могу согласиться съ выводами, сдѣланными въ описаніяхъ раскопокъ, но что и все здѣсь найденное гораздо сложнѣе, любопытнѣе и даже удивительнѣе, чѣмъ то кажется до сихъ поръ, отчетливо отгравывая совсѣмъ не замѣченныя стороны. Если кое-что останется не рѣшеннымъ, то все же главныя основы обороны города представятся довольно ясно.

Планы и виды многихъ частей стѣнъ даны въ „Отчетахъ“ и „Извѣстіяхъ,“—я и буду на нихъ ссылаться ¹⁾. Но все это состоитъ изъ раз-

---

¹⁾ Позволю себѣ выразить сожалѣніе о прошломъ и просьбу на будущее, обращаемою не только къ херсонесскимъ раскопкамъ, но и ко всякимъ инымъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Планы найденнаго обыкновенно, особенно въ послѣднее время, даются достаточно вразумительные, но при нихъ не бываетъ разрѣзовъ, а только послѣдніе могутъ должнымъ образомъ закрѣпить и освѣтить первые. Еще важнѣе слѣдующее. Фотографій снимается мало, а это дѣло крайней важности, ибо вѣдь это документы, которые потомъ никогда и ничѣмъ не могутъ быть восполнены. Но для того, чтобы фотографіи были не просто иллюстраціей, а получили бы полное значеніе совершенно точнаго документа, необходимо снимать ихъ не такъ, какъ то всегда дѣлается, а не иначе, какъ съ приложеніемъ масштабовъ, что сдѣлать весьма легко и просто. Нѣсколько метровыхъ лентъ въ родѣ ленты рулетки, дѣленыхъ рѣзкими полосами окраски (напр. бѣлымъ и краснымъ) на дециметры, вотъ и все, что надо прибавить къ обычной поклажѣ фотографа. Эти ленты должно прикрѣплять вертикально (но хорошо также и горизонтально) на снимаемомъ зданіи въ нѣсколькихъ доступныхъ мѣстахъ. Затѣмъ снимаютъ вмѣстѣ съ лентами, и фотографіи получатся съ масштабами, дающими возможность находить дѣйствительные размѣры всяческихъ мѣстъ, самыхъ укромныхъ и вовсе недоступныхъ, напримѣръ, высоты зданія, детали разрушившейся недоступной его части и т. д., безъ подмостей, безъ риска сломать себѣ шею и къ тому же съ такой совершенной точностью, которой никогда не достигнуть обыкновеннымъ путемъ прямыхъ измѣреній. Случайно забытый или не казавшійся надобнымъ размѣръ какой-либо части можетъ испортить всю работу, ибо нельзя вернуться, или само мѣсто успѣло разрушиться, но фотографія ничего не забудетъ. Надо только помнить, что всякій масштаб годится лишь къ вертикальнымъ линіямъ надъ нимъ (если фотографія не точно параллельна стѣнѣ), но два масштаба, прикрѣпленные къ ближайшему и дальнѣйшему мѣстамъ зданія даютъ возможность, соединивъ ихъ дѣленія линіями на готовой фотографіи, получить масштабъ любого мѣста въ той же плоскости. Не распространяюсь далѣе, ибо понятво, что самыхъ простыхъ геометрическихъ соображеній достаточно, чтобы размѣстить масштабы наилучшимъ для полученія всѣхъ размѣровъ образомъ и ими пользоваться потомъ. Ни одна археологическая фотографія, а особенно зданій, не должна дѣлаться безъ такихъ масштабовъ.

рознесенныхъ кусочковъ и не можетъ служить для общихъ соображеній, въ которыхъ именно и заключается главный интересъ. Поэтому прилагаю общій планъ мѣстности города, съ нанесенной на немъ крѣпостной оградой, на табл. II. Мною принять достаточно большой масштабъ для этого плана, составленнаго по лучшей, новѣйшей съемкѣ, и хотя таковую пришлось увеличить вшестеро, многое пополняя приблизительно, но точность плана для археологическихъ соображеній удовлетворительна. Горизонталы высотъ назначены черезъ сажень высоты. Ничто изъ современныхъ построекъ, и даже древнихъ, кромѣ ограды, не показано, чтобы не спутывать представленія. Иное дѣло самая ограда. Ея общая съемка въ наше время не дѣлалась, а отдѣльныя части, по мѣрѣ ихъ раскапыванія, изображались, но свести ихъ въ одинъ планъ весьма трудно, такъ какъ для этого недостаточно данныхъ указаній, произвести же дополнительную съемочную рекогносцировку для меня было недоступно по причинѣ нахождения тамъ батарей. Приходилось сдѣлать возможное, такъ какъ въ будущемъ можетъ утратиться и то, что нынѣ извѣстно. Я принималъ въ соображеніе: первыя русскія съемки, дававшія довольно цѣнныя указанія; большой планъ Херсонеса изъ неизданной части атласа графа Уварова [листъ LXXX]; отдѣльные частичные планы, помѣщенные въ отчетахъ; для самой важной части—рукописный планъ М. И. Скубетова, которому приношу глубочайшую благодарность за возможность имъ пользоваться; наконецъ, свои личныя замѣтки и рекогносцировки. Въ общемъ, получившійся планъ ограды, не будучи топографически строго точнымъ, совершенно удовлетворителенъ для всякихъ археологическихъ соображеній. На немъ не трудно будетъ сдѣлать поправки или нанести новыя подробности сообразно съ будущими раскопками, хотя таковыя едва-ли могутъ измѣнить наше общее представленіе, на столько дѣло выяснилось. На этомъ планѣ толстыми красными линіями показана ограда съ башнями тамъ, гдѣ она опредѣлена раскопками или видомъ существующаго; толстыми точками показано направление, предполагаемое съ достаточной точностью, мелкими точками—просто по соображенію. Римскими цифрами обозначены башни, арабскими—промежутки между башнями, куртины; буквами—входы и иныя детали. Но прежде чѣмъ я сдѣлаю описаніе всей ограды въ смыслѣ оборонительномъ, остановлюсь на разсмотрѣніи тѣхъ ея частей, которыя были наиболѣе изслѣдованы и представили совершенно неожиданныя

особенности въ смыслѣ наслоенія и наростанія ограды. Отсюда получатся такія опредѣленія основныхъ точекъ, по которымъ можно будетъ подойти и ко времени построенія.

Важнѣйшая и наиболѣе изслѣдованная часть стѣны обазывается въ юго-восточной сторонѣ ограды, прилегающей къ Карантинной бухтѣ, именно башни XII—XX и куртины 12—27. Для удобства чтенія, маленькій планчикъ всего этого, безмасштабный и умышленно преувеличенный въ размѣрахъ, представленъ на рис. 13.

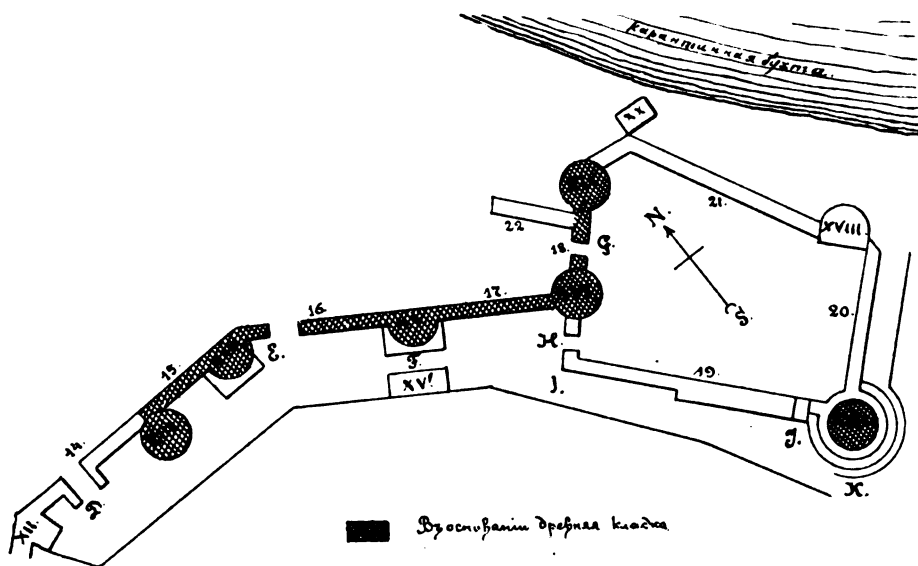

Рис. 13.

Это протяженіе стѣны открыто не сразу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; понятно, что смыслъ всего выяснился и для описаній постепенно, а конечный выводъ изъ всего до сихъ поръ усмотрѣннаго вромѣ не напечатанныхъ описаній раскопокъ послѣднихъ дней, показанъ въ „Извѣстіяхъ“ II, 35, примѣч. 2-е.

При взглядѣ не только на общій планъ, но и на схему рисунка 13, съ очевидностью бросается въ глаза, что главная, основная ограда здѣсь шла только по башнямъ XII, XIII, XIV, XV, XVI и XIX. Весь участокъ ограды далѣе къ югу, образующій неправильный четырехугольникъ по башнямъ XVII и XVIII, прибавленъ послѣ, внѣ основного плана крѣпости. До приступа къ раскопкамъ на этихъ участкахъ были видны лишь куски стѣны съ ободранной облицовкой и груды земли и мусора.

Оказавшееся въ существѣ сдѣланныхъ здѣсь раскопокъ укажу отдѣльно по этимъ различнымъ частямъ ограды.

Раскопанная вполнѣ основная часть ограды въ самомъ высокомъ мѣстѣ оказалась засыпанной на высоту около четырехъ-пяти метровъ отъ вѣроятныхъ фундаментовъ стѣнъ или, точнѣ говоря, отъ уровня моря, ниже котораго раскопки не могли продолжаться. Эта засыпь стѣнъ впереди куртинъ 15, 16, 17 (и 19-й, слѣдующаго участка) оказалась искусственной, сдѣланной одновременно и умышенно, далѣе увидимъ, когда именно. Это не наростаніе почвы, столь обычное въ древнихъ городахъ, дѣлаемое рукою времени. Когда вся засыпь была вывезена и обнажилось лицо стѣнъ, то въ наиболѣе высокихъ частяхъ, на куртинахъ 16—17, выдѣлились три яруса кладки, находящіеся одинъ надъ другимъ по высотѣ стѣны, рѣзко различные по способу исполненія ихъ облицовки и забутки. На облицовку употреблены слои естественнаго известняка изъ дальнихъ ломокъ окрестностей города, такъ называемаго степного, сарматскаго яруса, говоря геологически. Для бута во всю толщину стѣны употребленъ тотъ же известнякъ худшаго качества изъ ближайшихъ ломокъ. По качеству вообще камень хорошъ, не особенной твердости, но лучшаго въ близкихъ окрестностяхъ города не имѣется ¹⁾. Эти ярусы кладки, отличающіеся способомъ работы, вмѣстѣ съ тѣмъ различны и по времени исполненія. Ихъ надобно описать отдѣльно каждый, и уже потомъ я укажу, гдѣ какой изъ нихъ находится, ибо здѣсь открывается самое замѣчательное изъ этихъ раскопокъ.

Облицовка нижняго яруса снаружи сдѣлана изъ превосходной, тщательно исполненной, правильной кладки штучными камнями, съ старательной притеской швовъ и обдѣлкой лица каждаго камня въ рустъ. Въ каждомъ рядѣ камни чередуются черезъ одинъ, длинный и короткій, или, какъ мы теперь говоримъ, они положены то логомъ, то тычкомъ.

¹⁾ Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ окрестности Херсонеса, такъ называемый Гераклеійскій полуостровъ, геологически представляютъ одну формацію, но въ строительномъ смыслѣ качество добываемаго тамъ камня весьма различно и измѣнчиво. Отсюда уже можно заключить, что мощныя ломки камня, точно одинаковаго, не вѣроятны, и дѣйствительно мы ихъ никогда не могли найти. Разумѣется, то же самое было и въ древности. Каменными породами, добываемыми нѣсколько далѣе (Инкерманъ—красивый, мягкій камень; Балаклава—несравненно болѣе твердый и прочный, мраморовидный), древній Херсонесъ вовсе не пользовался, кромѣ чрезвычайныхъ исключеній для перваго камня, всего вѣроятнѣе потому, что эти мѣстности лежали за предѣлами его политическаго и достаточно безопаснаго владѣнія.

Тычки квадратны по лицу, ложки прямоугольны, раза въ три длиннѣе своей высоты. Рядъ надъ рядомъ камни идутъ въ перевязь, такъ что каждый тычекъ лежитъ на ложкѣ и ложкомъ покрывается. Всѣ камни облицовки положены безъ раствора, по древнему правилу. Тычки, разумѣется, служатъ для связи облицовки съ забуткой стѣнъ; частью они запущены въ стѣну очень глубоко, такъ что сходятся тычки съ обѣихъ сторонъ на серединѣ стѣны. Въ болѣе тонкихъ стѣнахъ находили тычки длиною болѣе двухъ метровъ, перехватившіе всю стѣну, отъ одного до другого лица. Особенно замѣтное отличіе облицовки этого яруса состоитъ въ томъ, что на ея камняхъ встрѣчаются рабочія мѣтки, не найденныя въ другихъ ярусахъ ¹⁾. Но и въ этомъ ярусѣ мѣтки очень рѣдки, что объясняется мѣстомъ ихъ постановки; понятно, что мы видимъ только тѣ, которыя были поставлены на лицѣ, и не можемъ видѣть поставленныхъ на поверхностяхъ камней, находящихся въ стѣнѣ (постели, заусенки, хвосты). Въ общемъ были примѣчены мѣтки на 39 камняхъ; нѣкоторыя изъ нихъ повторились по нѣсколько разъ, такъ что различныхъ найдено двадцать, собранныхъ на рис. 14 въ алфавитномъ порядкѣ ²⁾.

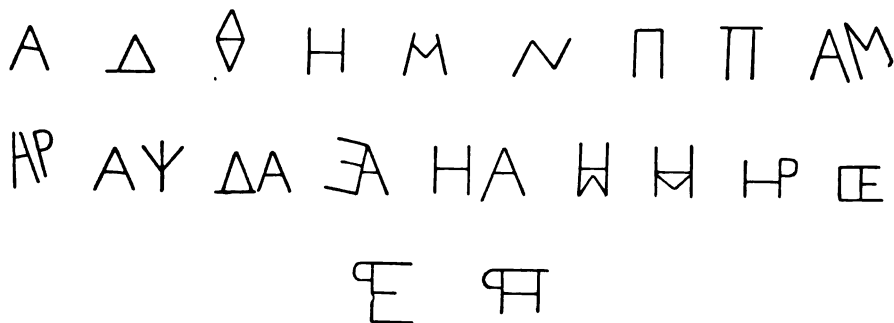

Рис. 14.

Этого описанія достаточно, но такъ какъ никакими словами не скажешь того, что можно сказать изображеніемъ, то прилагаю въ таблицахъ нѣсколько участковъ стѣнъ съ масштабами; изъ нихъ всего яснѣе снимовъ на табл. VI, гдѣ нижніе семь рядовъ и составляютъ тотъ ярусъ, о которомъ я говорю теперь, а остальные ряды принадлежатъ къ далѣе описываемымъ слѣдующимъ ярусамъ; нижній рядъ на половину въ водѣ уровня моря.

¹⁾ *Извѣстія*, 1, 27.

²⁾ Начертанія рабочихъ мѣтокъ сообщены М. И. Скубетовымъ, которому я привошу глубочайшую благодарность.

Способъ только что описанной кладки лица стѣны извѣстенъ изъ далекой древности, но я не помню, чтобы мнѣ приходилось видѣть его исполненнымъ съ такими осложненіями, совсѣмъ не надобными и даже вредными въ такихъ чисто утилитарныхъ работахъ, какъ крѣпостныя стѣны. Обыкновенно довольствовались прокладкой тычковъ черезъ рядъ, а не въ каждомъ ряду, чтобы удешевить и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшить работу. Здѣсь на эти стороны дѣла не хотѣли или не умѣли обратить вниманіе. Всѣ камни по лицу обдѣланы въ рустъ; такъ это опредѣляютъ и описанія, но такое названіе надо понимать не по современному. Догадка описанія о томъ, что „рустикъ устраивался съ цѣлью оказывать извѣстное сопротивленіе стѣнобитнымъ снарядамъ“ [машинамъ?] ¹⁾, покажется едва-ли приемлемой, особенно когда тутъ же та же обдѣлка показана въ проѣздѣ воротъ или въ зданіяхъ внутри города, куда не могли достигать удары непріятельскихъ машинъ; ее же нашли въ стѣнѣ вокругъ низа кургана Шверина, снесеннаго въ началѣ раскопокъ, лѣтъ семнадцать тому назадъ. Не знаю, что могло дать поводъ къ такой догадкѣ относительно обычно-ремесленнаго приема, имѣвшаго связь не съ назначеніемъ камня, а исключительно съ способомъ его обтески. Правда, у Филона Византійца ²⁾ есть указаніе на полезность оставленія специальныхъ выступовъ на камняхъ лица крѣпостной стѣны, чего-то въ родѣ шишекъ, будто-бы для лучшаго сопротивленія снарядамъ метательныхъ орудій. Но эти шишки не имѣли ничего общаго съ обработкой камней въ рустъ для всякихъ цѣлей и строеній, а для боевыхъ стѣнъ онѣ не имѣли и практическаго смысла. Очевидно, поэтому этотъ совѣтъ не нашелъ себѣ послѣдователей, и примѣненіе таковаго способа я знаю только очень поздно, въ стѣнахъ Рима временъ Гонорія. Въ сущности, обдѣлка камней въ рустъ, т. е. обтеска по лицу какъ бы ленты вокругъ всѣхъ краевъ камня, имѣла въ древности значеніе не украшенія, какъ у насъ теперь, и тѣмъ болѣе не микроскопическаго увеличенія прочности, а употреблялась какъ особый способъ работы, имѣвшій свой смыслъ, какъ предварительная, сокращенная обтеска лица, достаточная для точной укладки камней на мѣсто въ стѣну. Затѣмъ уже въ самой

¹⁾ *Извѣстія*. I, 52.

²⁾ Rochas d'Aiglun, *Poliorecétique des Grecs*. Philo, I, 22 (p. 40). Переводъ Филона и другихъ съ хорошими комментаріями военнаго инженера. Далѣе буду ссылаться на него, указывая просто древнихъ авторовъ.

стѣнѣ оставшаяся грубая середина каждаго камня стесывалась гладко и стѣна получала окончательную обдѣлку. Иногда послѣднее не успѣвали сдѣлать или не считали надобнымъ, что и было въ описываемомъ ярусѣ стѣнъ, и благодаря чему до насъ дошли рабочія мѣтки, нарубленныя на предполагаемой къ отескѣ серединѣ лица камня. Позднѣе, въ эллинистическій періодъ, стали въ этомъ видѣть декоративный мотивъ. Въ такомъ рабочемъ приѣмѣ мы теперь не видимъ ни надобности, ни пользы, и обдѣлку камня въ рустъ употребляемъ лишь какъ украшеніе, но польза была, и не малая. Распространяться о ней здѣсь, какъ о дѣлѣ чисто техническомъ, не стану.

Для полноты описанія этого яруса остается прибавить, что величина камней облицовки средняя, ихъ размѣры можно получить изъ фототипіи, и такъ какъ такіе камни были еще довольно легко поворачиваемы руками, то никакихъ приспособленій для ихъ подъема въ нихъ и не оставлено. Облицовочные камни были связаны между собою внутри стѣны вырубками въ видѣ ласточьихъ хвостовъ. Такія же связи видны въ остаткахъ другихъ сооружений приблизительно того же времени, найденныхъ внутри города неподалеку отъ воротъ ¹⁾. Описаніе предполагаетъ совершенно правильно, что въ эти вырубны были вогнано дерево (всего чаще каштановое, какъ не скоро гниющее), выгнившее безъ остатка. Такой способъ крѣпленія именно деревомъ совершенно нормаленъ и извѣстенъ съ отдаленныхъ временъ; пояснять его техническій смыслъ и полезность будетъ слишкомъ долго. Предполагать, что эти скрѣпленія закладывались только на время осады сооруженія, какъ думаетъ описаніе, совершенно не къ чему, да и какая осадка въ нѣсколькихъ камняхъ, лежащихъ одинъ на другомъ и основанныхъ на скалѣ? Толщина стѣны въ 16—17 куртинахъ—около 3,85 м. Вся ея середина между облицовками сложена изъ мелкаго бута и щебня, просто на глинѣ, или пересыпана землей и плотно утрамбована.

Облицовка второго яруса похожа на вышеописанную, но не столь правильна; въ ней камни мельче, качествомъ слабѣе, и атмосферныя перемѣны они выдерживали хуже, сплывая и выкрашиваясь; значитъ, были взяты съ иныхъ ломовъ. Обдѣлка лица въ рустъ здѣсь замѣчается не во всѣхъ камняхъ, а оставленныя безъ отески середины камней—гру-

¹⁾ *Извѣстія*, II, 2, 3; I, 51.

бѣе, чѣмъ въ первомъ ярусѣ; полная отеска и здѣсь не была выполнена. Особенно замѣтна неправильность укладки камней въ рядахъ по сравненію ихъ величинъ и перевязи между рядами и въ рядахъ; правильной перевязи хорошими тычками почти вовсе нѣтъ. Именно отъ такой небрежной работы и получается впечатлѣніе, какъ будто стѣна въ этомъ ярусѣ подвергалась разрушеніямъ и небрежнымъ исправленіямъ, какъ говорится въ описаніи; но этого я не могъ примѣтить, а такое обстоятельство не легко скрадывается отъ сколько-нибудь привычнаго глаза ¹⁾. Особенно характерно совершенное отсутствіе рабочихъ мѣтокъ на камняхъ (т. е. на ихъ лицѣ) этой облицовки. Облицовка этого яруса, сохраняющая вездѣ свои главныя черты, все же, мѣстами, по длинѣ стѣны разнится, такъ что и тутъ можно видѣть если не разницу во времени, то хотя въ стараніи различныхъ рабочихъ артелей. Толщина стѣны въ тѣхъ-же мѣстахъ (16—17 куртины) та же самая, т. е. 3,85 м. Вся ея забувка между облицовками сложена частью (въ башняхъ) такъ же, какъ въ первомъ ярусѣ, а частію на известковомъ растворѣ (въ стѣнахъ).

На табл. VI видны четыре ряда этого яруса, выше семи рядовъ перваго яруса.

Облицовка третьяго яруса отлична по существу отъ первыхъ двухъ. Такъ какъ она выступала изъ земли, то отъ нея сохранилось немного въ разсматриваемомъ участкѣ, въ куртинахъ 16 и 17. Ряды этой облицовки различаются по вышинѣ, даже въ одномъ ряду попадаютъ камни разныхъ размѣровъ въ вышину и перевязь рядовъ не ровно и не хорошо соблюдается. Главное же различіе этого яруса отъ первыхъ двухъ состоитъ въ коренной разницѣ техническихъ приемовъ кладки и отески. Все лицо стѣны отесано, безъ оставленія камней въ рустъ или только съ рѣдкими и слабыми ихъ признаками. Въ эту пору камни приготовляли, какъ и мы теперь, и уже вполне чисто тесаные клали въ стѣну, тогда какъ въ обоихъ нижнихъ ярусахъ на лицѣ камней протесывали только кромки, а окончательная теска должна была производиться въ самой стѣнѣ. Кладка этого яруса (въ описываемомъ участкѣ) мало правильна, но въ существѣ велась такъ, что складывался широкій рядъ изъ однихъ ложковъ, на немъ узкій, тоже весь изъ ложковъ, но входившій глубже въ стѣну, чѣмъ отчасти замѣнялись тычки. Все это,

¹⁾ *Извѣстія*, I, 27.

и лицо и забутка, складывалось уже на извести, а не насухо. Вообще говоря, кладка всего этого яруса хотя и однохарактерна, но не точно одинакова по всей сохранившейся длинѣ; замѣчаются и различія, зависящія не столько отъ времени, сколько отъ особенностей разрабатываемой ломки камня или отъ старанія и умѣнія каменщиковъ; это различіе отмѣчено и въ описаніяхъ ¹⁾).

Вышина облицовки третьяго яруса не можетъ быть опредѣлена, такъ какъ она нигдѣ не сохранилась на полную высоту уцѣлѣвшей стѣны. Теперь видно отъ двухъ до семи рядовъ облицовки, но забутка стѣны безъ облицовки сохранилась въ одномъ мѣстѣ до высоты 10 м. надъ вторымъ ярусомъ, и эту высоту можно считать наибольшей когда-либо здѣсь бывшей, за исключеніемъ парапета, нигдѣ не сохранивагося. Всего лучше видна эта облицовка въ верхнихъ рядахъ снимковъ на табл. VI и VII. Толщина стѣны этого яруса только на небольшомъ протяженіи 16 куртины сохранена та же, или почти та же, большею же частью, дѣлая уступъ снаружи и особенно внутри, она убавлена до 2,65 м. Забутка внутри стѣны вся и вездѣ на известковомъ растворѣ; на такомъ же растворѣ положены и камни облицовки.

Указавъ главныя различія ярусовъ, можно прибавить, что всѣ они получились постепенно, въ зависимости отъ времени, прежде опредѣленія котораго я покажу, гдѣ именно и какъ сохранились ярусы показанной облицовки стѣнъ на разсматриваемой части ограды.

Стѣны съ облицовкой перваго и втораго ярусовъ найдены на весьма небольшомъ протяженіи, отъ башни XIII до башни XVI включительно, съ промежуточными куртинами, и между XVI и XIX башнями на одной куртйнѣ. Въ указаннаго участка ничего подобнаго нигдѣ въ крѣпостныхъ стѣнахъ не находилось, за единственнымъ исключеніемъ—ядра башни XVII, о чемъ будетъ сказано далѣе. Мѣстность, на которой стоятъ эти стѣны, понижалась отъ XIII къ XVI башнѣ, а потому и рядовъ кладки перваго яруса не вездѣ нашлось одинаковое число, но вездѣ однако оказывается, что верхъ этого яруса выравненъ горизонтально, обрываясь правильными уступами въ одинъ рядъ, т. е. сдѣлано самое, что дѣлается и во всякой кладкѣ стѣнъ, незаконченной и идущей по склону.

¹⁾ *Отчетъ* за 1898 г., стр. 111.

Именно въ этомъ первомъ ярусѣ оказались и ворота *E* съ разными приспособленіями, о которыхъ будетъ сказано далѣе. Затѣмъ, вмѣсто длинныхъ описаній числа рядовъ и положенія облицовокъ въ ярусахъ, проще и нагляднѣе будетъ представить состояніе вещей на слѣдующемъ рисункѣ (рис. 15).

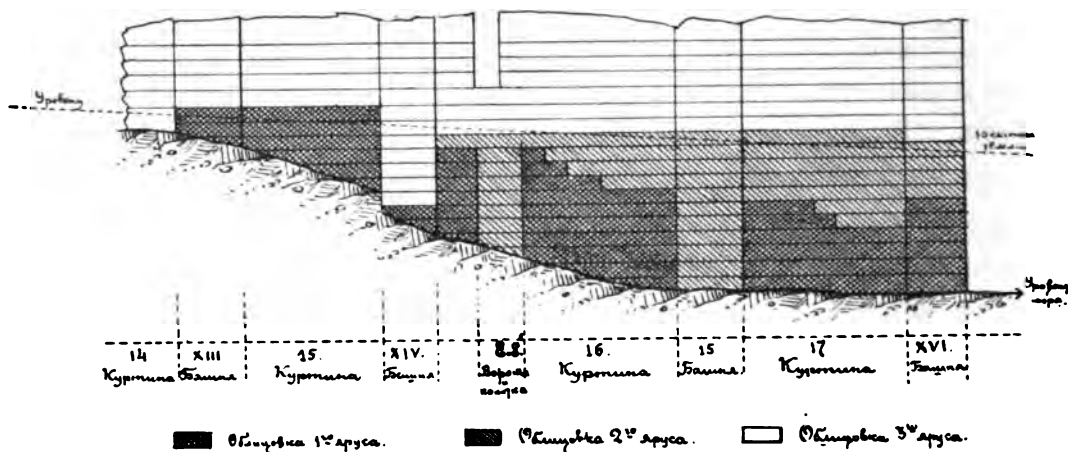

Рис. 15.

Здѣсь въ схематически преувеличенномъ и безмасштабномъ видѣ изображенъ фасадъ стѣны разсматриваемаго участка. На немъ проведены горизонтальные ряды кладки, при чемъ облицовка первого яруса покрыта пересѣкающей штриховкой, второго—косой, а третьего оставлена безъ штриховки. Надо замѣтить, что это—схема, на которой показана сущность, но не было ни надобности, ни возможности показывать съ безусловной точностью каждый рядъ и всякій камень. Тутъ отчетливо видно, какъ сложенъ уступами первый ярусъ, какъ онъ выравненъ вторымъ и имъ же заложены просвѣты или не сдѣланныя башни. Отъ XVI къ XIX башнѣ по существу то же самое въ болѣе упрощенномъ видѣ, такъ какъ здѣсь стѣна идетъ по ровной низинѣ. Нижніе ряды сложены съ облицовкой второго яруса, на нихъ уже прямо лежитъ третій ярусъ; да и то второго яруса сначала четыре ряда, съ середины одинъ, а въ башнѣ XIX былъ только приготовленъ ея фундаментъ въ скалѣ. И это малое число рядовъ видно на куртинѣ 18 только къ сторонѣ города, а въ поле совсѣмъ нѣтъ кладки этого яруса, потому что тутъ стѣна стоитъ на косогорѣ, выравненномъ этими рядами.

Остановлюсь и сдѣлаю, безъ дальнѣйшихъ мелочныхъ указаній, возможный и вполне очевидный выводъ изъ сказаннаго.

Въ известную пору своей жизни городъ, рѣшивъ сдѣлать ограду въ этомъ мѣстѣ, приступилъ къ дѣлу съ большою, даже излишнею роскошью облицовки перваго яруса, но не смогъ выдержать этой затѣи и на самомъ незначительномъ протяженіи стѣны. Едва поднявъ ее въ видѣ трехъ кусковъ (куртины 15, 16 и 17), такъ сказать, только намѣтивъ ее, положивъ начало тремъ башнямъ (XIII, XIV и XVI) и воротамъ *Е* въ 16 куртинѣ, городъ вынужденъ былъ прекратить работы. Что мы видимъ именно остановку работъ, а не остатокъ разрушенныхъ первоначальныхъ стѣнъ, отъ которыхъ уцѣлѣли только нижніе ряды,—видно изъ того, что верхъ этого яруса выравненъ совершенно правильно, подъ одну черту во всѣхъ уступахъ, какъ бываетъ при всякой хорошей кладкѣ и какъ не могло быть въ случаѣ разрушенія стѣнъ отъ какихъ бы то ни было причинъ. Въ послѣднемъ случаѣ остались бы участки неправильной формы и масса камня, вновь употребленнаго въ дѣло, чего мы вовсе не видимъ отъ перваго яруса. Да и нѣтъ такой силы природы или людей (кромѣ не допустимаго здѣсь умысла), которая могла бы такъ правильно разрушить, на такомъ большомъ протяженіи, сплошь всю стѣну прекрасной кладки. Что эта затѣя не удалась именно отъ того, что превышала средства города (или, быть можетъ, частнаго лица), можно усмотрѣть изъ того, что и самая роскошь работъ выказывается болѣе въ показной сторонѣ, чѣмъ въ существѣ стѣны, вовсе не представляющей поразительной прочности, какъ говоритъ описаніе ¹⁾, если на нее смотрѣть какъ на крѣпостную. Напротивъ того, по тогдашнимъ понятіямъ она едва была достаточна. Обыкновенно въ такихъ низкихъ и ровныхъ мѣстахъ, не на горныхъ кручахъ, ограды дѣлали сильнѣе. Напр. по Филону толщина стѣны полагалась не менѣе 10 локтей (4,60 м.) ²⁾.

Башни малы, неудачной формы и поэтому слабо выступаютъ изъ за стѣнъ, плохо ихъ обстрѣливая. По Филону, лишь повторявшему давня правила, ясно видно полное сознаніе важности идеи бокового обстрѣливанія и иного устройства башенъ для этого.

Итакъ, въ періодъ, соотвѣтствующій облицовкѣ перваго яруса, не только крѣпкой оградой, но и никакой не было у города, были лишь ея

¹⁾ *Извѣстія*, I, 29.

²⁾ *Philo*, I, 2, 9 (p. 28, 32).

слабые зачатки на ничтожномъ протяженіи. Думаю, что этотъ выводъ покажется столь же удивительнымъ и неожиданнымъ, какъ и несомнѣннымъ.

Сдѣланное опредѣленіе такъ важно и послѣдствія его столь многообразны, что я представлю еще нѣкоторыя соображенія, хотя и сознаю, сколь скучна вся эта матерія. Нагляднымъ и совершенно точнымъ доказательствомъ сдѣланнаго положенія, кромѣ всего сказаннаго, служить снимокъ угла встрѣчи куртины 15 съ башней XIV (см. табл. IV). На немъ отчетливо видно, какъ ряды кладки съ рустами перваго яруса слѣва правильно остановлены въ отвѣсную линію уступа. Затѣмъ, въ иное время и совсѣмъ иной кладкой сложена башня справа и задѣланъ промежутокъ между нею и оставленнымъ уступомъ перваго яруса. Можно бы подумать, что лишь въ послѣдствіи стѣна перваго яруса обрублена уступомъ, но русты ея крайнихъ угловыхъ камней цѣлы и ленты протески обрамляютъ угольные камни уступа съ математической точностью показывая, что уступъ заложенъ, какъ первичная работа, а не сдѣланъ въ послѣдствіи. Можно было предположить и другое,—подумать, что къ уступу примывала во всю высоту, въ свое время, древняя башня перваго яруса (ея одинъ рядъ найденъ правѣе), въ послѣдствіи сломанная и замѣненная иной, римской. Но и эта мысль опровергается тѣмъ, что на томъ же снимкѣ мы видимъ, какъ римская прямоугольная башня поставлена въ послѣдствіи на началѣ древней круглой, причемъ въ ней сдѣланъ подвальный ярусъ, чисто тесанный внутри и съ корявыми стѣнами снаружи, явно сложенными въ землѣ, чего не могло бы быть, еслибы онъ замѣнялъ тогда же сломанную древнюю башню, да и ломать такую было не къ чему,—на ней просто основывались бы или къ ней пристраивались, какъ то и дѣлали всегда. Если же стали ломать старую башню, то, конечно, сломали бы ее всю и не оставили бы двухъ-трехъ рядовъ къ сторонѣ воротъ E. Если ничего подобнаго нѣтъ, значить древняя полукруглая башня XIV никогда выше одного ряда слѣва и двухъ-трехъ справа, понынѣ видныхъ, и не возводилась. Другой снимокъ (табл. V) показываетъ ту же башню XIV, но справа, съ угла куртины 16. Здѣсь также видны два ряда отъ древней башни перваго яруса въ самомъ низу, затѣмъ видно, что все было засыпано, а потомъ въ засыпкѣ выкопана яма, въ которой грубо въ землѣ сложены фундаменты римской башни. Эту сторону башни и стѣнъ еще можно видѣть, все же остальное засыпано, но фотографіи, по счастью, сохранились и служатъ

для безусловно точнаго рѣшенія этого вопроса, показывая чрезвычайную важность фотографій вообще, даже и не подозрѣваемую тогда, когда ихъ снимаютъ.

Стѣной съ облицовкой второго яруса выровнены уступы первого яруса отъ начала куртины 16 до башни XVI включительно, причемъ вся стѣна тутъ стала одной вышины и верхъ ея выровненъ подъ одну черту (рис. 15). Въ пору кладки этого яруса произошли какія-то рѣзкія колебанія и измѣненія въ первоначальномъ проектѣ ограды. Начатые городскія ворота *Е* заложены совсѣмъ. Обратили вниманіе на то, что промежутковъ между башнями XIV и XVI непомѣрно великъ, и потому посрединѣ его заложили полукруглую башню XV, выведя ее до высоты вообще всего этого яруса. Вывели начало 18 куртины и XIX башни, но не продолжали работу и, повидимому, рѣшили протянуть ограду совсѣмъ въ другую сторону, съ каковою цѣлью возвели круглую башню XVII, т. е. ядро той, которую мы тутъ видимъ. Впослѣдствіи это ядро окружили другой башней и возвели куртину 19, связавшую эту башню съ XVI-й. Все это вошло въ прибавочный вѣрстойной планъ, о чемъ рѣчь далѣе. Такимъ образомъ башня XVII во время работъ второго яруса облицовки оставалась безъ связи съ оградой, но что она заложена тогда, какъ самостоятельная башня, видно не только по ея облицовкѣ, нѣсколько лучшей, но того же характера, какъ и вообще во второмъ ярусѣ, но и по ея діаметру (8,52 м.), еще достаточному (нормальный тогда былъ 8—10 м.). Это начало башни, такъ же, какъ и всѣ работы этого яруса, показываетъ, что въ то время вынуждены были работать дешевле, а стало быть и хуже; самый діаметръ башни былъ убавленъ по сравненію съ первыми (около 10—12 м.). Представленный на табл. IX снимокъ, сдѣланный внутри угла XVII башни, хорошо показываетъ внутреннее ядро башни, сдѣланное кладкой второго яруса.

Выводъ изъ связаннаго получается не менѣе изумительный, чѣмъ по первому ярусу. Оказывается, что въ иное время, позднѣйшее, городъ сталъ продолжать постройку своей стѣны, наращивая ее вверхъ и дѣлая въ ней измѣненія и улучшенія, но исполнилъ въ эту пору самое незначительное количество работъ и опять вынужденъ былъ остановиться, хотя кладка этого яруса хуже, а стало быть и дешевле первого. Причины остановки тоже, вѣроятно, были экономическаго свойства, такъ какъ никакого разрушенія и поврежденія не замѣтно и въ этомъ ярусѣ,

да и законченъ онъ на одномъ горизонтѣ. Ровная, одинаковая высота этого яруса свидѣтельствуесть, такъ же, какъ и для перваго, что стѣна была именно прекращена постройкой, а не подвергалась какому-либо предварительному разрушенію и позднѣйшему возобновленію. Вообще все сказанное выше въ объясненіе такого пониманія дѣла для перваго яруса примѣняется и здѣсь. И послѣ работъ втораго яруса городъ также былъ безъ ограды, такъ какъ ея протяженіе оставалось столь же ничтожное, ничего не прикрывавшее, а высота, мѣстами бывшая всего въ два-три камня, въ самомъ высокомъ мѣстѣ достигала 4 м., т. е. была совершенно недостаточною.

Въ подтвержденіе сказаннаго и въ пополненіе описаній найденнаго, остановлюсь на нѣкоторыхъ наиболѣе любопытныхъ подробностяхъ. Большее впечатлѣніе произвело открытіе древнѣйшихъ воротъ города, но дѣло было бы много проще, еслибы усмотрѣли, что они были не въ послѣдствіи засыпаны, какъ полагаетъ описаніе ¹⁾, а вовсе не были окончены и никогда воротами городу не служили. Отъ ихъ вывершиванія и перекрытія не осталось никакого слѣда, а каково бы оно ни предполагалось, но это дѣло трудное, прочное и сберегаемое всего дольше. Здѣсь же ничего не уцѣлѣло, да и не могло остаться, такъ какъ даже до необходимой высоты воротъ стѣна не была доведена. Чистой высоты въ найденномъ началѣ воротъ, судя по высотѣ пазовъ и уровню пятниковъ воротныхъ полотень, сдѣлано было всего около полутора-двухъ метровъ, а для проѣзжихъ воротъ надобно не менѣе четырехъ метровъ. Такой выводъ относительно воротъ подтверждается и осмотромъ ихъ частей, въ которыхъ не замѣтно никакого слѣда изнашиванія ни въ пятникахъ воротныхъ полотень, ни въ отверстіяхъ для засова, что непременно было бы примѣтно, еслибы ворота работали какъ таковыя. То же можно заключить и изъ того, что въ воротахъ внутри были сдѣланы помѣщенія, раздѣленные стѣною въ рустъ, для чего самое отверстіе воротъ заложено по лицу, не позднѣйшей кладкой, а такой самой, какъ второй ярусъ, при чемъ ряды задѣлки подгоняли подъ ряды перваго яруса. Видъ облицовки этой закладки (одинъ рядъ еще сохранился) и положеніе всего указываетъ невѣроятность догадки описанія о томъ, что ее сдѣлали въ римскую эпоху, не позже I в. до Р. Х. ²⁾, т. е. вмѣстѣ

¹⁾ *Извѣстія*, I, 1, 49; II, 35.

²⁾ *Извѣстія*, I, 1 и 49.

со стѣнной третьяго яруса. Эта послѣдняя стѣна строена уже послѣ засыпки воротъ и не было смысла задѣлывать засыпаемое отверстіе воротъ штучнымъ камнемъ, тщательно и чисто тесаннымъ, выравнивая и поддѣлываясь подъ ряды кладки стѣны по сторонамъ воротъ, какъ то было найдено. Такого подражанія стѣнѣ въ задѣлѣ воротъ сдѣлано столько, сколько было рядовъ перваго яруса. Выше, надъ бывшими воротами, совершенно такъ же, какъ и надъ всей стѣнной, поведена иная кладка третьяго яруса и въ ней, на нѣкоторой высотѣ, сдѣлана калитка.

О приспособленіяхъ для привѣски воротныхъ полотенъ довольно подробно говорится въ описаніи ¹⁾, но ни изъ него, ни изъ самаго осмотра на мѣстѣ невозможно представить себѣ, какимъ оно могло бы быть; такъ мало сохранилось этого незаконченнаго устройства. Для замыканія воротъ, распахивавшихся во внутрь города, предполагалось употребить просто большой брусъ, задвигавшійся концомъ въ отверстіе одной стѣны и проходившій черезъ поперечную стѣну съ другой стороны. Это все понято и описано вѣрно ²⁾. Нельзя не вспомнить, что уже и въ акрополѣ Тиринеа употреблено такое же приспособленіе для воротнаго засова. Собственно воротныя полотна предполагалось установить въ глубинѣ проѣзда, а впереди, для его боевого закрытія, оставлены съ обѣихъ сторонъ стѣнъ въ кладѣ вертикальные пазы, указывающіе на одно изъ двухъ приспособленій для усиленія воротныхъ закрытій, употреблявшихся почти до нашихъ дней. Описаніе думаетъ, что въ эти пазы вводились въ минуту опасности желѣзныя балки ³⁾. Это почти похоже на одинъ изъ способовъ закрытія, но только заводили не желѣзныя балки, которыхъ тогда и не бывало такого размѣра и тяжести которыхъ была бы совершенно непомѣрна, а просто деревянные брусья. Такіе брусья, подъ названіемъ шандорныхъ, и по сейчасъ извѣстны и въ военной и въ гражданской архитектурѣ. Объясненіе этого способа закрытія будетъ слѣдующее. Воротныя полотна достаточно хорошо закрываютъ входъ въ обыкновенное время, но оказываютъ слабое сопротивленіе усиліямъ осаждающаго и его машинамъ, поэтому впереди воротныхъ полотенъ или сзади ихъ дѣлаютъ пазы во всю вышину про-

¹⁾ *Извѣстія*, I, 48.

²⁾ *Извѣстія*, I, 48, 52, рис. 44.

³⁾ *Извѣстія*, I, 48.

ѣзда, а передъ самой осадой, когда приходится затворяться въ городѣ, заводятъ въ пазы брусья, образуя такимъ путемъ деревянную стѣну, опять таки во всю вышину воротъ, снизу до верху. Эта брусчатая стѣна оказывала не ахти какое сопротивленіе, но она не для того и назначалась. Сдѣлать ее можно изъ заранѣе заготовленныхъ брусевъ въ нѣсколько минутъ, а затѣмъ подъ ея защитой сзади строили настоящую стѣну или весь проѣздъ между брусчатой стѣной и воротами забивали камнями, бревнами, землей и такимъ образомъ получали прочную, несгораемую толщю, способную сопротивляться подъ усиленной защитой стѣнъ и башенъ машинамъ осаждающаго. Брусья въ пазы вводились сверху, какъ вѣроятно дѣлали въ древности, когда надъ воротами оставался проходъ по стѣнѣ; но дѣлали это также и съ помощью особыхъ протесовъ въ стѣнѣ, оставленныхъ вверху пазовъ, какъ бывало до нашихъ дней. Главнымъ дѣломъ тутъ было непременно закрыть брусьями все отверстіе воротъ и, значить, пазы должны были идти отъ низа до самаго верха. Въ описаніяхъ указывается, что съ одной стороны воротъ пазъ имѣетъ 1,77 м. высоты, а съ другой—1,31 м.¹⁾; отсюда дѣлается заключеніе, что одинъ пазъ сдѣланъ короче другого для того, чтобы косо вводить въ пазы брусья; но для этого примѣнялись иныя, болѣе простыя и цѣлесообразныя мѣры, указанныя выше, тѣмъ болѣе, что при такомъ неудачно изобрѣтенномъ способѣ ворота не могли быть закрытыми во всю вышину, а только на высоту короткаго паса, что рѣшительно ни для чего не годно. Долженъ прибавить, что теперь я не могъ усмотрѣть значительной неодинаковости пазовъ въ вышину, но если бы она была, то объяснять ее надо просто болѣею законченностью одной стороны проѣзда, чѣмъ другой, получая въ этомъ еще одно доказательство того, что ворота никогда окончены не были.

Описанный способъ временнаго закрытія проѣзда брусьями употреблялся вплоть до нашихъ дней, но прямыхъ указаній на то же въ древности я не знаю, хотя по простотѣ дѣла это весьма вѣроятно. Однако, въ настоящемъ случаѣ не этотъ способъ думали примѣнить, потому что пазы были узки и мелки, такъ что въ нихъ могли вводить только слишкомъ тонкіе брусья (менѣе 0,15 м.), имѣвшіе въ стѣнѣ ничтожный упоръ (0,075 м.). Существуетъ иной способъ усиленія воротнаго закры-

¹⁾ *Извѣстія*, I, 48.

тія, по которому въ пазахъ ходила падающая сверху рѣшетка (*καταράχτης, cataagasta*). Этотъ способъ извѣстенъ съ очень давнихъ временъ: о немъ говорилъ уже Эней въ IV вѣкѣ до Р. Х., его же описываетъ Вегецій въ IV в. по Р. Х. ¹⁾. Именно этотъ способъ и хотѣли примѣнить въ найденныхъ начаткахъ херсонесскихъ воротъ, что видно какъ изъ малыхъ размѣровъ пазовъ, такъ и изъ того, что пазы не начаты съ самаго низа, а подняты довольно высоко. Часть просвѣта между скалой и началомъ пазовъ предполагалось занять мостовой, конечно, но все же оставался промежутокъ между пазомъ и подошвой проѣзда, а это именно и дѣлалось всегда для падающей рѣшетки. Чтобы ея зубья, при паденіи рѣшетки, ударяясь въ мостовую проѣзда, не ломались, ее остапавливали именно тѣмъ, что не дѣлали пазовъ до самаго низа; поперечный брусъ, связывавшій острія рѣшетки, концами своими задерживался въ пазахъ, а зубцы торчали насколько надо было ниже, но не ударялись о мостовую.

Въ періодъ облицовки третьяго яруса и была построена вся ограда разсматриваемаго участка. Но такъ какъ эта облицовка не представляетъ никакихъ различій въ смыслѣ послѣдовательности наслоеній, то я о ней и не буду здѣсь говорить. Что именно было сдѣлано тутъ въ смыслѣ фортификаціонномъ, будетъ сказано далѣе при общемъ описаніи ограды.

Иное дѣло слѣдующій участокъ ограды, также представившій большія различія именно въ смыслѣ наслоеній. Это часть южной, позднѣйшей крѣпостной пристройки, въ которую входили свои башни XVII и XVIII, соединенныя 20-й куртеной; другими двумя куртеной, 19 и 21, все это соединяется съ основной оградой. Изъ всего этого достаточно (но не вполне) расчищены куртина 19 и башня XVII, о которыхъ и слѣдуетъ поговорить. Здѣсь вся мѣстность поднимается отъ башни XVI къ башнѣ XVII, поэтому можно было заранѣе предполагать, что ограда строена уступами, каковыя и дѣйствительно оказались, а въ нихъ обнаружены разновременныя ярусы въ вертикальномъ и уступы въ горизонтальномъ направленіяхъ, значительно отличающіеся одинъ отъ другого способомъ облицовки, а слѣдовательно и временемъ. Нижній ярусъ начинается отъ башни XVI короткой стороною и затѣмъ, пово-

¹⁾ Aeneas XXXIX, 3 (p. 140); Vegetius, Instit. rei milit., IV, 4.

рачинный подь примымъ угломъ *I*, захватываетъ приблизительно около половины куртины 19. Этотъ ярусъ стѣны также не былъ доведенъ до ея верха: его подняли на высоту 3,00—3,50 м. по короткой сторонѣ у башни XVI, а въ концѣ его на серединѣ куртины—около 1—2 м. (точно не определено на нерасчищенной стѣны). Верхъ этого яруса, состоящаго изъ 10—12 рядовъ, выравненъ почти точно подь одну черту. Затѣмъ работы были и тутъ остановлены и возобновлены впоследствии совсѣмъ иной техникой, послѣ засыпки землей всего этого участка, такъ же какъ и противъ куртинъ 15, 16, 17. Что этотъ ярусъ построенъ ранѣе засыпки куртины, видно по калиткѣ *II*, которая сдѣлана въ короткой части: ея порожекъ находится у самого низа стѣны ¹⁾. Облицовка этого яруса отличается отъ всѣхъ вышеуказанныхъ камни въ рядахъ правильны, самые ряды довольно одинаковы, съ хорошей перевязью и совершенно чистыми лицами, не въ рустъ, но всѣ камни значительно мельче. Все это хорошо видно на снимкѣ табл. VII, сдѣланномъ на самой серединѣ куртины, гдѣ сходится всѣ многосложныя по времени и качеству наслоения этой куртины. Внимательное разсмотрѣние этого именно снимка болѣе скажетъ, чѣмъ все дальнѣйшее описание. Внутренняя сторона этого первого яруса еще не расчищена и ея облицовка не видна. Забушка на доселѣ во всѣхъ ярусахъ. По качеству, техникѣ и времени эта кладка стоитъ между вторымъ и третьимъ ярусами вышерассмотрѣннаго первого участка. Постѣ сдѣлана этого яруса ²⁾ куртины его засыпали, не касая стѣны, что видно какъ по ровному верхнему ряду, такъ и потому, что дальнейшее наращиваніе стѣны въ высоту одного уступа задалось такой чертой, какой, грубой и корявой бутовой кладкой, которую можно указать тому, что она сдѣлана въ землѣ, а не на старомъ мѣстѣ, что видно отъ того, что не сдѣлать никакой облицовки, какъ по мѣсту и такъ и выше этого уровня продолжка, хорошо виднаго на табл. VIII сдѣланной продолжкою. Очевидно, что этотъ ярусъ сложился, вероятно между 4 и 5 вѣками, съ тѣмъ привѣсивая, предполагать позднѣйшее старое наслоение стѣны невозможно. Частотой вертикальны и горизонтальныя швы, особенно въ каменномъ ряду, указываетъ на рубку кладку ³⁾. Верхъ этого яруса у калитки *I* совмѣстено выше уровня последующей

¹⁾ См. рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

²⁾ См. рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

³⁾ См. рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

засыпки, а на остальномъ кускѣ ниже этого уровня; поэтому надъ калиткой сразу идетъ позднѣйшая кладка, а надъ низшимъ уступомъ кладку нижняго яруса, засыпанную землей прежде, выравняли бутовой кладкой до уровня засыпки.

Послѣ такого выравниванія стѣна лѣвой половины 19-й куртны возвышалась съ иными техническими приѣмами. Здѣсь второй ярусъ также облицованъ штучнымъ камнемъ, но эта облицовка по техникѣ и качеству весьма близка къ третьему ярусу 16 и 17 куртны, хотя все же нѣсколько отличается. Камень здѣсь сберегали, а потому онъ поставленъ на ребро, будучи очень тонкимъ вглубь стѣны, но перевязъ камней сдѣлана хорошо. Она исполнена также очень тонкими и высокими тычками изъ плитъ, поставленныхъ на ребро, что все и дѣлало эту облицовку значительно болѣе дешевой. На какую высоту поднимался этотъ сортъ облицовки, теперь не видно, но вѣроятно уже до верха бывшей здѣсь стѣны. Сохранилось отъ облицовки два-три ряда въ высоту, а забутки самой стѣны—немногимъ болѣе. Въ работѣ этого второго яруса замѣчается еще особенность, пока не встрѣчавшаяся: съ такой облицовкой стѣна была сдѣлана до верха, но по длинѣ доходила приблизительно до половины куртны 19-й и здѣсь была остановлена вертикальными обрывами, такъ что въ известную пору половина куртны 19-й была выведена во всю высоту или почти, а другая половина ея къ XVII башнѣ не была еще и начата.

Башня XVII была начата въ близкое время ко второму ярусу вышеразсмотрѣннаго перваго участка, какъ тамъ и указано, но ея постройка была остановлена на высотѣ всего около 5 метровъ. Когда возобновилось строительство ограды этого участка, то эти начатки башни нашли мало пригодными, видимо потому, что признали ее слишкомъ малой (8,52 м.), особенно на такомъ наиболѣе опасномъ углѣ. Тогда сдѣланный ранѣе низъ башни окружили другою, очень большого діаметра (19,20 м.), а первоначальная осталась ядромъ, послужившимъ основаніемъ для внутреннихъ сооружений, отъ которыхъ сохранились только неопредѣленные части стѣнъ, вѣроятно поддерживавшихъ крышу башни и ступени лѣстницы. Кольцевой промежутокъ между новой и старой башней забивали камнями и землей, способъ самый употребительный въ древности, когда приходилось образовывать большія толщи оборонительныхъ оградъ. Наружная облицовка стѣнъ этой новой большой башни точно такая же,

какъ и только что описанная облицовка второго яруса въ началѣ куртины 19-й; значить, и время этихъ работъ близко одинаково.

Половина куртины 19, ближайшая къ XVII башнѣ, все еще оставалась незакрытой. Здѣсь возвели стѣну совсѣмъ особаго вида: ее сдѣлали толще, при чемъ утолщеніе въ 1,06 м. прибавлено внаружу стѣны и состоитъ изъ совершенно особенной облицовки, нигдѣ болѣе не повторяющейся. Въ ней большіе штучные камни положены всѣ тычками, во всю прибавочную толщю. Выравнивая уступы кладки второго яруса первой половины стѣны, эта прибавочная толща какъ бы прилѣплена къ облицовкѣ конца стѣны перваго яруса, но далѣе она сложена со всей толщей стѣны и сзади себя другой облицовки не имѣетъ, показывая тѣмъ, что одновременна всей этой части куртины. Все это прекрасно показываетъ снимокъ на табл. VII.

Въ то же время нашли, что надобно усилить такимъ же способомъ и стѣны башни XVII, а потому и ее окружили добавочнымъ кольцомъ съ такой же особенно толстой облицовкой изъ большихъ камней, съ забуткой сзади, такъ какъ тутъ толщины прибавлено еще болѣе, чѣмъ у куртины (до 2,30 м.). Эта прибавочная облицовка изъ однихъ тычковъ закрыла очень хорошую, но тонкую облицовку башни. Отсюда слѣдуетъ, что прошло нѣкоторое время послѣ постройки башни XVII, пока взялись за ея усиленіе и одновременное окончаніе куртины 19. Прибавочная толщина у башни съ такой особенной облицовкой сохранилась на небольшую вышину, но она, вѣроятно, и не доходила до самаго верха башни. Значеніе всей этой прибавочной толщины—очень определенное, спеціально-боевое; оно будетъ объяснено далѣе. Она видна очень хорошо на табл. VIII, гдѣ справа показанъ столбъ воротъ К, слѣва—низъ XVII башни, по срединѣ—не расчищенный промежутокъ между башней и передовой стѣной, а внизу—нѣсколько штучныхъ камней и бутъ прибавочной толщины.

Послѣдовательность наслоеній всего этого участка 19 куртины и XVII башни разбирается весьма трудно и лишь по самымъ мелочнымъ признакамъ, тѣмъ болѣе, что сзади эта стѣна еще не открыта. Для облегченія представленія даю также фасадъ этой стѣны въ видѣ схемы на рис. 16.

Я уже говорилъ, что всѣ стѣны отъ XIII до XVII башни, т. е. на протяженіи двухъ вышеописанныхъ участковъ, были засыпаны искус-

ственно землей. Объ этомъ вѣрно и достаточно подробно сказано въ отчетахъ. Искусственность засыпки доказывалась ея составомъ и наслоеніями, чего теперъ видѣть уже нельзя, но въ томъ же можно убѣдиться по передовой стѣнѣ, вся открытая раскопками высота которой была сложена, какъ то ясно видно, во рву, какъ фундаментъ. О причинахъ таковой засыпки готовыхъ стѣнъ я скажу далѣе, но теперъ же должно опредѣлить, для ясности пониманія послѣдующаго, относительное время этой засыпки. Она была сдѣлана послѣ двухъ нижнихъ ярусовъ 15, 16 и 17 куртинъ и перваго яруса 19 куртины. Это опредѣляется тѣмъ, что въ стѣнахъ третьяго яруса 16 куртины, надъ заложенымъ началомъ древнихъ воротъ *E*, и надъ калиткой *H* въ 19 куртинѣ сдѣланы

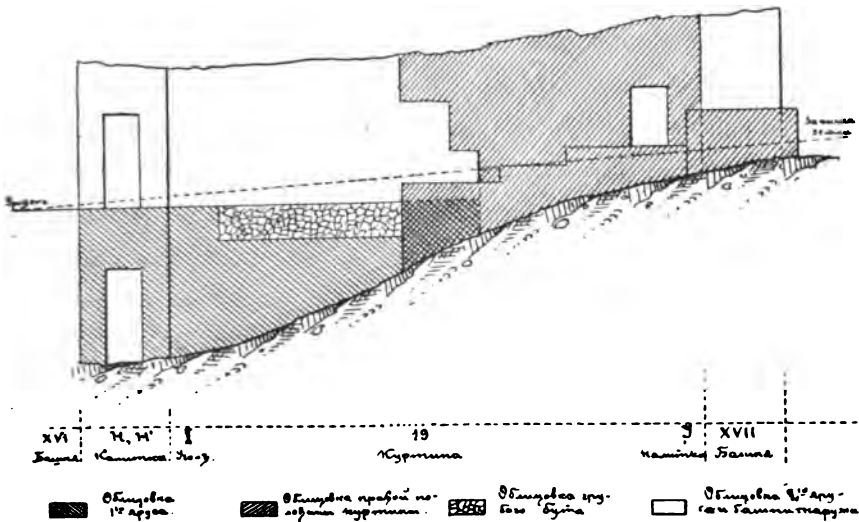

Рис. 16.

опять-таки калитки *E* и *H*, но съ порогами нѣсколько выше начала кладки верхнихъ ярусовъ. Очевидно, что насыпь въ то время уже должна была существовать, такъ какъ иначе изъ этихъ калитокъ не могло быть никакого выхода. Понятно, что насыпь могла дѣлаться и одновременно съ указанными калитками, т. е. верхними ярусами стѣнъ обоихъ участковъ, но это невѣроятно, такъ какъ третій ярусъ въ куртинѣ 16, гдѣ калитка *E*, началъ по стѣнѣ второго яруса съ уступомъ и нѣсколько невѣрно, а это указываетъ на то, что второй ярусъ былъ тогда уже въ землѣ. Совершенно то же видно, но еще болѣе рѣзко, въ серединѣ 19 куртины, гдѣ для начала второго яруса сложили цѣлый слой безъ облицовки, простымъ бутомъ въ открытой землѣ.

Впереди рассматриваемой части ограды, отъ XII до XVIII башни, имѣется еще и передовая стѣна; большая часть ея сложена на глубокихъ фундаментахъ, подошва которыхъ опущена до подошвы основныхъ стѣнъ, т. е. видно, что эти фундаменты кладены во рвахъ, выкопанныхъ въ насыпи и, слѣдовательно, послѣ устройства послѣдней.

Башня XIII, начатая древнѣйшею кладкой перваго яруса, была окружена вторымъ кольцомъ кладки третьяго яруса, очевидно, также съ цѣлью увеличенія ея діаметра.

Полукруглая малая башня XIV, тоже начатая первичной кладкой, замѣнена большой квадратной башней, низъ которой сложенъ въ землѣ во время кладки третьяго яруса, что видно по ея борявымъ наружнымъ стѣнамъ, прекрасно представленнымъ на табл. IV (справа) и V (слѣва). Эта башня стоитъ на крутомъ косогорѣ и потому ея фундаменты имѣютъ разную глубину. Облицовка ея цоколя и начала стѣнъ также штучная, но отличная отъ описанныхъ выше; она очень употребительна и встрѣчается въ XV башнѣ описываемыхъ участковъ и, насколько можно видѣть и догадываться, едвали не во всей остальной крѣпостной оградѣ.

Также полукруглая малая башня XV, древней кладки второго яруса, замѣнена прямоугольной башней, построенной на фундаментахъ, выкопанныхъ на землѣ. Эта башня и въ особенности XIV-я служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ того, что онѣ передѣлывались и строились тогда, когда засыпка стѣнъ уже существовала.

Впереди перестроенной башни XV, въ одно время съ нею и въ одинаковыхъ размѣрахъ, выстроена въ разстояніи 5 м. также прямоугольная башня XV'. Между башнями XV и XV' неизбежно должно было быть сообщеніе по верху, надъ проѣздомъ. Это сообщеніе обыкновенно устраивалось на каменныхъ аркахъ, но фундаменты башенъ не сохранили никакого уступа для такихъ арокъ, что должно бы быть, а потому надо думать, что здѣсь это сообщеніе было устроено въ видѣ деревяннаго моста. Найденное въ промежуткѣ между этими башнями, и только здѣсь, большое количество угля и золы указываетъ на вѣроятность послѣдняго предположенія ¹⁾. Подъ такимъ переходомъ устраивались ворота, вѣроятно, также съ опускаемой рѣшеткой, а по верху все перекрывалось крышей

¹⁾ Отчетъ за 1898 г., стр. 107.

на деревянныхъ стѣнахъ съ бойницами. Что и здѣсь были ворота, доказываетъ тѣмъ, что въ самомъ низу развалинъ башни XV оказались ясные слѣды помѣщенія, выходившаго двумя широкими отверстиями въ сторону проѣзда,—очевидно, мѣсто воротной стражи (см. ниже рис. 25). Въ общемъ, все это должно было представлять не только сильную оборону середины стѣны, но и хорошо защищенный въѣздъ въ городъ, весьма показной и не лишенный даже величія.

Подобный же разборъ отдѣльныхъ участковъ ограды или ея частей слѣдовало бы сдѣлать и въ другихъ значительныхъ мѣстахъ, но, частью, для этого еще нѣтъ раскопокъ, а частью это даже и не выполнимо, за совершеннымъ уничтоженіемъ стѣнъ. Впрочемъ, сдѣланное касается важнѣйшихъ мѣстъ и можетъ почитаться достаточнымъ, пополняясь уже болѣе мелкими частностями по мѣрѣ развитія раскопокъ.

Въ дополненіе, для выясненія многихъ подробностей устройства крѣпостной ограды, полагаю полезнымъ остановиться на разборѣ нѣкоторыхъ догадокъ, сдѣланныхъ въ описаніяхъ раскопокъ. Этимъ путемъ можно будетъ выяснитъ многое по вопросамъ примѣненія началъ архитектуры и техники въ стѣнахъ Херсонеса. Еще болѣе я хотѣлъ бы этимъ разборомъ догадокъ показать, что забываемая и пренебрегаемая археологами техника, съ ея исторіей, есть также дисциплина, имѣющая свои опредѣленные и точныя начала, требующія умѣлаго съ ними обращенія, знанія, опыта, логическаго проведенія всего этого съ неуклонною послѣдовательностью. Это вовсе не чистое мѣсто, а весьма подробно и точно исписанная книга, и на ней нельзя чертить отъ разума, ничѣмъ не стѣсняясь, даже физической возможностью, произвольные домыслы, сколь бы таковые ни казались желательными и остроумными. Показаніе всего этого тѣмъ умѣстнѣе здѣсь, что дѣло идетъ о крѣпостной оградѣ, въ объясненіи которой техническая сторона знаній и можетъ и должна стоять въ основѣ всѣхъ опредѣленій. Но и не только здѣсь, а и вездѣ, гдѣ по смыслу дѣла слѣдуетъ, начала техники должны имѣть широкое приложеніе въ археологіи, особенно въ виду ихъ свойства въ рѣшеніи многихъ вопросовъ приближать къ характеру математическому. Ничтожная замѣтка техническаго смысла, мало примѣтный камень часто указываютъ способы работы, ея время, еще болѣе—послѣдовательность частей, наслоеніе сооружений одного надъ другимъ. Замѣчанія историко-техническаго свойства могутъ быть приблизительными

или математически точными, и въ послѣднихъ случаяхъ никакіе допуски невозможны. Съ такими аргументами нельзя говорить условно, можно говорить лишь да или нѣтъ. Опредѣленіе времени стѣны по ея кладкѣ, конечно, и всегда бываетъ только приблизительное; но камень, лежащій на другомъ, положенъ позже перваго, и это утверждается безусловно, а не приблизительно. Въ такихъ примѣрахъ представлено главное существо опредѣленій, основанныхъ на техникѣ строительнаго дѣла, и если отсюда видна ихъ твердая рѣшительность, то примѣтна также осторожность и всеобъемлемость, съ которыми ими должно пользоваться, вывода неизбѣжныя слѣдствія. Малѣйшая несогласованность или непослѣдовательность не переводятъ рѣшительнаго утвержденія въ разрядъ приближенныхъ, а просто уничтожаютъ цѣликомъ всю аргументацію, всю серію умозаключеній. Такіе, какъ-бы мелочные недосмотры часто оказываются въ разныхъ описаніяхъ, а въ результатѣ получается необходимость отвергнуть и будто бы несомнѣнные ихъ выводы. Пользуясь техникой, надобно взять все, что она можетъ дать, а не только то, что желательно или показалось примѣтнымъ. Однимъ словомъ, архитектура, строительная техника—это книги и даже богатыя; но ихъ надобно читать и понимать, къ тому же во всей полнотѣ, иначе получится собственное свое измышленіе, а не примѣненіе строительныхъ идей. Отъ общихъ разсужденій перейду къ частнымъ указаніямъ по вопросамъ, касающимся крѣпостной ограды Херсонеса.

Отвернувъ участки ограды, рассмотрѣнные выше подробно, въ нихъ замѣтили ярусы кладки, очень разнящіеся облицовкой, и, примѣняя исторію техники, справедливо указали, что такимъ образомъ здѣсь обнаружилось три періода стѣностроительства, рѣзко различающіеся одинъ отъ другого. Далѣе послѣдовательность технического мышленія не была продолжена и остановилась на утвержденіи, уже не имѣвшемъ основанія, но высказанномъ категорически, — что ограда существовала искони, во всѣ три періода исторіи Херсонеса. Попробуемъ, однако, приложить сюда даже и не техническую, а просто обычную логику, но проведемъ ее до конца. Протяженіе сухопутной ограды Херсонеса, въ приблизительныхъ цифрахъ, имѣетъ около 1300 метровъ. Изъ этого числа менѣе чѣмъ на 180 метрахъ, всего на все, съ башнями включительно, оказываются уступы древней кладки перваго яруса, на которыхъ построены позднѣйшія стѣны. На всемъ остальномъ протяже-

ни не встрѣчено ни самома́лѣйшаго признака подобной кладки. Если допустить, что древняя ограда существовала на всемъ протяженіи стѣнъ или даже хотя бы только на части ихъ въ полную высоту, то для возможности позднѣйшей надстройки ярусовъ другого времени первичная ограда неизбежно должна была прежде исчезнуть. Отсюда прямой вопросъ—возможно ли это и какимъ образомъ? Пути для того допустимы два: естественный—силы природы и искусственный—силы человѣка.

Изъ силъ природы, въ условіяхъ Херсонеса, приложима только одна крупнаго значенія—землетрясеніе, но вообразить себѣ таковое не только въ Тавридѣ, а и гдѣ бы то ни было, столь страшной мощности, что оно уничтожило буквально безслѣдно три четверти протяженія городскихъ стѣнъ, совершенно невозможно. У насъ мыслимы и бывали только лишь незначительныя землетрясенія, но сколь бы они ни были велики, никогда разрушеніе не могло бы быть сплошнымъ; значительныя части всегда остаются, отъ разрушеннаго камень опять идетъ въ дѣло, чего вовсе не замѣчено, да и разрушеніе отъ землетрясенія никогда не носитъ яруснаго характера,—оно обнаруживается всегда вертикальными участками, а не горизонтальными поясами. Мало того, что приходится предположить невозможный по силѣ и дѣйствию катализмъ, но надо ему же еще придать и разумность, ибо онъ, уничтоживъ безслѣдно три четверти ограды города, въ остальной части, найденной нами, сохранилъ горизонтально правильные уступы, безъ перерыва и почти безъ трещинъ. Итакъ, для объясненія видимаго въ раскопкахъ нельзя допустить воздѣйствія силъ природы.

Работа человѣка могла быть военной—осада—и гражданской—полезное, выгодное желаніе людей. Первое, т. е. осаду, мы совсѣмъ не знаемъ для Херсонеса въ древне-греческомъ періодѣ, но еслибы она и была, то разрушенія отъ осадныхъ орудій, машинъ и приемовъ могутъ распространяться только на небольшіе куски ограды, а не на весь городъ, да и слѣдъ отъ нихъ всегда остается. Стало бытъ, и эту причину нельзя допустить, тѣмъ болѣе, что она, какъ и землетрясеніе, для объясненія открытаго раскопками должна была повторяться не менѣе трехъ разъ. Воля людей, конечно, проявляется разумно и разнообразно. Они могли разобрать всѣ свои стѣны безслѣдно, оставивъ на память лишь ничтожныя уступы, перетесавъ самые камни, и построить, затѣмъ, на томъ же мѣстѣ новую ограду; потомъ могли опять заняться столь же без-

слѣднымъ уничтоженіемъ и новымъ построеніемъ, повторяя все это еще и еще разъ. Отсутствіе полезности, даже прямое безуміе такихъ возможныхъ дѣяній было бы, однако, столь велико, что ихъ можно видѣть только въ театральной фееріи, но не въ жизни. Итакъ, полное, до конца проведенное мышленіе на технической почвѣ въ настоящемъ случаѣ приводитъ, уже не приблизительно, а съ совершенной, математической точностью, къ единственному возможному объясненію найденной ярусности разновременныхъ построекъ, данному выше. Отсюда слѣдуетъ, что нами открыто все когда-либо бывшее и что только верхній ярусъ стѣнъ указываетъ на полную высоту и протяженіе существовавшей ограды; ея древніе нижніе ярусы указываютъ лишь на ничтожныя разновременныя попытки построения стѣнъ, брошенныя въ самомъ началѣ.

2) На крайнемъ сѣверо-западѣ раскопана калитка *A* (ее принимали и за ворота), и подлѣ нея, на берегу моря, найдены части зданія въ видѣ стѣнъ глаголемъ, составлявшихъ уголь сухопутной и морской ограды, съ особыми столбами въ сторонѣ моря (см. рис. 18 на стр. 130).¹⁾ Нѣкотораго знакомства съ техникой древнихъ укрѣпленій довольно, чтобы видѣть здѣсь половину подвального яруса башни, имѣвшей перекрытіе крестовымъ сводомъ, отъ котораго и остались угольные опоры; другая половина башни вмѣстѣ съ частью скалистаго берега обрушилась, будучи подмыта моремъ. Однако, все это вызвало будто бы техническую догадку о томъ, что мы видимъ здѣсь стѣну, маскирующую ворота съ моря. Но съ моря въ такомъ закрытіи не было никакой надобности, а если и была надобна стѣна, то то вѣдь открытіе показывало вовсе не простую стѣну, а явно части какаго-то зданія, къ тому же сложнаго, строенаго внутренними углами къ морю; какая же тутъ могла быть защитная стѣна? Прибавлю, что въ позднѣйшемъ описаніи сосѣднихъ раскопокъ 1901 года все названо башней, какъ и слѣдовало, но надо было указать сомнительность ранѣе сдѣланныхъ предположеній²⁾.

3) Вблизи только что указанной калитки *A* найдена въ стѣнѣ ограды заложена арка, тоже названная воротами, съ размѣрами въ 2,50 ширины, при высотѣ всего, вмѣстѣ съ первымъ рядомъ стѣны, на которомъ заложены пять арки, 1,78 м. подъ ея ключъ. Подъ этими воро-

¹⁾ Отчетъ за 1898 г., 102—103.

²⁾ *Извѣстія*, IV, 51.

тами оказался склепъ ¹⁾. Смѣю увѣрить, что ни по размѣрамъ, ни по смыслу подъ этой аркой не могло быть воротъ, ни даже калитки; излишне широкая для послѣдней, она слишкомъ низка даже и для пѣшехода. Видъ и размѣръ калитокъ бывалъ совсѣмъ иной, напр. 1,46 м. шириной и 2,40 высотой ²⁾; въ нихъ всегда выдѣлывались притолоки и облицовка боковъ внутри толщи стѣны дѣлалась штучная; ничего подобнаго въ этой аркѣ не оказалось. Да и въ чему тутъ калитка или ворота, когда въ восьми саженьяхъ уже была таковая (А)? Видъ арки (полуциркульной) и существованіе склепа точно подъ этими мнимыми воротами, съ прибавкой техническихъ простыхъ представлений, вполне точно опредѣляютъ, въ чемъ тутъ было дѣло. Стѣна прошла черезъ склепъ (№ 1309), о которомъ знали, и, боясь, что онъ можетъ быть раздавленъ грузомъ стѣны, сдѣлали надъ нимъ такъ называемую разгрузную арку, передающую давленіе стѣны на пяты арки, т. е. въ склепа. Эта арка тутъ же была заложена и никогда для сообщенія не могла служить. Приемъ этотъ самый обыкновенный, искони у всѣхъ въ техникѣ ставшій извѣстнымъ вмѣстѣ съ появленіемъ идеи самой арки. Еслибы въ склепѣ нашлось что-либо точно опредѣляющее время его выдѣлки, то можно было бы сдѣлать отсюда и важный выводъ, а именно сказать, *послѣ* чего построена стѣна. Къ сожалѣнію, склепъ оказался уже тронутымъ, а двѣ найденныя въ немъ монеты могли быть опредѣлены только приблизительно, одна какъ римская IV вѣка, другая какъ поздне-византійская (?). Впрочемъ, при разграбленіи склеповъ обыкновенно монетъ не трогали, по ихъ ничтожности, и мы можемъ думать, что склепъ не ранѣе IV вѣка, а слѣдовательно и стѣна позже этого времени.

4) Близъ юго-западныхъ стѣнъ города при военныхъ работахъ была найдена стѣна впереди главной крѣпостной, приблизительно параллельная ей (вуртины 7, 8, 9). На эту находку взглянули съ точки зрѣнія современнаго представленія, а потому и признали въ этой стѣнѣ контръ-эскарпъ, а слѣдовательно сочли, что у стѣнъ города былъ ровъ. Описание и отчеты, слѣдующаго этому техническому опредѣленію, стали называть такіа стѣны, находимыя и въ другихъ мѣстахъ по близости, тѣмъ же именемъ ³⁾. Это же названіе еще употребляли при началѣ раско-

¹⁾ *Извѣстія*, IV, 54; Отчетъ за 1901, 24.

²⁾ *Извѣстія*, II, 5—6.

³⁾ Отчеты: 1893, 57; 1894, 52; 1895, 96; 1897, 93.

покъ, открывшихъ древніе ярусы въ 16—17 куртѣнахъ ограды ¹⁾. Мое мнѣніе, данное ранѣе какихъ-либо раскопкъ, просто по чутью стараго инженера, состоявшее въ томъ, что въ Херсонесѣ рва не видно и едва ли (возможно его найти впредь ²⁾), не нашли возможнымъ признать и сообразно съ нимъ объяснять найденныя стѣны, узнавая въ нихъ самый обыкновенный пріемъ древней фортификаціи—вторую стѣну, передовую. Раскопки послѣднихъ лѣтъ, однако, точно выяснили, что рва у стѣнъ Херсонеса нѣтъ и не было, а слѣдовательно не могло быть и его части—контръ-эскарпа; затѣмъ этотъ терминъ, столь неудачно примѣняемый, вышелъ изъ обихода описаній херсонесскихъ раскопкъ. Этотъ случай особенно хорошо показываетъ, какъ важно принимать въ соображеніе все видимое, не ограничиваясь единичнымъ техническимъ соображеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ не трудно и съ техническимъ знаніемъ надѣлать ошибокъ. Оказывается, что была найдена не просто стѣна, но что она „имѣла облицовку съ обѣихъ сторонъ“ или была „штукатурена съ обѣихъ сторонъ“ ³⁾; но вѣдь и не технику понятно, что стѣна контръ-эскарпа строится во рву, для подпора съ непріятельской стороны земли, въ которой онъ вырытъ. Отсюда слѣдуетъ, что никакая стѣна, если она тесана или штукатурена съ *обѣихъ* сторонъ, не можетъ быть стѣной контръ-эскарпа; стало быть найденная стѣна, по этому несомнѣнному признаку, не могла быть ею, а значитъ и не могла указывать на существованіе рва. Все это умозаключеніе, хотя и техническое, но совершенно элементарное. Прибавлю, что эта мнимая стѣна контръ-эскарпа, найденная во многихъ мѣстахъ, находилась въ различныхъ разстояніяхъ отъ главной ограды, отъ 2½ до 18 м., будучи къ ней совсѣмъ не параллельна, чего не могло бы быть со стѣной рва.

5) Описанія предполагаютъ, что передовая стѣна противъ куртѣнъ 16, 17 и 19, которую здѣсь уже перестали называть контръ-эскарпомъ и которая оказалась основанной въ глубокой насыпи, какъ говорено выше, была будто бы для этой насыпи опорной стѣной ⁴⁾. Техническая неправоность такого предположенія объясняется крайне просто. Еслибы эта стѣна предназначалась служить опорною, то очевидно, что ее должны

¹⁾ Отчетъ за 1898 г., 7—8.

²⁾ *Зап. Од. Общ. Ист. и Др.*, XIV, 183, примѣч.; Раскопки Херс., 14, примѣч. 2-е.

³⁾ Отчеты 1893, 57; 1897, 93.

⁴⁾ Отчетъ 1899, 12; *Извѣстія*, I, 30.

были бы сложить ранѣ насыпи, а въ такомъ случаѣ ея лицо было бы такое, какъ бываетъ у стѣнъ, кладенныхъ открыто; между тѣмъ, мы видимъ, что у раскопанной стѣны нѣтъ никакого лица, а просто грубо-торчащія камни съ незадѣланными швами; поэтому мы точно заключаемъ, что эта стѣна бугилась какъ фундаментъ, въ рвахъ, открытых въ насыпи, а слѣдовательно она не могла быть опорной для этой насыпи. Это вѣдь тоже элементарно.

б) Въ раскопкахъ 1894 года найдена башня точно такого вида и даже размѣра, какъ I, открытая на крайнемъ сѣверо-западѣ, о которой я только что говорилъ выше. Башня была найдена недалеко отъ берега Карантинной бухты, близъ склада древностей. Въ углахъ этой башни оказались опоры крестоваго свода, поведшія къ новымъ догадкамъ. Предпожили, что все это будто бы было пристанью, а угловыя опоры—ея столбами, и что бухта съ той поры обмелѣла, такъ какъ теперь эта пристань находится отъ воды въ разстояніи 30 аршинъ. Тутъ же попутно замѣчено, что Карантинная бухта мелѣетъ и что направление древней стѣны болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ бывшему урѣзу моря. То же мнѣніе повторено и позже ¹⁾. Что мы здѣсь видимъ подвальный ярусъ башни, хорошо и правильно поставленной въ исходящемъ углу крѣпостной ограды, что этотъ ярусъ былъ перекрытъ крестовымъ сводомъ, и что пристань такимъ способомъ не строить,—будетъ очевидно знакомымъ съ техникой древнихъ военныхъ и современныхъ морскихъ сооружений, но я не буду на этомъ настаивать и привожу этотъ примѣръ, чтобы показать, какъ замѣчанія объ обмелѣніи бухты и положеніи древнихъ стѣнъ, кажущіяся столь отвѣчающими мѣстнымъ условіямъ, мало вѣроятны, потому что у древнихъ на этотъ счетъ была своя особенная логика, не допускающая такого заключенія. У нихъ приморскія стѣны ставились не какъ попало и вовсе не стараясь стать у самой воды; по ихъ мнѣнію, надо сказать—вполнѣ вѣрному, стѣна не должна была стоять близко къ водѣ, чтобы суда не могли ее таранить или перебрасывать на нее мостъ; въ этихъ видахъ она не должна стоять ближе 30 локтей (12,86 м.). Съ другой стороны, она не должна быть и очень удалена, чтобы не оставлять на берегу мѣсто, гдѣ можно высаживаться и устраиваться внѣ дѣйствительнаго, хорошаго пораженія со стѣнъ; для

¹⁾ Отчеты 1894, 54 п 1895, 5, 91.

этого стѣна не должна стоять далѣе 100 локтей (46,20 м. ¹⁾). Конечно, эти столь мѣткія замѣчанія тогда были всѣмъ извѣстны и исполнялись въ мѣру возможности и въ Херсонесѣ, а если ихъ принять въ соображеніе, то окажется, что вопросъ объ обмелѣніи и мѣстѣ древняго берега бухты вовсе не столь просто рѣшается, какъ то кажется. Тѣмъ не менѣе обмелѣніе берега въ одномъ мѣстѣ вѣроятно, и его величину до нѣкоторой степени можно опредѣлить, но совершенно инымъ способомъ, въ чему я вернусь далѣе, при описаніи оградаы по берегу бухты.

7) Саженьяхъ въ восьми восточнѣе этой XXII башни ограда поворачиваетъ внутрь города подѣ прямымъ угломъ, и внутри этого угла нашлось основаніе какаго-то четырехугольнаго сооруженія, названнаго башней ²⁾. Что это за сооруженіе, не могу связать; можетъ быть, цистерна, но безусловно невозможно считать его башней. Во-первыхъ такъ близко одна отъ другой башни никогда не располагались, а во-вторыхъ поставить башню выступомъ внутрь города—такая крупная военная ошибка, которой не могли сдѣлать.

8) На приморскихъ сторонахъ города въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны слѣды оборонительной стѣны. Одно изъ этихъ мѣстъ раскопано, описано и изображено ³⁾; ср. планъ табл. II, курт. 29 и 30. Открыто около 27 сажень стѣны, а по серединѣ ея выступаютъ впередъ двѣ поперечныя стѣны въ видѣ кусковъ аршинъ по семи. Столь очевидное дѣло обставлено въ описаніи нѣсколькими предположеніями. Поперечныя стѣны сочтены за подпорныя, но въ таковыхъ не было никакой надобности, да и ихъ не стали бы дѣлать въ сторону непріятеля, а если и были надобны подпоры, то знакомство съ техникой покажетъ, что онѣ никогда не дѣлаются въ томъ видѣ, какъ найдены, и были бы расположены не въ одномъ только мѣстѣ стѣны, а по всей ея длинѣ, на равныхъ разстояніяхъ. Невозможно не узнать здѣсь съ полной очевидностью башни, у которой подмыта и рухнула лицевая стѣна. Въ этомъ вполнѣ удостовѣряютъ и размѣры (7 арш. внутри квадратно), и обрывъ поперечныхъ стѣнъ, да и самое мѣсто и смыслъ. Описаніе раскопокъ, кромѣ того, предполагаетъ, что впереди этой стѣны могъ быть еще и

¹⁾ Philo, III, 35 (р. 90); Anonymus, XI, 2, 3 (р. 154), VI в. по Р. X.

²⁾ Отчетъ за 1894, 54; *Извѣст.*, XVI, табл. I, Д.

³⁾ Отчетъ за 1895 г., 97.

контръ-эскарпъ, т. е. ровъ, и самый берегъ, значительно выдаваясь впередъ, понижался до воды. Иначе, будто бы, нельзя объяснить построение стѣны на обрывѣ берега въ три сажени вышиной. Къ чему могъ понадобиться ровъ съ контръ-эскарпомъ у простой подпорной стѣны, т. е. гражданскаго сооруженія, трудно себѣ представить, но простѣйшее объясненіе необходимости здѣсь настоящей оборонительной стѣны находится въ самыхъ обыкновенныхъ соображеніяхъ древнихъ о способахъ взятія укрѣпленныхъ мѣсть. Обрывистый берегъ въ три сажени только можетъ показаться недоступнымъ для прогулокъ, но вовсе не былъ таковымъ въ боевомъ смыслѣ. Эскалада была самымъ обыкновеннымъ способомъ взятія укрѣпленныхъ мѣсть у древнихъ; въ этомъ направленіи ихъ войска имѣли постоянную практику и самое широкое обученіе, такъ какъ все подобное было основнымъ приѣмомъ поліоркетики. Огромныя высоты, самыя недоступныя мѣста ихъ не останавливали. Довольно вспомнить, напр., взятіе Александромъ Великимъ совершенно недоступныхъ, даже по мнѣнію ихъ защитниковъ, скалъ въ Согдіанѣ и Парѣтакенѣ ¹⁾. Въ настоящемъ же случаѣ самыхъ пустычныхъ приспособленій, прорубки ступеней, забивки штырей, заброски веревокъ съ крючьями ²⁾, простой постановки невысокихъ лѣстницъ было бы довольно, чтобы свободно влѣзть на этотъ берегъ, особенно подъ защитой выстрѣловъ съ судовъ и при неимѣніи стѣны, укрывающей обороняющагося. Нѣсколько далѣе берегъ даже попижался до уровня моря. Кромѣ того, недостаточно было считать городъ обезпеченнымъ отъ эскалады съ моря, надо было еще и укрыть его жителей отъ взоровъ и выстрѣловъ съ той же стороны. Все это совершенно просто и вполне понималось древними жителями, сдѣлавшими оборонительную стѣну по всей длинѣ морского берега, вокругъ всего города. Берегъ Херсонеса, глядящій въ открытое море, конечно, размывался прибоемъ волнъ, но весьма немного. Его положеніе въ древности опредѣляется именно крѣпостной стѣной, впереди которой не могли оставлять много свободнаго пространства, чтобы не терять цѣннаго городского мѣста и не давать непріятелю площади для устройства приспособленій передъ приступомъ. Хорошая съемка мѣстности горизонталями даетъ возможность весьма правдоподобно

¹⁾ *Aggian. Anabasis, IV, 18, 19, 21.*

²⁾ *Philo, IV, 60, 61 (p. 111).*

судить о томъ, каковъ былъ берегъ Херсонеса въ очень далекія времена. Я это обозначилъ точками *r, r, r* на планѣ табл. II, но, конечно, въ такомъ видѣ берегъ могъ быть не только ранѣе построения Херсонеса, но, вѣроятно, ранѣе и какого бы то ни было человѣка въ Тавридѣ.

9) Въ склепѣ подѣ древнею стѣною, у воротъ *E*, имѣющемъ планъ въ видѣ буквы *T*, подѣ самымъ его верхомъ, во всѣхъ рукавахъ оказались неглубокія впадины одна противъ другой, и для ихъ объясненія предположили, что тутъ были заложены деревянные связи ¹⁾. Но что же было связывать въ самомъ низу стѣны, да еще и вдоль ея? На томъ, что связи такъ не дѣлаются и что бруски, заложеныя концами въ стѣны, ничего связать не могутъ, я не стану настаивать, какъ на чисто техническомъ замѣчаніи. Но и помимо того не трудно видѣть, что этотъ ларчикъ открывается совсѣмъ просто. Были заложены вверху склепа дѣйствительно бруски дерева, но не для связи, а для поддержанія камней верхняго перекрытія склепа, положенныхъ по этимъ брускамъ. Такая поддержка полезна, пока стѣна свѣжая, не осѣла и не возведена на достаточную вышину, не нажала хорошо плитъ перекрытія. Послѣ бруски становилась излишними и, выгнивъ безъ остатка, нисколько не нарушали прочности стѣнъ. По этимъ брускамъ склепъ былъ перекрытъ очень немногими рядами кладки, а затѣмъ весьма долго простоялъ до начала работъ третьяго яруса. Можно было бы подумать, что такое замедленіе работъ предполагалось возможнымъ и въ самомъ началѣ, для чего и введены бруски, сами по себѣ излишніе, какъ показали опытъ.

10) Участокъ съ куртеной 19 былъ наиболѣе важнымъ и опаснымъ въ защитѣ города, а потому къ нему примѣнили нѣсколько тонкостей древняго стѣностроительства, наименѣе понятныхъ современному взгляду. Я укажу ихъ далѣе. Низъ куртины 19 слѣва рѣзко отличается кладкой облицовки своего нижняго яруса отъ всѣхъ ярусовъ куртинъ 15, 16, 17, и этого уже было бы достаточно, чтобы счесть ее строеной въ иное время, но главное тому доказательство описанія увидѣли не въ этомъ, а въ томъ, что она не связана съ кладкой башни XVI, какъ будто бы связана съ той же башней куртина 17-я. Дѣйствительность и приложенные къ описаніямъ рисунки удостовѣряютъ, что это

¹⁾ *Извѣстія*, I, 5—6; Отчетъ за 1899 г., 5.

не такъ: на нихъ ясно видно, что башня XVI ни въ одну сторону не находится въ связи съ куртiнами ¹⁾. Впрочемъ, такое отсутствiе связи, имѣющее значенiе въ современныхъ постройкахъ, въ древнихъ ровно ничего не доказываетъ, кромѣ того, что боевое сооруженiе построено по тогдашнимъ правиламъ. Издавна полагалось не связывать башни съ куртiнами, для того, чтобы неравномѣрныя осадки или потрясающiе удары стѣнобитныхъ орудiй не передавались отъ куртинъ на башни ²⁾.

11) Въ облицовкѣ первоначальнаго внутренняго ядра башни XVII оказалось много трещинъ, что объяснено ея несоразмѣрной высотой ³⁾. Но вѣдь на особенную высоту этой башни нѣтъ ни малѣйшаго указанiя; напротивъ того, ея высота оказалась очень малой, всего около пяти метровъ, а выше нашлись остатки какой-то структуры, опредѣляющей, что башня выше не поднималась. Подобныхъ трещинъ въ другихъ башняхъ не замѣчалось, ихъ не видно и въ наружномъ кольцѣ той же самой XVII башни, а онѣ всѣ доводились до полной и гораздо большей высоты. Могу утверждать, что камень облицовки свободно выдержитъ безъ трещинъ высоту вдесятеро большую найденной. Трещины здѣсь появились отъ какихъ-либо иныхъ причинъ, по всей вѣроятности отъ того, что облицовку приготовляли особымъ облегченнымъ способомъ, подбирая постели и заусенки камней внутрь, швы снаружи выходили очень тонкими, но вся тяжесть ложилась на самыя бромки, отчего камни и лопались, каждый разнообразно и независимо, башня же оставалась въ совершенной цѣлости.

12) Замѣтивъ своеобразную скругленность одного мѣста внѣшняго угла I въ куртинѣ 19, описанiе раскопокъ указываетъ, что этотъ уголъ приходилось круто огибать для того, чтобы войти въ городъ черезъ калитку *H*, почему на углѣ стѣны и образовалась стертость, подобно тому какъ на порогахъ древнихъ зданiй, изъ чего видно, что эта калитка находилась на бойкомъ мѣстѣ. Это замѣчанiе показалось вѣрнымъ и повторено въ отчетѣ ⁴⁾. Изъ выше сдѣланнаго анализа видно, что стѣна нижняго яруса этой куртiны никогда не была окончена, и далѣе будетъ видно, что до своей засыпки она простояла открытой не долго, такъ что ея

¹⁾ *Извѣстiя*, II, 5, 36, рис. 4 и 6.

²⁾ *Philo*, I, 39 (p. 52).

³⁾ Отчетъ 1898, 102.

⁴⁾ *Извѣстiя*, II, 8—9; Отчетъ за 1900 г., 15.

уголь не могъ подвергаться замѣтному стиранію. Допустимъ, что черезъ калитку *H* и въ самомъ дѣлѣ шло бойное движеніе, но понятно, что не все оно направлялось исключительно въ одну сторону, круто въ обходъ угла, и еще менѣе можно думать, чтобы много нашлось обходившихъ уголь неловко, задѣвавшихъ и какъ бы тершихся. Значить можно утверждать, что въ калитку, вообще говоря, должно было проходить гораздо болѣе людей, чѣмъ было задѣвавшихъ за уголь слегка, и всѣ проходящіе безъ исключенія наступали, не слегка или случайно, а всей своей тяжестью на порогъ калитки. Значить, онъ долженъ бы быть совсѣмъ истертымъ (камень одного качества), такъ же какъ и уголь притолоки калитки, а между тѣмъ оказывается, что порогъ и притолока подобныхъ признаковъ не носятъ. Замѣтимъ также, что немногіе неловкіе, задѣвавшіе за уголь, навѣрное дѣлали это случайно, толчками, и могли при томъ выщербить или выкрошить камень кусками, но совершенно неестественно ожидать, чтобы они его скруглили. Это могло бы случиться лишь въ такомъ случаѣ, еслибы объ это мѣсто терлись нарочно, къ тому же особымъ образомъ и очень продолжительно. Но всего убѣдительнѣе здѣсь то, что калитка никоимъ образомъ не назначалась для обыкновеннаго прохода въ городъ, а была исключительно боевая, всегда запертая. Это видно изъ того, что когда засыпали стѣну, то совершенно съ тѣмъ же назначеніемъ сдѣлали надъ калиткой точно такую же другую, и такъ какъ она приходилась выше уровня города, то къ ней сдѣлали лѣстницу, ступени которой цѣлы и не сглажены. Крѣпостныя стѣны и въ древности вовсе не были всѣмъ доступны и не могли служить проходимымъ мѣстомъ; входы на стѣны и выходы тщательно оберегались и запирались. Древнѣйшій писатель по вопросамъ укрѣпленія городовъ, начала IV вѣка, уже настоятельно этого требуетъ, давая подробныя объясненія причинъ ¹⁾. Но и допуская хожденіе черезъ калитку, надо помнить, что и калитку и истертый уголь засыпали ранѣе, чѣмъ закончили стѣну куртины 19, цѣлая половина которой оставалась вовсе не выведенною, а стало бытъ невозможно допустить, чтобы даже и при совершенной свободѣ много пользовались этой калиткой. Не думаю, чтобы была надобность и польза объяснять всякую мелочь, и потому безъ затрудненія говорю, что совсѣмъ не знаю, почему уголь скругленъ. Впро-

¹⁾ Aeneas, XXII, 8 (p. 123).

чемъ, если непремѣнно желательно подобрать какое-либо техническое объясненіе этой случайности, то выскажу предположеніе, возможное и ничѣмъ остальнымъ не опровергаемое. Строя стѣну куртины 19 и нося тяжелые камни, ударили однимъ изъ нихъ въ уголь I и выщербили кусокъ уже положеннаго камня (наибольшая впадина закругленія приходится какъ разъ на высотѣ носки камня носилками). Затѣмъ, такъ какъ выбитый камень глядѣлъ некрасиво, то подчистили и подтесали весь уголь въ этомъ мѣстѣ, сведя на нѣтъ кверху и книзу подтеску. Однимъ словомъ, сдѣлали то самое, что и мы сдѣлали бы теперь въ такомъ случаѣ въ нестрогой постройкѣ. Можно придумать и что нибудь иное, но не бойкое движеніе, здѣсь не существовавшее.

Я счелъ полезнымъ остановиться на вышеуказанныхъ техническихъ замѣчаніяхъ. Они отчасти выясняютъ разныя подробности построения крѣпостной ограды, а еще болѣе показываютъ то, на чемъ я усердно настаиваю, т. е. что техника и ея исторія—вовсе не наборъ случайныхъ догадокъ, а имѣютъ свою полноту соображеній и неизбѣжной послѣдовательности, которыя должны быть удовлетворены всѣ безъ исключенія, а не частью. Гдѣ приходилось, показано согласованіе рѣзкихъ техническихъ приемовъ, употребленныхъ въ стѣнахъ Херсонеса, съ тѣмъ, что въ то время почиталось наилучшимъ. Слѣдуетъ показать и неисполненіе правилъ. Филонъ настойчиво совѣтуетъ ¹⁾ для связи и прочности стѣнъ задылывать въ нихъ дубовые продольные брусья, а этого нѣтъ и признака въ Херсонесѣ, ни въ одномъ изъ періодовъ кладки его крѣпостныхъ стѣнъ. И даже въ гражданскихъ строеніяхъ ничего подобнаго не было примѣчено, хотя этотъ способъ всегда былъ очень употребителенъ на востоцѣ. Въ Тавриду онъ проникъ только съ генуэзцами и татарами.

Я указалъ наиболѣе важныя подробности построения ограды и главные періоды ея постепеннаго развитія, но полное пониманіе обороны города получится лишь послѣ ознакомленія съ ея внутреннимъ смысломъ и боевымъ значеніемъ, объясненными въ зависимости отъ условій мѣста. Къ этому я и перейду теперь.

Городище Херсонеса занимаетъ довольно удобное для обороны положеніе въ видѣ удлинннаго холма на берегу моря, между двухъ бухтъ,

¹⁾ Philo, I, 12 (p. 32). Cp. Choisy, L'art de bâtir chez les Byzant., 116.

Херсонесской на западъ и Карантинной на востокъ, къ которымъ (или къ ихъ отвершкамъ на западъ и югъ) стороны холма спускаются довольно круто; только на юго-западъ городской холмъ соединяется съ материкомъ перешейкомъ, по которому проходить и наиболее легкій доступъ къ городу. Это естественно крѣпкое положеніе еще болѣе усиливалось тѣмъ, что съ юга боковой рукавъ Карантинной бухты, въ слѣдствіи частью засыпанный искусственно, частью заплывшій естественными путями, далеко протягивался къ западу, образуя берегъ приблизительно по линіи, обозначенной на табл. II точками *x, x, x*. Существованіе такого отвершка бухты опредѣляется и раскопками ¹⁾ и, еще болѣе, нивелировкой, по которой дно балки у точки *y*, на мѣстѣ бывшей бухты, лежащее теперь въ 250—300 м. отъ бухты, возвышается надъ уровнемъ моря менѣ метра. Всего вѣроятнѣе, что этотъ рукавъ отдѣлялся отъ бухты пересыпью, какъ то мы видимъ донынѣ во многихъ мѣстахъ Гераклейскаго полуострова и даже рядомъ съ городомъ въ Херсонесской бухтѣ. Отсюда слѣдуетъ, что ограда съ запада и юга хорошо была обезпечена мѣстными условіями, и только перешеекъ на юго-западъ, т. е. относительно малая часть ограды, требовалъ особеннаго вниманія и усиленія обороны. Сѣверъ и востокъ всего холма обезпечены открытымъ моремъ. Весь холмъ отъ береговъ моря, возвышавшихся обрывами до 10—12 метровъ, полого поднимается къ перешейку на юго-западъ, гдѣ достигаетъ 30—35 метровъ надъ моремъ. Такимъ образомъ этотъ перешеекъ, поднимающійся и далѣе, внѣ города, командуетъ послѣднимъ, что еще рѣзче подчеркиваетъ его важность въ линіи обороны. Удобныя условія мѣста, занятаго городомъ, въ смыслѣ чисто оборонительномъ, не были таковыми въ морскомъ отношеніи. Въ описанныхъ предѣлахъ города его морскіе берега на сѣверѣ и востокѣ открыты, круги, скалисты, почти вовсе недоступны и совершенно не представляютъ какихъ-либо укрытій для судовъ. Последнее торговому городу было, конечно, совершенно необходимо, а поэтому въ его предѣлы пришлось ввести часть берега (лежащаго внѣ холма) глубоко вдающейся въ материкъ и закрытой отъ всего Карантинной бухты. Это давало хорошія торговыя удобства, но за то для образованія площади портовой

¹⁾ Отчетъ за 1896 г., 173.

территоріи понадобилось засыпать значительную часть мелководнаго бокового рукава. Карантинной бухты (x, x, x), а для защиты порта пришлось измѣнить естественную линію ограды и вмѣсто того, чтобы съ XII башни вести на XXI, выдвинуть ее прямоугольникомъ въ югу, занявъ берегъ бухты. Самое исполненіе здѣсь работъ было затруднительно, такъ какъ стѣны ограды пришлось перебрасывать черезъ тотъ же мелководный рукавъ бухты, для чего и дѣлать фундаментъ ихъ на ростверкахъ, т. е. въ водѣ. Дыры отъ бревенъ ростверка и до сихъ поръ видны въ открытыхъ фундаментахъ башенъ XV и XV'. Вѣроятно онѣ нашлись бы и подъ стѣнами частей куртинъ 16, 17, 18 и 22, куда раскопки куда еще не проникли, такъ какъ требуется отвачка воды. Нѣкоторыя, хотя и не полныя изысканія показываютъ, по словамъ г. Скубетова, что фундаменты стѣнъ (напр. у XV башни) идутъ въ глубь подъ воду болѣе двухъ метровъ, а это и служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что они ставились въ водѣ отвершка бухты. Помимо трудности исполненія ограды, въ этомъ мѣстѣ образовалась и наиболѣе уязвимая ея часть, такъ какъ она находилась не только на самомъ низкомъ мѣстѣ, но и выступала впередъ изъ общихъ линій ограды, а стало быть непріятель могъ ее охватить съ трехъ сторонъ, если владѣль моремъ, какъ это и случилось въ худшую изъ осадъ Херсонеса при Юстиніанѣ II. Кромѣ того, надъ этой частью ограды возвышался до 30 м. съ юга холмъ Z, весьма для нея опасный, такъ какъ онъ находился въ разстояніи всего 200—250 м., т. е. хорошаго досяганія снарядами метательныхъ орудій, и, значительно превышая стѣны города, командовалъ портомъ, обнаруживая всю его внутренность.

Итакъ, здѣсь въ порту, у Карантинной бухты, получилось самое опасное мѣсто ограды; нѣсколько меньшей важности было мѣсто на перешейкѣ съ юго-запада; еще меньшее значеніе имѣла ограда остальныхъ сторонъ; наиболѣе безопасною обороною была съ моря. Уже и изъ сказаннаго ранѣе можно видѣть, что все это значеніе естественныхъ условій мѣстности было въ точности и хорошо понято въ Херсонесѣ съ самыхъ древнихъ временъ. Первые начатки ограды были сдѣланы именно въ слабѣйшей и труднѣйшей части, самой низкой, ограждавшей со всѣхъ сторонъ портовой выступъ крѣпости. Эта первичная оборона была исполнена на слишкомъ маломъ протяженіи, и потому нельзя сказать, думали ли въ то время о всей оградѣ именно такъ, какъ впоследствии ее по-

строили, но весьма вѣроятно, судя по нѣкоторымъ мелочнымъ признакамъ, что вся общность идей обороны города была выработана тогда же. Какъ бы то ни было, но теперь только подробности исполненія нѣкоторыхъ частей первичной ограды доступны нашему обсужденію.

Толщина ея стѣнъ, около 3,85 м., хотя и менѣе указанной Филономъ (10 локтей=4,60 м.)¹⁾, но въ условіяхъ Херсонеса, видѣвшаго передъ собой только варваровъ, можетъ похвастаться вполнѣ достаточной. Близкія по времени постройки стѣны Мессены имѣютъ даже еще меньшую толщину, хотя, правда, стоятъ въ гораздо лучшихъ условіяхъ, а это постройка образцовая. До какой высоты думали довести стѣны, теперь можно только гадать. Въ этой первичной оградѣ были заложены начала всего четырехъ башенъ, XIII, XIV, XVI и XIX, со всѣми между ними куртинами, 15, 16, 17 и 18. Разстояніе между башнями различное, около 60, 100 и 30 м. Только первое приближается къ нормальному (100 локтей по Филону, 46 м.), послѣднее маловато, а среднее такъ велико, что его вскорѣ раздѣлили пополамъ новой башней XV. Въ очень сильныхъ крѣпостяхъ большія башни, вооруженныя крупными орудіями, разставлялись и на разстояніи до 200 локтей, но, конечно, это не примѣнимо для Херсонеса. Форма всѣхъ башенъ, кромѣ одной XV, круглая, которая и тогда уже считалась не изъ лучшихъ. Діаметръ башенъ около 10—12 м. достаточенъ по своему времени. Всѣ онѣ начаты или предположены, какъ полныя снизу, т. е. завалены сплошной кладкой мелкимъ камнемъ, почти на сухо, а оборона въ нихъ начиналась выше, повидимому съ 5 метровъ, и это, тоже по своему времени, упрощено болѣе чѣмъ слѣдовало.

Городскія ворота *E* начаты въ самомъ безопасномъ мѣстѣ, но въ остальномъ ихъ положеніе было не удовлетворительно: низко поставленныя, они вели удобно только въ портъ, а въ городъ приходилось отъ самыхъ воротъ подниматься по крутымъ улицамъ. Ближайшая къ воротамъ XIV башня, подъ защитой которой они находились, обстрѣливала ворота слѣва и такимъ образомъ нарушался основной принципъ обороны, признанный и исполнявшійся уже въ стѣнахъ Микенъ и Тиринеа,—заставить непріятеля, подошедшаго къ воротамъ, подставлять выстрѣламъ

¹⁾ Philo, I, 9 (p. 32).

правый бокъ, а не лѣвый, прикрытый щитомъ ¹⁾). Наконецъ, самый доступъ къ этимъ воротамъ велъ черезъ топкую низину. Вѣроятно, всѣ эти недостатки, своевременно замѣченные, и были причиной того, что при слѣдующемъ приступѣ къ работамъ ограда начатыя ворота заложили. Куда ихъ предполагали тогда перенести, неизвѣстно, но вѣроятно, что именно въ то мѣсто, гдѣ мы ихъ увидимъ впоследствии. Въ первыхъ воротахъ, хотя и неоконченныхъ и скверно поставленныхъ, однако, остался любопытный для насъ слѣдъ устройства пазовъ падающей рѣшетки—приспособленіе, о которомъ для того времени мы знаемъ книжно, но фактическихъ указаній въ остаткахъ далекой греческой древности востока, кажется, не находили. Въ Италіи иное дѣло,—тамъ это приспособленіе употреблялось часто и извѣстно съ давней поры; можно полагать, что оно тамъ и придумано. Его находятъ въ развалинахъ многихъ городовъ, напр. въ самомъ Римѣ, въ Помпеяхъ и проч. Въ Помпеяхъ ворота къ Геркулануму, въ ихъ главныхъ частяхъ, рѣшеткѣ и воротныхъ полотнахъ, совершенно того-же расположенія, что и въ Херсонесѣ, но моложе, отъ I в. до Р. X.

Военная улица (римское *romaeum*), повидимому, устраивалась сзади стѣны, но очень узкая ²⁾, въ 5 м., хотя объ этомъ теперь трудно судить, такъ какъ ограда большею частью открывается съ примкнутыми прямо къ ней стѣнами жилищъ; но все это должно быть позднѣйшаго времени. По Филону такая военная улица должна быть въ 60 локтей (27,6 м.) ³⁾.

Вотъ и все, что можно извлечь изъ дошедшихъ до насъ попытокъ построить ограду въ IV вѣкѣ до Р. X. Ошибокъ было сдѣлано не мало, но онѣ затѣмъ поправлялись, стало быть были признаны.

Съ какою постепенностью воздвигалась ограда, отчасти я сказалъ и буду подробно говорить далѣе, но было бы мало понятно разсматривать значеніе каждой части въ отдѣльности по мѣрѣ ея построения, а потому я перейду прямо къ тому положенію, когда, наконецъ, была готова вся ограда въ ея наибольшемъ развитіи. Такою же она, конечно,

¹⁾ Впрочемъ, отступленія отъ этого принципа бывали, напр. въ Филѣ, правда маленькомъ укрѣпленіи на гравницахъ Аттики. Le Bas, Voyage en Grèce, éd. S. Reipsch, pl. 7.

²⁾ *Извѣстія*, XVI, 51, 39, табл. II.

³⁾ Philo, I, 8 (p. 31).

была задумана въ самомъ началѣ. Это можно утверждать хотя бы уже потому, что принципы обороны и осады городовъ въ тѣ времена оставались неизмѣнными въ теченіе многихъ вѣковъ.

До построения всей ограды прошло очень много времени, и даже періодъ ея наиболѣе усиленнаго и успѣшнаго строительства продолжался долго, пока ею замкнули весь городъ. Такое явленіе свойственно многимъ древнимъ и средневѣковымъ городамъ, такъ какъ очень часто быстрая постройка ограды, требовавшая большихъ средствъ, была не по силамъ гражданамъ. Понятно, что пока ограда не окончена, городъ оставался безъ закрытія, что представило бы немалую опасность, но этого не было въ столь большой степени. Не имѣя настоящей защиты, устраивали и довольствовались болѣе слабой временной; напр., строили однѣ стѣны, примыкая къ нимъ башни позже въ мѣру средствъ. Этотъ способъ былъ примѣненъ и въ Херсонесѣ (башня XV), но въ очень маломъ размѣрѣ. Гораздо надежнѣе были временныя укрѣпленія; ихъ возводили наскоро, по намѣченнымъ оборонительнымъ линіямъ; состояли они изъ небольшого рва съ валомъ, гдѣ не было скалы, частокола, стѣнокъ насухо и разныхъ препятствій. Всего этого было недостаточно, но все же нѣкоторая защита получалась. Постепенное развитіе долговременныхъ укрѣпленій изгладило и самыя слѣды этихъ упрощенныхъ оградъ.

Общность обороны города, все ея протяженіе было задумано, еще разъ повторю, сразу, такъ какъ ни въ чемъ не видно существенныхъ колебаній или измѣненій, а главное, все такъ хорошо пригнано къ условіямъ мѣстности, что и не могло быть инымъ, отвѣчая вполнѣ одной цѣльной идеѣ. Не будь остатковъ ограды, ее можно было бы начертить весьма близко къ найденному, руководствуясь топографіей мѣстности. Сомнѣнія могли бы быть лишь въ линіяхъ ограды порта, такъ какъ здѣсь она вызывалась неизвѣстными торговыми или административными потребностями, а не видимыми и понынѣ условіями мѣстности, но именно здѣсь мы нашли древнѣйшія начатки стѣнъ, опредѣляющіе, въ чемъ было дѣло.

Разсмотримъ теперь фронты, стороны обороны, каждый въ отдѣльности, начавъ съ западнаго и закончивъ самымъ сложнымъ,—обороной порта.

Западная сторона наиболѣе обезпечена мѣстностью и подступы къ ней непріятеля наименѣе вѣроятны; это понималось, а потому и ограда

съ этой стороны дѣлалась относительно слабѣе. На берегу моря, составляя уголь сухопутной и приморской обороны, поставлена квадратная башня I. Рядомъ съ нею въ стѣнѣ малыя ворота, вѣрнѣе калитка А, имѣвшая ширину въ притолокахъ не болѣе 2 м., а потому служившая не для проѣзда. Куртины 1 (около 40 м.) и 2 (около 50 м.) образуютъ входящій уголь. Въ концѣ 2 куртины II башня, кажется, полукруглая (не раскопана). Далѣе 3 куртина (около 70 м.) и въ концѣ ея III башня, тоже, повидимому, полукруглая, но впереди ея видны еще остатки ограды, неизвѣстно что обозначающіе. Отсюда начинается передъ главной оградой вторая, передовая стѣна, идущая непрерывно до VIII башни включительно. Современемъ раскопки выяснять точнѣе, въ чемъ тутъ дѣло, но возможно, что въ извѣстное время ограда кончалась III башней, гдѣ и примыкала къ довольно обрывистому берегу моря, а куртины 1, 2 и 3 съ своими башнями прибавлены послѣ. Куртина 4 (около 100 м.) вмѣстѣ съ 5 и 6 образуютъ сильно входящій уголь, превосходно поставленный для обороны мѣстности. Внутри этого угла, въ 4 куртінѣ ясный слѣдъ бывшаго здѣсь проѣзда, воротъ Б. Куртины 5 и 6 идутъ въ прямой линіи (также около 100 м.), но такъ какъ это мѣсто уже приближалось къ опасному перешейку, то по серединѣ была поставлена башня, кажется полукруглая. Отъ конца 6 куртины начинается юго-западный фронтъ ограды на перешейкѣ. Все до сихъ поръ описанное, за исключеніемъ первой башни и малаго куска 1-й куртіны, не раскопано и опредѣлено приблизительно, частью по видимому, частью по старымъ чертежамъ. Стѣны всей этой стороны сравнительно слабы, тонки и низки. Въ I башнѣ ихъ толщина около 2 м., а высота башни, вмѣстѣ съ парапетомъ (кусокъ котораго, единственный въ Херсонесѣ, сохранился),—около 8 м. Рядомъ кусокъ 1 куртіны очень толстъ, до 4,50 м., и низокъ, только 2,50 м. высоты, безъ парапета, до котораго сохранился. Разрѣзъ этой реставрированной стѣны см. на рис. 17 ¹⁾, а планъ I башни—на рис. 18.

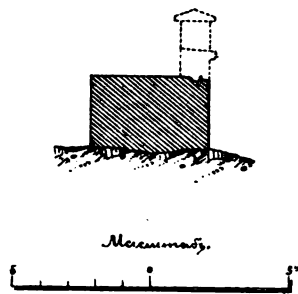

Рис. 17.

¹⁾ Всѣ дальнѣйшіе чертежи стѣнъ и башенъ, для удобства сравненія, даны въ одномъ масштабѣ, кромѣ рис. 28, плана XVII башни, убавленнаго вдвое, потому что онъ выходилъ слишкомъ большимъ.

Въ куртинѣ 4-й кусокъ стѣны также сохранился подъ парпетъ; реставрированный разрѣзъ см. на рис. 19.

Куртины 5 и 6 скрыты совершенно военными работами, но отъ нихъ сохранились довольно подробные рисунки. Къ сожалѣнію, по

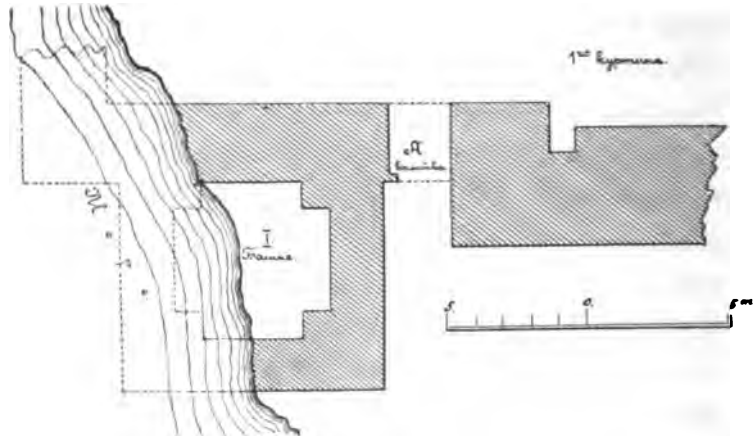

Рис. 18.

нимъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ разбирается, что именно было найдено и что составляло реставрацію по соображенію. Разрѣзъ по этимъ куртинамъ, реставрированный, см. на рис. 20.

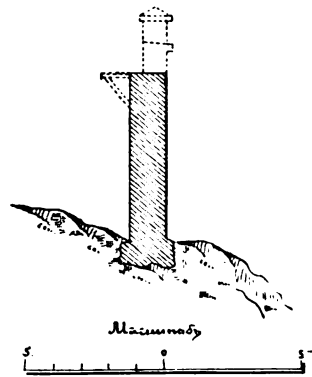

Рис. 19.

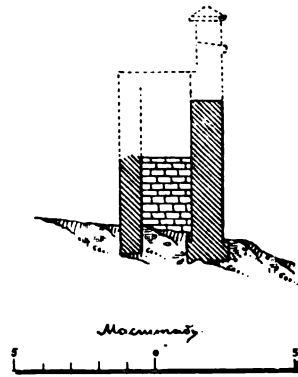

Рис. 20.

Такой способъ устройства стѣнъ въ Херсонесѣ—нѣчто совсѣмъ особенное и болѣе нигдѣ не встрѣчавшееся. Какъ видно, ограда состояла изъ двухъ стѣнъ, пространство между которыми забучено сырцовымъ кирпичемъ; лицо стѣны, снаружи и внутри, было изъ штучнаго камня. Какъ ни удивительно такое устройство въ Херсонесѣ, гдѣ камень добы-

вается проще, дешевле и скорѣе, чѣмъ сырецъ, но все это дано съ такими подробностями и указаніемъ всѣхъ размѣровъ на правильныхъ чертежахъ, что не приходится сомнѣваться. Самый этотъ способъ постройки стѣнъ былъ очень употребителенъ и одобряемъ въ римское время ¹⁾.

Если по размѣрамъ, числу и разстоянію башенъ вся эта сторона была слабѣе прочихъ, то за то въ ней на всемъ протяженіи мы находимъ совершенно неожиданное начертаніе: она изломана углами, входящими и исходящими, что не вызывалось ни условіями мѣстности, ни какими бы то ни было гражданскими соображеніями. Напротивъ того, изъ-за этого начертанія часть стѣнъ (1 и 4 куртины) пришлось вести по довольно крутымъ мѣстамъ и потому усложнить ихъ работу, дѣлая по верху уступы, а вся стѣна вышла на 20% длиннѣе, чѣмъ была бы, еслибы ее вести по прямой линіи. Очевидно, что изломы стѣны здѣсь сдѣланы не случайно, а съ цѣлями чисто оборонительными, съ цѣлью доставить лучшую перекрестную оборону мѣстности, хотя бы и за счетъ удлиненія стѣны. Самые изломы прекрасно соображены съ уклонами мѣстности. Здѣсь мы находимъ вполне ясный образчикъ примѣненія тѣхъ принциповъ перекрестной обороны, которые обыкновенно считаются возникшими лишь съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ XV вѣкѣ и позже. Этотъ примѣръ крайне поучителенъ и ясенъ, иллюстрируя нѣсколько туманное описаніе того же у Вегеція ²⁾.

Башни V, VI, VII и VIII съ куртинами 7, 8 и 9 замыкаютъ самую важную сторону—перешеекъ къ югу, наиболѣе доступную часть ограды. Этому фронту, какъ и слѣдуетъ, придавали особенное значеніе. Вся его длина—около 115 м. съ башнями, а исключая послѣднія, на куртины останется всего около 30 м., т. е. башни здѣсь оказываются поставленными особенно близко. Основная стѣна была также толще чѣмъ гдѣ-либо, около 4 м. Она вся каменная съ облицовкой; размѣры не сохранились въ вышину, но вѣроятно не менѣе 9—10 м., какъ и показано на реставраціи разрѣза по этимъ куртинамъ (рис. 21).

Самыя башни на фронтѣ отличны отъ того, что мы видимъ въ другихъ мѣстахъ ограды: на южномъ углу башня VIII оказалась круглою внутри и 12—14-гранною снаружи, діам. 11 м. Ея главная особенность

¹⁾ Vegetius, Instit. rei milit., IV, 3; Vitruv. De arch., I, 5.

²⁾ Vegetius, Instit. rei milit., IV, 2.

состоить въ томъ, что она выдвинута впередъ и связана со стѣной особымъ проходомъ, изъ котораго своеобразный узкій выходъ въ периволь; по мѣсту этого выхода, слѣва башни, онъ назначался для входа отступающихъ вылазокъ, согласно съ указаніями отъ Филона до императора Льва ¹⁾. Планъ этой башни см. на рис. 22.

Промежуточная башня VI тоже особеннаго вида, квадратная, съ утолщенной лицевой стѣной, очевидно для лучшаго сопротивленія ударамъ снарядовъ стѣнобитныхъ орудій; она также соединяется съ куртеной узкимъ проходомъ, изъ котораго, конечно, были выходы въ периволь, но не сохранились или ихъ не усмотрѣли, потому что были най-

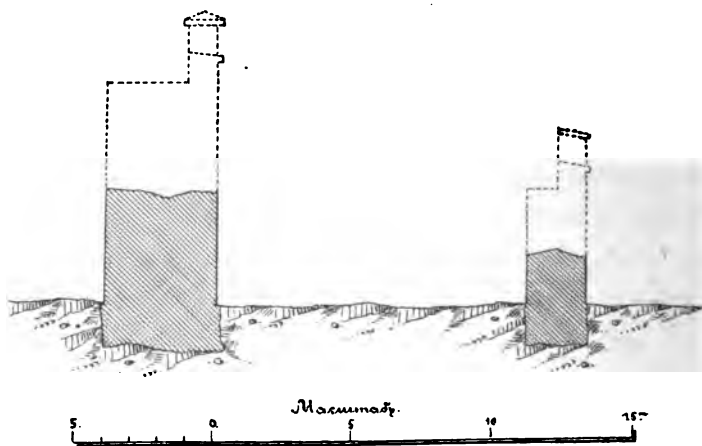

Рис. 21.

дены только низы подвальныхъ ярусовъ. Планъ этого яруса башни см. на рис. 23.

Угловая башня V была точно такая же, какъ VIII, а VII—какъ VI, судя по старымъ чертежамъ, но остатки этихъ башенъ были найдены совсѣмъ ничтожные или просто не вычерчены, какъ повтореніе, на сохранившихся рисункахъ. Для башни VII имѣется и совершенно иной планъ, въ видѣ прямоугольника съ полукругомъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго подобія съ планомъ рис. 23. Все это уничтожено совершенно, и убѣдиться, что именно было, теперь невозможно. Я остановился на показаніи чертежей инженера Гарабурды, согласно со старыми планами. Въ начертаніи всего этого фронта съ ясностью выдѣляется со-

¹⁾ Philo, I, 25, 26 (p. 42).

знательное развитіе важности идеи бокового обстрѣливанія, фланкированія, для чего башни и выдвинуты впередъ. Пониманіе этой идеи у древнихъ часто отрицается. Ея образчикъ я покажу и далѣе.

Передовая стѣна (протείχισμα) проходила по всему этому фронту, обружала угловыя башни и равнялась съ двумя средними, примыкая къ нимъ; впереди главной ограды она идетъ всего въ 11 метрахъ. Уже

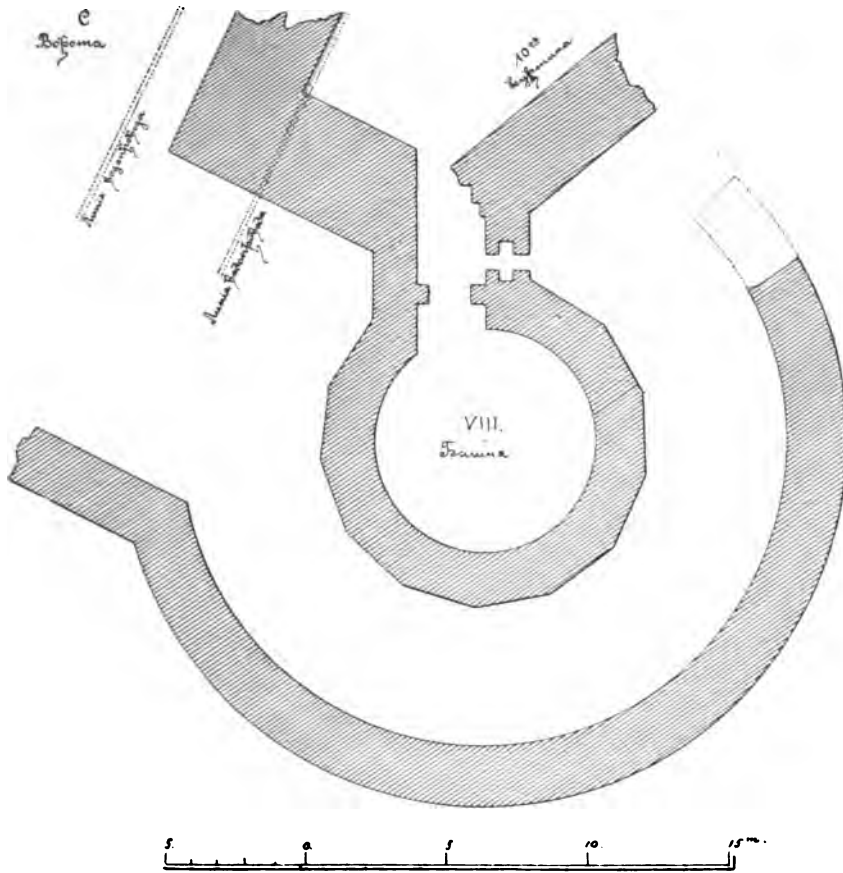

Рис. 22.

одно такое расположеніе, еслибы и не было иныхъ доводовъ, показанныхъ выше, съ ясностью говорить, что промежутокъ между стѣнами ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ровомъ. Это пространство между стѣнъ, называемое периволомъ (περίβολος), назначалось для усиленія защиты; во время осады туда загоняли скотъ, сходились земледѣльцы изъ окрестностей, тамъ собирались и подготовлялись вылазки. Ровъ обыкновенно дѣлался отступя отъ ограды (на одинъ плееръ, 31 м.). Еслибы его сдѣ-

лать вплотную къ оградѣ, то послѣдняя была бы во рву, что обязательно для насъ, но считалось совершенной и непонятной нелѣпностью для древнихъ. Прежде всего ровъ сдѣлали бы передъ башнями, гдѣ его нѣтъ, да и размѣръ междустѣня, перивола, слишкомъ малъ для рва: по Филону его полагалось дѣлать не менѣе 32 м. ¹⁾ Наконецъ и уровень его вовсе не можетъ счестся дномъ рва.

Между VII и VIII башнями находились главныя городскія ворота С. Теперь немного отъ нихъ было найдено, такъ что подробности ихъ

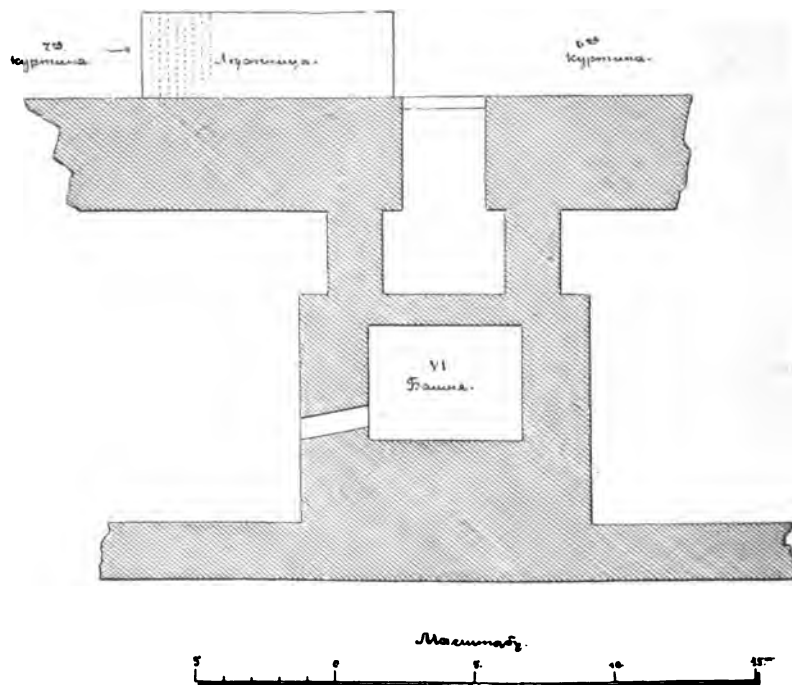

Рис. 23.

устройства не выяснились; можно только сказать, что они находились въ особой постройкѣ, перекрытой сводомъ. Что здѣсь именно были ворота, доказывается не только ихъ остатками, но и показаніемъ старыхъ плановъ. Ихъ даже можно видѣть и узнать на рисунокѣ Сумарокова, хотя и очень плохомъ; тутъ они показаны еще покрытыми сводами, о чемъ говорить и очевидцы ²⁾. Далѣе ограда идетъ по довольно крутому склону на югъ, представлявшему хорошую защиту, почему самая ограда

¹⁾ Philo, I, 43, 44 (р. 54).

²⁾ Сумароковъ, Досуги Крымскаго судьи, I, рис. 20.

и сдѣлана слабѣе, изъ одной болѣе тонкой стѣны, съ тремя прямоугольными малыми башнями IX, X и I, между которыми куртiны 10, 11 и 12 имѣютъ около 50 м. длины каждая. Въ самомъ безопасномъ мѣстѣ 13 куртiна сдѣлана даже около 110 м. длины. Впрочемъ, весь этотъ фронтъ совершенно не изслѣдованъ и о немъ можно говорить только отрывочно. Случайныя раскопки военныхъ работъ 1876 и 1893 гг. позволяютъ дать такой приблизительный разрѣзъ этихъ куртiнъ (рис. 24).

Слѣдующая XII башня—тоже небольшая, прямоугольная, а за нею 14 куртiна, длиною около 65 м., повидимому была того же вида и размѣра, но въ серединѣ ея устроены большія городскія ворота—*D*, очевидно взамѣнъ воротъ *E*, во всѣхъ отношеніяхъ неудачно начатыхъ и заложенныхъ. Ворота *D*, отъ которыхъ найдены только нижніе ряды, такъ что подробности ихъ устройства не могли опредѣлиться, представляли какъ бы проѣздъ черезъ башню и, конечно, имѣли надъ собой башенный ярусъ обороны, замѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ и башню, почему 14 куртiна и сдѣлана такой длинной. Ворота, кромѣ того, прикрыты передовою стѣною, вновь начинающейся отъ башни XII и идущей вплоть до XVIII на берегу Карантинной бухты. Дорога къ воротамъ *D* пролегла именно по периволу, между двумя стѣнами; ея остатки также были найдены у этихъ воротъ ¹⁾.

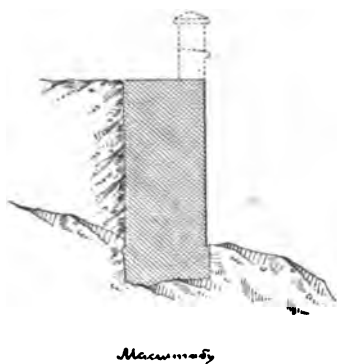

Рис. 24.

Затѣмъ слѣдуетъ XIII башня, круглая; отъ нея и начинаются высоко интересныя открытія послѣднихъ лѣтъ, описанныя въ отчетахъ и подробно анализированныя выше. Ядро XIII башни ограничивалось въ древности всего однимъ-двумя рядами, діам. въ 10 м. Когда стали возводить дѣйствительныя стѣны кругомъ всего города, то ничтожные размѣры башни и ея слабые выступы передъ стѣною были уже явно недостаточны, и потому башню окружили новымъ кольцомъ спереди, образовавшимъ полукруглую башню діам. въ 14 м.; и этихъ новыхъ стѣнъ сохранилось слишкомъ мало, чтобы сказать о нихъ болѣе.

¹⁾ *Извѣстія*, XVI, табл. III.

Дальше стѣны возводились на ихъ древнихъ уступахъ уже послѣ того, какъ послѣдніе были засыпаны по всему фронту XIII, XIV, XV, XVI и XVII башенъ съ куртнами. Я думаю, что прежде дальнѣйшаго описанія необходимо выяснитъ причину этого удивительнаго обстоятельства.

Едва была доведена до низа раскопка у воротъ *E*, какъ для меня отчетливо выяснилась искусственность засыпки всѣхъ стѣнъ и пришлось подыскивать причину такого удивительнаго, даже, кажется, небывалаго случая; но тогда открыто было еще слишкомъ мало, многія подробности не выяснились, и я думалъ видѣть здѣсь вліяніе чисто военныхъ обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что и ворота *E* и куртина 16, въ которой они сдѣланы, лежатъ низко, почти на уровнѣ моря, и ими командуетъ сосѣдняя тринадцатисаженная высота—*Z*. Мнѣ думалось, что въ виду этого захотѣли повысить стѣны, чтобы дефилироваться (говоря языкомъ поліоркетики) отъ этой высоты, а такъ какъ первичныя стѣны были не толсты, то ихъ засыпали снизу, чтобы придать большую устойчивость стѣнѣ при непомѣрной высотѣ. Не стоитъ настаивать на подробностяхъ, читатель и самъ увидитъ, что все изложенное въ самомъ началѣ этой главы совершенно отрицаетъ возможность подобнаго предположенія. Позже большое обиліе разныхъ деталей, выясненныхъ раскопками, показало и ходъ построенія ограды и настоящую причину засыпки.

Прежде всего попрошу вспомнить слѣдующее ранѣе доказанное: 1) что древнія стѣны куртинъ 15, 16, 17 и 19 никогда не были доведены выше того, что нынѣ видно въ ихъ нижнихъ ярусахъ, т. е. не были выше поверхности засыпки, а мѣстами были и нѣсколько ниже ея; 2) что засыпка была сдѣлана ранѣе, чѣмъ подумали выводить на этихъ куртинахъ окончательную ограду, и не только ранѣе, но и совершенно внѣ зависимости отъ этихъ стѣнъ или какихъ бы то ни было соображеній, съ ними связанныхъ. Я уже говорилъ, почему это такъ, но еще разъ повторю главные доводы второго положенія. Если бы засыпка стѣнъ дѣлалась въ зависимости отъ ихъ окончательнаго построенія въ третьемъ ярусѣ, то понятно, что фундаменты новыхъ башенъ XIV и XV, а также всей передовой стѣны были бы сложены ранѣе и уже потомъ засыпаны. Сдѣлавъ прежде засыпку, приходилось прибѣгать къ лишней работѣ, въ свѣжей насыпи выкапывать для этихъ работъ фун-

даментные рвы и вести въ нихъ болѣе затруднительную кладку. Ясно, что точно опредѣлившееся послѣднее обстоятельство произошло только потому, что когда надумали строить стѣны по старымъ начаткамъ, то эта насыпь уже была сдѣлана. Разныя мелкія подробности удостовѣряютъ въ томъ же. Итакъ, очевидно, что насыпь стѣнъ была сдѣлана ранѣе и внѣ зависимости отъ построения третьяго яруса ограды и боевого его значенія. Послѣ такихъ положеній уже не трудно указать и причину насыпи. Для подъѣзда къ городу съ этой стороны приходилось спускаться отъ мѣста будущей башни XVII въ глубокую и топкую балку, а потомъ изъ нея подниматься круто къ мѣсту XII башни, съ уклонами въ $\frac{1}{7}$ — $\frac{1}{8}$. Это было тяжело и неудобно, а между тѣмъ начатки стѣнъ торчали безъ пользы,—ихъ и употребили, какъ опорныя съ одной стороны плотины дамбы, насыпанной черезъ глубокую и топкую балку. Получилась весьма хорошая и почти ровная дорога съ очень слабыми, легкими подъемами. Всѣ мельчайшія подробности съ точностью согласуются съ этимъ объясненіемъ, а древнія ворота и дорога показываютъ, что здѣсь и дѣйствительно пролегалъ путь въ лучшую часть города. Это объясненіе, подтверждая неимѣніе тогда какой-либо крѣпостной ограды, въ то же время и само имъ удостовѣряется. Продолжу далѣе описаніе фронтовъ ограды.

На мѣстѣ башни XIV былъ только зачатокъ малой полукруглой башни, да и добираться до него приходилось, раскапывая насыпь. Имъ пренебрегли и выстроили здѣсь совершенно новую прямоугольную башню, 7,8 м. въ квадратъ, съ глубокимъ подвальнымъ этажемъ, перекрытымъ крестовымъ сводомъ. Куртины 15 и 16 протянулись по древнимъ стѣнамъ, а начатая по серединѣ ихъ въ древности полукруглая XV башня, тоже малая, замѣнена особымъ двойнымъ сооруженіемъ, причемъ, такъ какъ первоначальной башни было выведено много, то, не ломая ее всю (видимо разбирать старое не видѣли выгоды), воспользовались ею сколько можно. Здѣсь, на серединѣ вывели не одну башню, а двѣ, съ такимъ расчетомъ, чтобы между ними устроить въѣздъ въ городъ, хорошо защищенный и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходно и сильно обстрѣливавшій подступы къ куртинамъ. Изъ этой пары башенъ первая (XV), стоявшая въ линію съ оградой, была, повидимому, въ видѣ полнаго большого столба, пилона, только съ верхней обороной. Другая же (XV'), поставленная въ линію съ передовой стѣной, имѣла внизу небольшія помѣщенія съ двумя

открытыми къ проѣзду входами, очевидно для стражи при воротахъ. Планъ низа этихъ обѣихъ башенъ и проѣзда между ними см. на рис. 25.

О сообщеніи по верху уже говорено, о фундаментахъ этихъ башенъ тоже. Они сложены въ вырытыхъ ямахъ почти до уровня моря.

Разрѣзъ по куртинамъ 14 и 15 показанъ приблизительно съ тремя ярусами кладки (рис. 26).

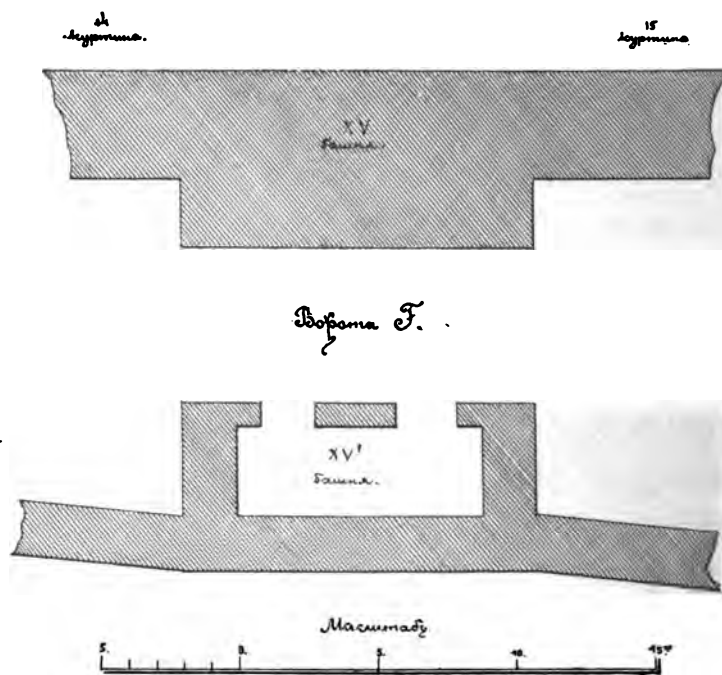

Рис. 25.

Круглая башня XVI вслѣдствіе прибавки 19-й куртины, выступившей угломъ впередъ, оказалась во входящемъ углу и перестала имѣть какое-либо боевое значеніе, тѣмъ болѣе, что для обстрѣливанія 17-й куртины гораздо лучше служила короткая сторона, та, въ которой находится калитка *H*. Поэтому, насколько видно, эту башню и не возобновляли какъ таковую, а только, не разламывая, воспользовались ею какъ фундаментомъ для куска стѣны и упора лѣстницы, ведшей къ верхней калиткѣ *H*. Ломать ее, хотя и вовсе ненужную, и здѣсь считали нестоющимъ.

Крайняя угловая башня XVII занимала самую важную точку, наиболѣе выдвинутую подъ командующую высоту *Z*. Это вполнѣ со-

знавали тогда и видѣли, что бывшій тутъ начатокъ древней башни очень малаго діаметра совершенно негоденъ, вовсе не вмѣщая порядочнаго гарнизона и ни одного орудія, а между тѣмъ этой башнѣ приходилось обороняться отъ перекрестныхъ выстрѣловъ безъ поддержки сосѣдями. Однако, уничтожить старую часть башни и тутъ не сочли полезнымъ, а использовали ее какъ ядро новой, которую сдѣлали самую большою изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Херсонесѣ и даже, насколько знаю, гдѣ бы то ни было въ тѣ времена. Ея діаметръ внутри 12 м., а снаружи 19 м. Есть нѣкоторая вѣроятность полагать, что именно съ этой башни была

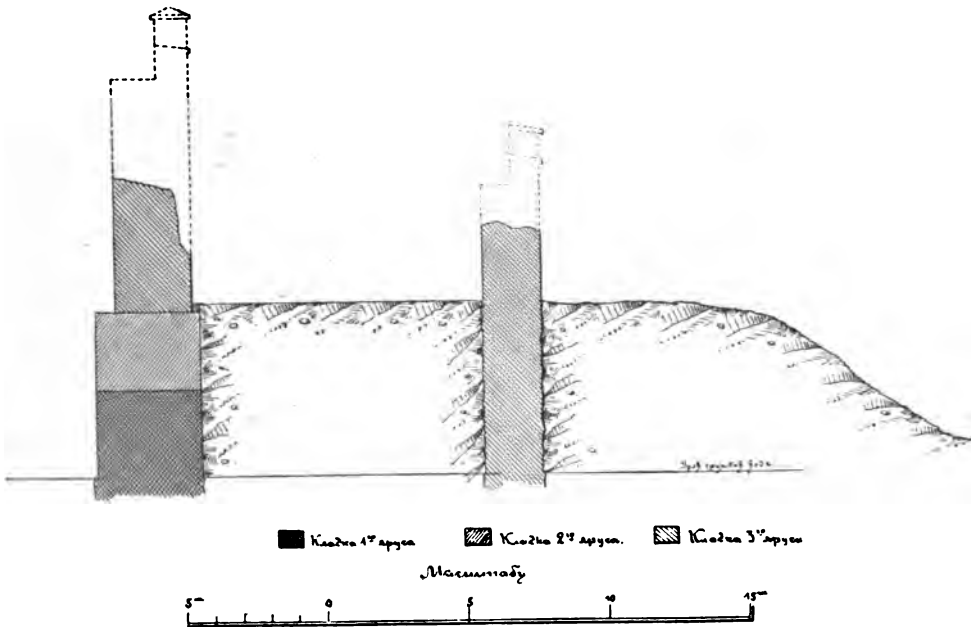

Рис. 26.

снята плита съ надписью времени императора Зинона объ исправленіи стѣнъ города и возобновленіи башни въ 488 году¹⁾. Во всякомъ случаѣ надпись всего болѣе подходит въ этой башнѣ, самой большой изъ всѣхъ. На ней всего естественнѣе было упомянуть о милости императора, да и баллистаріи, изъ сбора викарата которыхъ произведены расходы постройки, упомянуты здѣсь вполне уместно, опять таки по величинѣ башни. Въ Херсонесѣ это единственная башня, въ которой можно было поставить серьезныя крѣпостныя орудія для самой могущественной навѣсной стрѣльбы (παλίνονα) камнеметами (πετροβόλοι). Небольшія баллисты

¹⁾ Латышевъ, Сборникъ греч. надписей христ. времяя изъ ю. Россіи, № 7.

въ 30 минъ считались наиболѣе желательными для крѣпостей, по мнѣнію еще Филона ¹⁾, но и онѣ требовали мѣста въ ширину 6 м., въ глубину 4 м. и высоты 5 м., а дѣйствительно сильныя орудія, напр. въ одинъ талантъ (снарядъ около 1¾ пуда), нуждались въ значительно большихъ размѣрахъ, 8 на 5,20 и на 6,80 м. ²⁾ Въ этой башнѣ можно было поставить три-четыре первыхъ или одну вторую. Разумѣется, орудія прицѣльной стрѣльбы (εὐβύτουα), стрѣлометы (ὀξυβέλειαι) могли помѣщаться въ значительно меньшихъ пространствахъ, даже въ нишахъ стѣнъ, и они, конечно, были здѣсь, кромѣ большихъ, но не имъ было справиться съ тяжелой осадной артиллеріей. Это соображеніе основано на слѣдующихъ найденныхъ данныхъ. Ходъ въ эту башню былъ въ видѣ ступеней лѣстницы между стѣнъ старой и новой башенъ (слѣды этого ясны), да и вездѣ подобные ходы ограничивались какой-либо лѣстницей, но не то было здѣсь: кромѣ лѣстницы, сзади и вдоль по куртинѣ 20 была устроена пологая аппарель съ явною цѣлью свободнаго и легкаго ввоза тяжелыхъ частей орудій и ихъ снарядовъ внутрь башни. Ни для чего иного подобное устройство не надобно. Его видъ и до сихъ поръ хорошо показываетъ, что нами открытъ какъ разъ уровень перваго яруса башни. На табл. IX слѣва виденъ верхъ аппарели, которая еще полнѣе видна на снимкѣ внутренняго угла этой башни въ отчетѣ ³⁾. Верхъ аппарели разобщался отъ внутренности башни кольцевымъ пространствомъ между старой и новой башней. Здѣсь, конечно, навидывали, когда надо, деревянный мостикъ, сбросивъ который, получали разобщеніе башни и, слѣдовательно, усиленіе ея защиты на случай появленія непріятели внутри; тоже обычный пріемъ древнихъ.

Въ этомъ важнѣйшемъ мѣстѣ обороны мы видимъ усиленное развитіе не только живого сопротивленія—орудій, но и мертваго—стѣнъ, и послѣднихъ въ совершенно особенной, своеобразной формѣ, а именно въ видѣ утолщенія 19 куртины и низа башни XVII. Я уже описывалъ выше, какъ именно устроено это утолщеніе, но еще разъ напомнимъ, что оно у башни сдѣлано дополнительно, послѣ ея готовности, такъ какъ закрыло ея облицовку, и что оно состоитъ изъ особо большихъ камней, уложенныхъ только тычками, т. е. своей длиною въ толщѣ

¹⁾ Philo. III, 42 (p. 91).

²⁾ Rüstow u. Köchly, Gesch. d. griech. Kriegswes., 393, 398.

³⁾ Отчетъ за 1898 г., 102 и 103, рис. 3 и 4.

стѣны. Это послѣднее и поясняетъ всѣ идеи, сюда вложенныя (табл. VIII, слѣва). Точно такое устройство стѣнъ указываютъ Филонъ въ нѣсколько туманныхъ выраженіяхъ и безыменный византиецъ времени Юстиніана I съ буквальной точностью. Оно дѣлалось для лучшаго сопротивленія стѣнобитнымъ орудіямъ и машинамъ—таранамъ, и обыкновенно его дѣлали не во всю высоту стѣны, а только до высоты, достигаемой таранами, а именно на семь локтей (3,23 м.)¹⁾. У насъ стѣны сохранились не во всю высоту и потому нельзя сказать съ увѣренностью, какъ высоко было сдѣлано это утолщеніе, очень дорогое. Въ башнѣ оно поднималось не менѣе какъ на весь первый ярусъ, т. е. около 5—6 метровъ (табл. VIII), а по 19-й куртінѣ оно шло, кажется, во всю вышину, но лишь на половинѣ ея, ближайшей къ башнѣ (табл. VII справа). Это послѣднее отчетливо свидѣтельствуетъ о полномъ и правильномъ пониманіи идеи фланкированія, т. е. важности обстрѣливанія сбоку, идеи, настойчиво проводимой Витрувіемъ²⁾, примѣръ чего указывался выше. Стараясь придать возможно большую силу сопротивленія ударамъ, башни дѣлали полными внизу, поднимая ярусъ обороны выше, въ настоящемъ случаѣ около 5—6 м.; но, достигая одной цѣли, лишались другой выгоды—настильности фланкированія. Тогда орудія могли получать лишь малые углы склоненія и даже стрѣльба ручнымъ оружіемъ имѣла тотъ же недостатокъ. Значитъ орудія высоко поставленныя не могли обстрѣливать мѣстность вблизи себя, гдѣ получалось такъ называемое мертвое пространство, которое должны были оборонять сосѣди. Понятнѣе будетъ, въ чемъ дѣло, если посмотримъ на схему рис. 27.

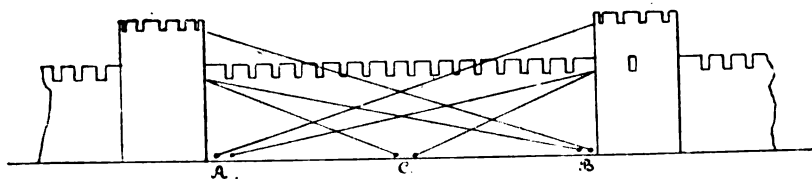

Рис. 27.

Здѣсь *A* и *B* двѣ башни, между ними куртїна *C*; можно видѣть, что башня *A* можетъ обстрѣливать лишь *CB*, правую часть куртїны *C*, а лѣвая сторона послѣдней *AC* обстрѣливается изъ правой башни *B*.

¹⁾ Philo, I, 21, 22 (p. 39—40); Anonymus, XII, 4 (p. 157).

²⁾ Vitruv. De architect., I, 5.

Въ куртинѣ 19 (длина около 80 м.) лѣвой башни не было; слѣдовательно вся ея правая сторона и подножіе башни XVII оставались безъ бокового обстрѣливанія и защиты. Въ исправленіе именно этого недостатка и сдѣлано сильное утолщеніе стѣнъ только тамъ, гдѣ оно было необходимо, т. е. въ правой, не обстрѣливаемой половинѣ. Кромѣ того, въ помощь оборонѣ сдѣлали здѣсь калитки *H* и *I*, назна-

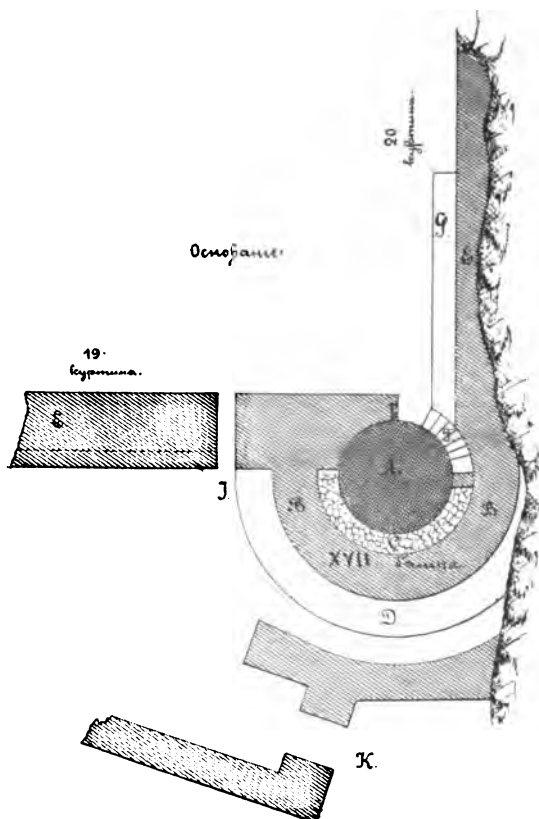

Рис. 28а.

A—первичная башня, *B*—стѣна большой башни, *C*—забушка между ними, *D*—усиленіе толщины, *E*—стѣны куртннъ, *F*—лѣстница для входа въ башню, *G*—аппарель для ввоза туда частей тяжелыхъ орудій и снарядовъ, *H*—калитка, *K*—ворота, *L*—лѣстница на стѣну изъ башни, *M*—лѣстничная клетка.

и слѣдующая куртина 20 еще не раскопаны. Поэтому планъ XVII башни съ ея частями я даю въ видѣ планового разрѣза ея основанія

ченіе которыхъ явно военное, для быстрыхъ и незамѣтныхъ мелкихъ вылазокъ, дѣлаемыхъ съ цѣлью уничтоженія или порчи стѣнобитныхъ орудій, когда они приблизятся къ стѣнамъ. Изъ калитки *H* выходили и въ калитку *I* возвращались подъ сильной защитой башни. Во всемъ этомъ въ точности исполняли правила устройства подобныхъ калитокъ, однихъ для выхода, другихъ для входа, данныя въ зависимости отъ защиты воина щитомъ слѣва ¹⁾. Все сказанное достаточно показываетъ, какой высокій военный интересъ представляли бы эти части ограды. Къ сожалѣнію отъ нихъ до насъ дошло мало, а нѣкоторыя части башни

¹⁾ Philo, I, 25 (p. 42).

(рис. 28а) и реставраціи по ярусу обороны (рис. 28б), но въ этомъ послѣднемъ надо видѣть скорѣе схему, хотя и масштабную, чѣмъ что-либо твердо установленное, такъ малы остатки стѣнъ башни выше перваго яруса.

Діаметръ башни такъ великъ, что невозможно предполагать въ ней покрытие сводомъ или еще верхній ярусъ обороны. Послѣдній можно допустить только очень слабый, ручнымъ оружіемъ, черезъ бойницы парашета, по особымъ верхнимъ подмостямъ. Башня была покрыта

крышей, деревомъ и черепицей, много остатковъ которой найдено при раскопкахъ внутри башни ¹⁾.

Полъ оборонительнаго яруса башни былъ на высотѣ 5 м. Это высота возможно

низкая для настильности выстрѣловъ, но превосходящая высоту тарановъ; конечно, стѣны сосѣднихъ куртинъ должны были быть выше, около 8—10 м.

На 19 куртину изъ башни вела лѣстница, съ верху которой на стѣну былъ переходной мостъ. Крыша

башни упиралась на стѣнки лѣстничной клѣтки, коихъ низъ еще сохранился. Вообще говоря, здѣсь навѣрное примѣнялось указаніе Филона — тратить деньги на усиленіе толщины стѣнъ башенъ и ихъ вооруженіе, но не на ихъ высоту.

По плану на табл. II и всему здѣсь связанному не трудно составить или вообразить себѣ разрѣзъ мѣстности отъ командующей высоты Z черезъ башню XVII; по нему будетъ видно, какое огромное значеніе имѣла эта высота и въ какомъ опасномъ положеніи были и башня и

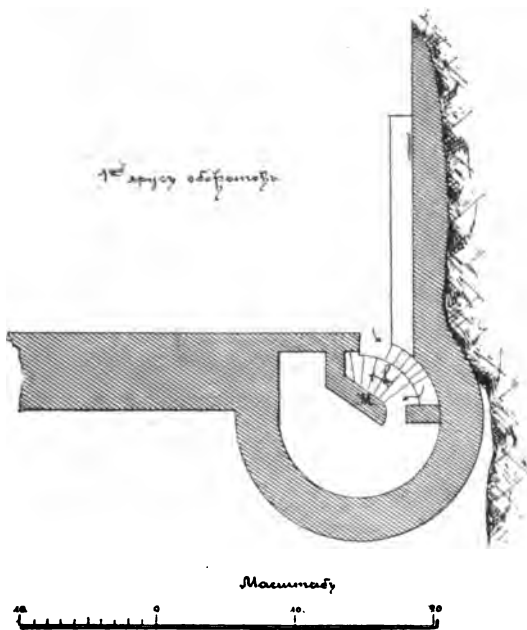

Рис. 28б.

¹⁾ Отчетъ 1898, 21 (р. 39).

вся эта часть города. На этомъ разрѣзѣ легко показать возможными линиями полета снарядовъ прицѣльныхъ — стрѣлометовъ (*ὄμβραλαίς, καταπέλται, scorpio*) и навѣсныхъ — камнеметовъ (*πετροβόλοι, λιθοβόλοι, ballista*) изъ орудій, поставленныхъ на схематической батарее (*βελοστάσις*) въ *Z*, какъ обстрѣливается вся внутренность порта и южная часть города и какъ мало защищали ее стѣны, несмотря на всяческое стараніе. Расстояніе отъ высоты *Z* до башни XVII всего около 250 м., т. е. менѣе 1½ стадіа, а для стрѣльбы изъ камнеметовъ (баллиствъ) среднее хорошее разстояніе было отъ 1½ до 2¼ стадій и даже стрѣлометы (катапульти) хорошо и сильно брали до 2 стадій ¹⁾.

Куртина 20 пока еще не раскопана, но должна представить не мало любопытнаго, такъ какъ тоже находилась въ наиболѣе опасномъ положеніи, и надо думать, что и въ ней принимались какія-либо особенныя мѣры. Пока можно сказать только, что ея длина—около 40 метровъ.

Башня XVIII сохранила только самый нижній рядъ камней и тоже не вполне раскопана. Повидимому, она представляла не только боевое, но и жилое сооруженіе, имѣвшее видъ прямоугольника съ полукруглымъ лицомъ. На 20-й куртине, не доходя XVIII башни, описаніе предполагаетъ еще маленькую башню, но вѣроятнѣе, что это просто выступъ стѣны, такъ какъ его длина имѣетъ всего 4,25 м., т. е. слишкомъ мала для башни ²⁾; впрочемъ надо сказать, что башня въ этомъ мѣстѣ была бы крайне полезна и даже необходима.

Всѣ эти опасныя куртины 17, 19 и 20 были также усилены и прикрыты второй стѣной, тоже сдѣланной по насыпи. Она начиналась отъ среднихъ воротъ *F* и башни XV. У башни XVII въ образовавшійся периволь были сдѣланы новыя ворота, но не особенно большія и замѣтныя, съ аркой поверху, отъ которой уцѣлѣлъ импостъ на высотѣ 4 м. (табл. VIII, справа). Такимъ образомъ въѣздъ въ городъ по этому направленію прикрывался уже тремя воротами *F*, *K* и *D*, причемъ непріятель, прорвавшійся въ эти ворота, могъ распространяться по периволу въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ,—подставляя оборонѣ со стѣны свой правый, не защищенный бокъ. Какъ видимъ, здѣсь это

¹⁾ Rüstow und Köchly, Geschichte d. griech. Kriegswes., 399, 390.

²⁾ Отчетъ за 1897 г., 91, 93.

важное условіе соблюдено превосходно. Далѣе передовая стѣна огибала XVII башню и шла до XVIII-й, гдѣ периволь былъ замкнутъ поперечной стѣной со стороны моря.

Отъ башни XVIII куртина 21 шла уже по берегу бухты и по этому самому представляла меньшую опасность. Она раскопана только въ малой части и поэтому о ней можно лишь сказать, что она направляется въ сторону XX башни, разстояніе до которой—около 80 метровъ, такъ что возможно найти еще башню по срединѣ.

Древняя XIX башня не возобновлялась позже и осталась въ видѣ лишь намѣченныхъ фундаментовъ, но 18 куртина, соединявшая XVI башню съ 21 и 22 куртинами, была сдѣлана. Это произошло уже тогда, когда эта куртина была внутренней и служила защитой гарнизону отъ горожанъ. При надобности, ее не трудно было обратить въ внутренній ретраншементъ, на случай взятія прибавочной части крѣпости съ юга. За постройку этой куртины принимались дважды: сначала въ ней сдѣлали калитку G, а впослѣдствіи начало калитки было засыпано и надъ ней сдѣланы болѣе широкія ворота. Мнѣ кажется, что именно къ этимъ воротамъ и дѣлалась желѣзная дверь, о которой говорится въ надписи стратига Льва Алиата, 1059 года¹⁾. Эта надпись найдена хотя и не именно у этихъ воротъ, но по близости, у башни XXI, гдѣ она оказалась безъ сомнѣнія случайно, такъ какъ тамъ нѣтъ никакихъ воротъ.

Эта 18 куртина была соединена съ дальнѣйшею оградой при помощи 22 куртины, но она же соединялась, при посредствѣ какихъ-то зданій невыясненнаго вида и назначенія, чего-то похожего на портики, съ XX башней, въ которой, вѣроятно, примыкала и 21 куртина. Такимъ образомъ на югѣ города образовалась какъ бы отдѣльная крѣпость изъ 18, 19, 20 и 21 куртинъ, съ прилегающими къ нимъ башнями. Въ этой крѣпостцѣ или цитадели, судя по смыслу всего и находкамъ римскихъ надписей, я полагаю, былъ преторій, размѣщался римскій и вообще императорскій гарнизонъ и жили разнаго наименованія начальники крѣпости. Понятна причина, почему все это замкнулось въ особую цитадель, удерживая оттуда въ повиновеніи городъ. Что 18 куртина выстроена поздно, это видно по ея кладкѣ; кромѣ того, можно утверждать, что она выстроена именно противъ города, такъ

¹⁾ Л а т ы ш е в ъ, Сборн. греч. надп. христ. врем., № 8.

какъ ея сторона, обращенная къ городу, и выше и гораздо чище и лучше работана, чѣмъ сторона, обращенная внутрь цитадели. Дальнѣйшія раскопки этого мѣста, надѣюсь, будутъ подтверждать высказанныя здѣсь соображенія о способѣ, которымъ поддерживалась императорская власть въ городѣ и защищался горнізонъ отъ всякаго рода возстаній.

Отъ послѣдней башни цитадели (XX) сохранился только подвальный ярусъ, гдѣ, повидимому, былъ какой-то складъ; эта башня—прямоугольная, очень большая, около 8 м. ширины и 12 м. длины.

Отъ 18 куртины далѣе береговая ограда продолжалась, значительно отступивъ отъ берега бухты, и вновь подходила къ берегу уже 26 куртиной. Промежуточные куртины 22 и 23 еще не раскопаны; куртины 24 и 25 были вскрыты, и при ихъ соединеніи, во входящемъ углу, оказалась прямоугольная башня XXI съ подвальнымъ этажемъ, который только и найденъ. Куртина 25 примыкала къ XXII башнѣ, уже описанной выше. Здѣсь тоже найденъ лишь подвальный ярусъ, по существу совершенно такой же, какъ на рис. 18, перекрытый въ свое время крестовымъ сводомъ. Далѣе ограда дѣлаетъ, до окончанія берега Карантинной бухты, довольно прихотливые и необъяснимые общими соображеніями изломы; на послѣднемъ мысѣ бухты была башня XXIII, кажется полукруглая. Все это описано въ отчетахъ и къ сказанному тамъ я ничего не могу прибавить ¹⁾).

Между XX и XXII башнями примѣтны слѣды еще стѣны LL, идущей гораздо ближе къ урѣзу воды, но пока раскопанной очень мало. Нельзя предполагать въ этой стѣнѣ вторую вѣрѣстную ограду, въ которой съ этой стороны не было ни малѣйшей надобности, и я думаю, что безошибочно можно въ ней видѣть древнюю набережную, точнѣе сказать, опорную стѣну, поставленную на бывшемъ тогда урѣзѣ воды для огражденія засыпи низины территоріи порта передъ стѣнами. Эта стѣна нигдѣ не поднимается выше поверхности, и какъ въ ней, такъ и въ 21 куртинѣ имѣются явные остатки ступенекъ для схода къ водѣ ²⁾. Такимъ образомъ между 22, 23, 24 и 25 куртинами и набережной LL образовалась чисто портовая территорія, служившая мѣстомъ причала судовъ, для чего она наиболѣе защищена и способна. Ея мѣра

¹⁾ Отчетъ за 1894 г. 52—54; Отчетъ за 1895 г., 87—89; *Извѣстія*, XVI, табл. I.

²⁾ Отчетъ за 1897, 93.

между стѣнъ набережной и ограды почти въ точности соотвѣтствуетъ должному, для того, чтобы не оставлять слишкомъ много мѣста высадившемуся непріятелю, а общая площадь территоріи, около 2,200 квадр. сажень, болѣе чѣмъ достаточна для торговли такого небольшого города, какъ Херсонесъ.

Принявъ эти объясненія и видя, что стѣна *LL* стоитъ не у воды, придется признать, что у древней набережной *LL* образовался наносъ, урѣзъ воды отодвинулся и бухта обмелѣла. Теперь разстояніе отъ древней набережной до урѣза воды—около 30 метровъ; это и будетъ мѣрой заносовъ, но только этой впадины бухты, самой тихой и наиболѣе заносимой. Если сдѣлать у набережной *LL* раскопъ до основанія ея, будетъ видно, на какой глубинѣ она была поставлена, а отсюда опредѣлится заносъ этого мѣста бухты въ глубину. Думается, что величина получится небольшая. Надо еще прибавить, что обмелѣніе набережной было уже и въ древности, такъ что впереди ея, на наносѣ, оказалось возможнымъ построить кое-какія лачужки и даже у *XX* башни маленькую часовенку.

Далѣе отъ куртны 26 идетъ уже чисто приморская линія обороны, представляющая нынѣ совсѣмъ ничтожныя, едва примѣтныя остатки, отчасти потому, что она была разрушена моремъ, подмывавшимъ берега, а еще болѣе потому, что ее разрушали искусственно. Именно здѣсь начинали разрушеніе уже Генуэзцы, дѣлавшіе это просто для уничтоженія опасной вѣрлостной ограды ¹⁾. Впрочемъ, можетъ быть, когда раскопки пойдутъ по берегамъ, то окажется гораздо болѣе, чѣмъ видно теперь, особенно въ западной половинѣ городища. Пока же можно сказать съ полной увѣренностью, что сплошная, непрерывная ограда шла вокругъ города и со всей приморской стороны, такъ же какъ и съ сухопутной. Надо думать, что она была слабѣе и башни въ ней стояли гораздо рѣже. Теперь остатки ограды примѣтны въ мѣстахъ, обозначенныхъ числами 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35 и 36. Наиболѣе крупный кусокъ у куртны 29 и 30, между которыми оказалась квадратная башня *XXIV*. На мѣстахъ 33 и 34 берегъ понижается до уровня воды и состоитъ изъ чистой обнаженной скалы. Теперь я не могъ найти, но хорошо помню, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ

¹⁾ Раскопки Херсонеса, 4.

находилъ здѣсь части крѣпостной ограды, состоявшей изъ кусковъ стѣны, сложенной на растворѣ съ цемянкой. Въ скалѣ была вырублена фундаментная канава, въ которой произведена эта кладка, державшаяся очень прочно, хотя и размываемая постоянно волнами.

Въ нѣсколькихъ найденныхъ надписяхъ упоминается акрополь ¹⁾. Объ его существованіи въ Херсонесѣ (и пещеры Нимфѣ) говоритъ и Помпоній Мела ²⁾. Акрополь обыкновенно понимается, какъ вышгородъ, кремль. По топографическимъ условіямъ мѣстности нельзя ожидать въ Херсонесѣ ничего подобнаго, такъ какъ въ его городищѣ нѣтъ какого-либо особаго, болѣе или менѣе защищеннаго природою мѣста возвышенности. Можно понимать акрополь и въ смыслѣ просто цитадели, т. е. особаго внутренняго укрѣпленія. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, но только по отношенію гарнизона къ населенію, можно признавать цитаделью южную часть ограды (буртины 18, 19, 20 и 21), но тѣ надписи, въ которыхъ имѣется указаніе на акрополь, древнѣе постройки этой части ограды, которая въ отношеніи непріятели является передовой и особенно опасной. Конечно, не въ ней можно видѣть тотъ акрополь, гдѣ были главные храмы города и ставились его памятники. До сихъ поръ ничто въ раскопкахъ не дало возможности видѣть стѣны акрополя. Предположеніе о нахожденіи таковыхъ близъ монастырской трапезной не допустимо по самому виду открытыхъ стѣнъ ³⁾. Одно время въ началѣ раскопокъ я думалъ, что таковой можетъ найтись западнѣе, не подалеку отъ воротъ *D*, но полныя раскопки этого мѣста показали, что здѣсь хотя и было особое зданіе, но не крѣпостного назначенія, а, вѣроятно, термы ⁴⁾. Въ виду значительнаго пространства и разнообразія мѣстъ уже произведенныхъ раскопокъ, можно полагать, что и впредь ничего равносильнаго внутренней цитадели не найдется. Приходится думать, что подъ именемъ акрополя понимали всю крѣпостную городскую ограду цѣликомъ, почитая и называя ее цитаделью, кремлемъ, по отношенію ко всей территоріи Херсонеса.

Этимъ я и кончаю все мнѣ извѣстное въ описательномъ смыслѣ о крѣпостной оградѣ Херсонеса. Я рассказалъ все, что могъ видѣть и

¹⁾ Latyschev, Inscript. o. s. P. E. I, № 185, 186; IV, № 70.

²⁾ Romp. Mela, De chorographia, II, 4.

³⁾ Извѣстія, XVI, 53.

⁴⁾ Раскопки Херсонеса, 37; Отчетъ за 1898 г., 113—116.

знать о ней, по возможности объясняя все достаточно опредѣлившееся. Многія подробности найдутся и въ отчетныхъ описаніяхъ, на что указываю еще разъ. Для выясненія разныхъ вопросовъ по оградѣ необходимо коснуться и времени ея построения, къ чему я и перейду.

Для опредѣленія времени построения ограды или, лучше сказать, ея частей имѣется нѣсколько данныхъ, но все еще мало опредѣленныхъ и недостаточныхъ. Ихъ значеніе будетъ гораздо больше, если предварительно я напому относительное время построения частей ограды, которое по возможности уже показывалось при самыхъ описаніяхъ и почти вездѣ можетъ быть дано съ опредѣленностью. Понятно, что этимъ путемъ случаи съ неизвѣстнымъ точно временемъ построения все же могутъ быть введены въ нѣкоторые, довольно тѣсныя предѣлы.

Вотъ какова будетъ послѣдовательность исполненія частей городской ограды, а объясненіе, почему это такъ, дано выше и лежитъ въ самомъ существѣ работъ.

1) Начинается постройка древнѣйшей стѣны по куртнамъ 15, 16 и 17, съ воротами *Е* и башнями XIII, XIV и XVI; заложивъ стѣну уступами, работы прекращаютъ въ самомъ началѣ.

2) Возобновляются работы на тѣхъ же мѣстахъ ограды, уступы выравниваются, но стѣна далеко не доводится до полной высоты; начатыя ворота *Е* задѣлываются; начинается XV башня (полукруглая), 18 куртина и XIX башня.

3) Предполагается расширить ограждаемую площадь города, для чего начинается башня XVII, съ первыми камнями ближайшаго къ ней куска стѣны, но и эта работа также останавливается въ самомъ началѣ.

4) Возобновляются работы по расширенію ограждаемой площади, для чего строится 19 куртина на соединеніи съ башней XVII; работа прекращается на половинѣ куртины слѣва, по высотѣ и длинѣ ея, возведя калитку *Н*.

5) Дѣлается сплошная засыпка вдоль стѣнъ 15, 16, 17 и 19, для образованія черезъ лощину дамбы, гребли, и по ней проѣзжей дороги.

6) Возводятся вполнѣ сухопутныя стѣны города отъ 2 куртины, а

можетъ быть и отъ 4, до 17 включительно; одновременно строится и передовая стѣна отъ III башни до XVIII включительно.

7) Строятся башни XV и XV' въ серединѣ куртинъ 16 и 17, съ главными воротами города *F* подъ ними; устраивается передовая стѣна по насыпи между башнями XIII и XV'.

8) Заканчивается стѣна лѣвой стороны 19 куртины; возводится башня XVII; тогда же, вѣроятно, строятся куртины 18, 20 и 21 съ XVIII и XX башнями.

9) Заканчивается куртина 19, съ усиленіемъ толщины и куртины и башни XVII.

10) Строится передовая ограда отъ главныхъ воротъ *F*, по насыпи, противъ куртинъ 17 и 19, съ воротами *K*, до башни XVII и вокругъ нея до берега бухты и XVIII башни.

11) Строятся приморскія стѣны, отъ 22 куртины до 35, съ башнями XX—XXIV и I, а можетъ быть II и III.

Все это изложено въ видимой послѣдовательности сооружений, но, само собою разумѣется, опредѣлено съ самыми разнообразными промежутками и періодами времени. Будущія раскопки внесутъ, вѣроятно, и нѣкоторыя измѣненія, хотя не думаю, чтобы большія, такъ какъ послѣдовательность работъ можетъ опредѣляться довольно точно, и измѣненія, слѣдовательно, вѣроятны скорѣе всего тамъ, гдѣ раскопки еще не сдѣланы или сдѣланы въ недостаточной степени.

Иное дѣло опредѣленіе не послѣдовательности во времени, а самаго времени. Для этого имѣется слишкомъ мало данныхъ, и въ большей части случаевъ приходится довольствоваться приближеніемъ и даже догадками. Все, что я могъ извлечь изъ показаній раскопокъ, отчетовъ о нихъ и ихъ описаній въ смыслѣ опредѣленія времени, представляю вслѣдъ за симъ.

Въ самой основѣ перваго, древнѣйшаго яруса стѣны, близъ воротъ *E* былъ заложенъ погребальный склепъ внутри стѣны и вмѣстѣ съ нею. Этотъ склепъ найденъ ветронутымъ, съ нѣсколькими погребальными урнами, съ многочисленными и великолѣпными вещами¹⁾. Время этихъ вещей, не точно одинаковое, опредѣляетъ и время построения стѣны съ достаточнымъ приближеніемъ. Вещи были кратко описаны

¹⁾ *Извѣстія*, I, 3—9.

въ свое время; ихъ подробное научное описаніе, конечно, будетъ сдѣлано. Здѣсь ему не мѣсто, скажу только, что самая ранняя вещь мнѣ кажется конца V или начала IV вѣка, самая поздняя—конца IV или начала III вѣка до Р. X. (кольцо съ рѣзнымъ изображеніемъ въ видѣ точнаго подражанія обороту столь распространенныхъ статеровъ Лиси-маха). Понятно, что время склепа можетъ опредѣляться по первой вещи скорѣе, чѣмъ по послѣдней, хотя надо принять въ соображеніе, что предметы прежде ихъ захороненія могли пребыть долго на рукахъ. Позволительно думать, что какой-либо богатый гражданинъ не только устраивалъ этотъ склепъ, но что именно онъ же былъ строителемъ и стѣны, взявшись возвести ее за свой счетъ и потому удостоившись такого рѣдкаго, почетнаго погребенія. Быть можетъ, его смерть остановила работу стѣны въ самомъ началѣ, что не помѣшало поставить прахъ его близкихъ въ томъ же склепѣ. Кромѣ того, на камняхъ облицовки стѣны этого перваго яруса кладки замѣчены рабочія мѣтки, относимыя къ V вѣку¹⁾. Каменотесы, однако, большіе рутинеры, какъ и всякіе ремесленники, и; надо думать, употребляли старыя буквы для мѣтокъ много дольше, чѣмъ то извѣстно въ эпиграфикѣ. Образчики мѣтокъ на рис. 14 указываютъ это съ достаточною ясностью, такъ какъ всѣ онѣ поставлены одновременно, а между тѣмъ въ нихъ замѣчаются какъ древнія, такъ и болѣе позднія начертанія. В. В. Латышевъ время построенія этого яруса стѣны опредѣляетъ не позже IV вѣка²⁾. Описанія указываютъ то же время, „судя по техникѣ“³⁾. Долженъ сознаться, что совсѣмъ не знаю техническихъ признаковъ, могущихъ съ такой точностью указать это время. Не будь въ склепѣ вещей и рабочихъ мѣтокъ на камняхъ стѣны, ее можно было бы относить къ разнымъ временамъ съ одинаковою вѣроятностью. Обдѣлка камней въ рустъ извѣстна съ очень далекихъ временъ и сама по себѣ ничего не опредѣляетъ, такъ какъ продолжалась весьма долго. Даже въ стѣнахъ римскаго времени примѣтны слѣды такого способа обдѣлки. Только очень мелкія ея различія, въ зависимости отъ точно извѣстныхъ признаковъ для каждой страны, могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ, но для Херсонеса эти признаки еще только что начинаютъ

¹⁾ *Извѣстія*, II, 35 прим.; Отч. 1899, 15.

²⁾ *Извѣстія*, I, 58.

³⁾ *Извѣстія*, II, 35.

выясняться. Принимая все сказанное въ соображеніе, можно полагать, что начатки стѣны относятся къ второй половинѣ IV вѣка, съ наибольшимъ вѣроятіемъ.

Изъ любопытства я попробовалъ подсчитать, во что могли обойтись всѣ видимыя нынѣ работы этого перваго яруса стѣны отъ XII до XIX башни включительно. Оказалось, что не болѣе двѣнадцати-пятнадцати тысячъ рублей по современнымъ цѣнамъ, а вся стѣна на этомъ протяженіи, въ полной готовности, могла бы стоить въ три-четыре раза дороже. Значитъ, не требовалось особенно большихъ средствъ на такое сооруженіе, но ихъ не скоро добыли на его окончаніе.

О времени второго яруса отчеты и описанія ничего не говорятъ, одно развѣ, что и его считаютъ древне-греческимъ, но это выраженіе очень растяжимо. Дѣйствительно, для опредѣленія времени его построения нѣтъ положительныхъ данныхъ и приходится довольствоваться соображеніями. Хотя техника этого яруса и сохранила первичный способъ тески въ рустъ, означающей заготовку камня не вполне и возможную его отеску въ стѣнѣ послѣ укладки на мѣсто, но внесла и другіе приемы каменотеснаго ремесла. Напр., въ ней нѣтъ рабочихъ мѣтозъ, и самый способъ работы значительно ухудшенъ, хотя и неровно по всему ярусу. Послѣднее указываетъ не столько большую продолжительность исполненія этого яруса, сколько разнообразіе рабочихъ артелей, бравшихся за дѣло. Если принять въ соображеніе, что въ каменотесномъ дѣлѣ разъ установленные приемы весьма туго поддаются измѣненіямъ, то будетъ понятно, что такихъ измѣненій нельзя ожидать въ короткое время. По этимъ соображеніямъ мнѣ кажется, что не менѣе вѣка прошло прежде возобновленія работъ ограды во второмъ ярусѣ, и велись онѣ, вѣроятно, въ половинѣ III вѣка. Впрочемъ, ничего сколько-нибудь опредѣленнаго невозможно сказать, тѣмъ болѣе, что никакихъ аналогій я не могу вспомнить, хотя и таковыя не вполне рѣшала бы дѣло. Въ известной надписи Агасикла ¹⁾ воздается ему хвала и за стѣностроительство; надпись принадлежитъ III вѣку и относится именно къ этому ярусу стѣны. Здѣсь сдѣлано очень немного, но и въ надписи похвала за стѣны стоитъ на третьемъ мѣстѣ и выражена просто и коротко „стѣностроительствовавшему“, соотвѣтственно тому малому, что мы находимъ.

¹⁾ Latyschev, Inscr. o. s. P. E. I, № 195.

Слѣдующей работой была построение низа куртины 19; тутъ можно подойти ближе къ опредѣленію времени. Описанія обозначаютъ его концомъ III или началомъ II вѣка до Р. Х. ¹⁾ на томъ основаніи, что при раскопкахъ тутъ было найдено много амфорныхъ ручекъ съ именами астиномовъ этого времени. Какъ и гдѣ именно было найдены эти ручки (вѣроятно въ насыпи, завалившей стѣну), не сказано подробно, да и время по именамъ астиномовъ едвали можетъ быть установлено столь точно. Мнѣ кажется, что находка ручекъ при такомъ условіи не можетъ имѣть никакого отношенія къ стѣнѣ и, слѣдовательно, ко времени ея построения. У перваго яруса куртины 19-й есть болѣе пригодный критерій для этого. Калитка *H* внизу этой стѣны покрыта сводомъ, къ тому же вполне хорошо и правильно сдѣланнымъ, пониженнымъ, плоскимъ по лицу стѣны, а въ самой толщѣ стѣны, подъ ея большимъ грузомъ, напротивъ того, круто повышеннымъ; все это указываетъ на умѣлое, сознательное и развитое сводостроительство. Такого перекрытія отверстія не могло быть ранѣе совершеннаго распространенія римскаго вліянія въ Греціи, т. е. конца II в. до Р. Х., а пока оно достигло Херсонеса, прошло еще не мало времени. Я думаю, что здѣсь подобная постройка, показывая большое знакомство съ римскими приемами, не могла проявиться ранѣе половины I вѣка до Р. Х., а по ходу исторіи Херсонеса можно сказать, что она исполнялась послѣ времени Миэрадата.

Засыпка земель стѣнъ для образованія дамбы и проѣзжей дороги сдѣлана вся сразу по всей длинѣ стѣнъ, но время этой работы можно опредѣлить только приблизительно, по косвеннымъ признакамъ могилъ, найденныхъ въ этой насыпи подлѣ стѣнъ. Опредѣленія по этимъ даннымъ будутъ относиться также и къ опредѣленію времени построения верхняго яруса стѣнъ, съ тою лишь разницей, что засыпка сдѣлана, очевидно, ранѣе и могилъ въ ней выкопанныхъ, и стѣны, вѣроятно, довольно близко слѣдовавшей за засыпкой. Такимъ образомъ приходится, съ нѣкоторой непоследовательностью, перейти къ опредѣленію времени построения верхнихъ ярусовъ ограды, а стало быть и вообще сухопутныхъ стѣнъ города.

Въ насыпи передъ куртеной 16-й найдены два склепа, такъ поставленные, что они явно могли быть сдѣланы лишь послѣ построения са-

¹⁾ Отчетъ 1900, 15—16; *Извѣстія*, II, 4—5.

мой куртины. Эти склепы описаны подъ №№ 1013 и 1014 ¹⁾. Въ первомъ найденъ одинъ главный саркофагъ по срединѣ и пепельныя урны по бокамъ; въ немъ оказалось и нѣсколько монетъ, по которымъ и опредѣляется время. По описанію склепъ устроенъ въ концѣ I в. по Р. Х., такъ какъ тамъ найдена монета императора Тита. Редакція „Извѣстій“ основательно замѣтила, что самая урна, въ которой найдена эта монета, имѣетъ надпись съ именемъ Эліи, а стало быть она не ранѣе времени Адриана. Въ той же урнѣ были и монеты Херсонеса, относящіяся ко второй половинѣ I вѣка (*Бур.* 89, 91 и 103), но, какъ и монета Тита, очевидно захороненныя гораздо позже ихъ чекана, что, повидимому, дѣлалось въ Херсонесѣ очень часто. Въ главномъ саркофагѣ оказалась монета (*Бур.* 120) сильно истертая и имѣющая клеймо, а въ такомъ видѣ эта извѣстная монета (*Бур.* 99—100) относится также ко времени Адриана или даже еще позднѣйшему. (Основанія здѣсь не мѣсто излагать; особенно доказательна ятинская находка монетъ). Въ слѣдующемъ склепѣ, найденномъ по сосѣдству и описанномъ подъ № 1014, нашлась такая же монета съ клеймомъ (*Бур.* 120) второй половины II вѣка ²⁾. О вещахъ, найденныхъ въ этихъ склепахъ, я не говорю, такъ какъ ихъ время опредѣляется гораздо менѣе точно, чѣмъ время монетъ. Отсюда слѣдуетъ, что верхній ярусъ стѣны, судя по склепамъ, построенъ не позже половины II в. по Р. Х.

Въ этой же стѣнѣ верхняго яруса 16 куртины была калитка *E*, надъ бывшимъ началомъ воротъ *E*, также перекрытая сводомъ ³⁾, слѣдовательно, по вышеприведеннымъ основаніямъ для куртины 19 и калитки *H*, и калитка *E*, а значитъ и самая стѣна, построены позже начала римскаго времени.

Такимъ образомъ для времени построенія стѣны этого яруса получаютъ оба термина, хотя и не особенно приближенные—половина I в. до Р. Х. и половина II в. по Р. Х.

На другомъ участкѣ ограды, у стѣны 15-й куртины, близъ мона-

¹⁾ *Извѣстія*, I, 10, 15. Первый изъ нихъ виденъ на V таблицѣ въ очищенномъ видѣ, послѣ того, какъ вокругъ него была раскопана и вывезена вся засыпка, а стѣны его, для сохраненія, исправлены съ прибавкой ступенекъ для входа въ склепъ.

²⁾ *Извѣстія*, I, 24.

³⁾ Отчетъ 1898 г., 108.

стырской гостинницы, также найдена гробница № 1009, сдѣланная явно позже стѣны. Въ ней оказались монеты Домиціана и позднѣе, а принимая въ соображеніе сказанное о позднемъ захороненіи монетъ, можно думать, что и эта стѣна уже существовала въ началѣ II вѣка.

На западной сторонѣ города, между двойными стѣнами, находились гробницы, бывшія въ зависимости отъ стѣнъ и устроенныя позже послѣднихъ. Я могъ пользоваться только планами и описаніями раскопокъ 1894 и 1895 годовъ, по которымъ имѣющими монеты и зависѣвшими отъ оградъ оказались гробницы № 429 и 576, у куртинъ 8 и 9. Въ обѣихъ раннѣйшія найденныя монеты относятся ко второй половинѣ I вѣка (*Бур.* 90 и 91), а значить и стѣна построена около этого времени ¹⁾. По найденнымъ вещамъ и способу построения оба указанные склепа, можно сказать, тождественны.

Для передовой стѣны я нашелъ данныя только въ этихъ же мѣстахъ, а именно гробницы №№ 576, 578, 586, 599, 605 и 606, имѣющія монеты, изъ коихъ раннѣйшія оказались (*Бур.* 90) второй половины I в. ²⁾. Тутъ же были большія ворота города С, но, къ сожалѣнію, эта мѣстность не могла быть правильно раскопанной, а просто все снесено для постройки батарей. Въ воротахъ, однако, были найдены, подъ пятами ихъ полотень, мраморные пьедесталы съ греческими надписями II в. На этомъ основаніи всю эту куртину и сосѣднія съ нею считаютъ „несомнѣнно ранневизантійской эпохи“ ³⁾, что вовсе не согласуется съ только что указанными находками въ могилахъ и само по себѣ не можетъ служить опредѣленіемъ времени, такъ какъ воротныя полотна могли и должны были передѣлываться нѣсколько разъ, значить тому же могли подвергаться и подпятные камни ⁴⁾.

Соображая все здѣсь приведенное, можно сказать, что точнаго времени построения верхняго яруса надъ древними куртинами 15—18 или, говоря распространеннѣе, всей главной ограды мы опредѣлить не можемъ, по неизмѣннѣю недостаточныхъ данныхъ. Можно лишь сказать, что вся эта ограда не могла начаться ранѣе конца I в. до Р. Х. и была

¹⁾ Отчетъ за 1894, 60—62; за 1895, 109.

²⁾ Отчетъ за 1895, 109, 110, 112, 115.

³⁾ *Извѣстія*, II, 62 и IV, 52.

⁴⁾ О возобновленіи всѣхъ воротъ даже надпись найдена, временъ Исакія Комвина, 1059 г. Л а т ы ш е в ъ, Сборн. греч. надписей христ. вр., № 8.

уже вполне готова, приблизительно, въ половинѣ II в. по Р. Х., при чемъ, какъ и само собой понятно, обнаружилось, что она строилась не сразу, а по частямъ и довольно долгое время, болѣе вѣка. Всего прежде строились стѣны на юго-западѣ и югѣ, затѣмъ все строительство подвигалось къ востоку и закончилось верхними ярусами куртинъ 16, 17 и 18, которые здѣсь подробно описаны и по которымъ уже дважды рѣше дѣлались безуспѣшныя попытки возвести ограду. Передовая стѣна на юго-западѣ, отъ III до VIII башни велась одновременно или почти одновременно съ главной оградой. Вѣроятно, именно къ частямъ этой ограды относятся показанія нѣкоторыхъ найденныхъ надписей о частичной постройкѣ и исправленіи стѣнъ ¹⁾.

Возвращаясь къ засыпкѣ стѣнъ, можно повторить, что она предшествовала ихъ построению, но сдѣлана позже половины I в. до Р. Х.

Я только что говорилъ, что у куртинъ 8 и 9, вблизи большихъ городскихъ воротъ *C*, найдено много погребеній, которыя въ значительной части мостятся къ стѣнамъ, и главной, и передовой, гдѣ ихъ было удобнѣе устраивать. Иначе дѣло обстоитъ у воротъ *D*; и тутъ у 14 куртины найдены могилы, онѣ же попадались и далѣе (указаны выше), но всѣ находятся на сторонѣ главной ограды и ни одной нѣтъ у передовой стѣны. Отсюда, я думаю, можно заключить: 1) что во время устройства всѣхъ этихъ могилъ главная ограда существовала, но передовой еще не было, и 2) что постройка большого вѣзда въ городъ въ видѣ двойной башни XV—XV' ввела въ черту города и весь периволь между воротами *D* и *F*, а потому на немъ послѣ не разрѣшали погребеній. Последняя монета въ могилахъ этого перивола (№ 1508) ²⁾—времени элеверіи (*Бур.* 110), т. е. конца II вѣка, слѣдовательно башни XV—XV' съ воротами *F* и передовой стѣной до башни XII построены около этого времени. На то-же, до нѣкоторой степени, указываетъ и надпись 185 года, временъ Коммода, найденная неподалеку отъ воротъ *F* въ периволь ³⁾; впрочемъ, надпись найдена не на мѣстѣ, и вѣроятно, что она была поставлена въ какой-либо части прибавочнаго укрѣпленія. При раскопкахъ 1900 года найдена надпись о построеніи

¹⁾ Latyschev, Inscr. o. s. P. E. I, № 202, 211; IV, № 68.

²⁾ *Извѣстія*, XVI, 104.

³⁾ Ростовцевъ, Римскіе гарнизоны, 7—8 (*Журн. М. Н. Пр.* 1900, мартъ); Latyschev, IosPE. IV, № 94. *Извѣстія*, I, 30.

стѣнъ при Θεодосіи I, около 383—395 годовъ ¹⁾. Ее нашли заложеною въ стѣнѣ позднѣйшей лачуги внутри города, за 16 куртеной, потому я о ней здѣсь и упоминаю. Такое находженіе надписи указываетъ только, что она была откуда-то принесена, но первоначальное мѣсто ея постановки опредѣлить теперь, конечно, невозможно. Быть можетъ, верхній ярусъ куртинъ 16—17 еще разъ наращивался, и тогда поставлена эта надпись, но мнѣ кажется это весьма мало вѣроятнымъ. Стѣна должна была бы уже быть вполне конченною въ то время, а въ надписяхъ о простыхъ исправленіяхъ не стоитъ упоминать Августовъ и говорить, что *построена* стѣна и надъ ней потрудились, какъ въ этой надписи. Я думаю, что и эта надпись должна относиться къ стѣнамъ того-же сосѣдняго прибавочнаго укрѣпленія, гдѣ о ней можно будетъ вспомнить.

Все прибавочное укрѣпленіе къ югу, помѣщенія преторія и гарнизона, ихъ цитадель, строились еще позже и также не одновременно, а постепенно, съ большими промежутками. Раскопана лишь малая часть его стѣнъ, и то не сполна, самая же площадь внутри совсѣмъ не тронута еще. Я думаю, что раскопки найдутъ здѣсь многое въ сказанномъ смыслѣ, пока-же, обозначивъ послѣдовательность построенія открытых частей стѣнъ, я не вижу возможности точнѣе опредѣлить самое время. Къ частямъ этого укрѣпленія, всего вѣроятнѣе, относятся надписи Коммода (185 г.), Θεодосія I (383—395), недавно найденная близъ воротъ G надпись времени Граціана (375), относящаяся къ преторію, и Исакія Комнина (1059). Мнѣ кажется, что надпись Θεодосія I указываетъ построеніе верхняго яруса 19 куртены и наибольшей башни XVII, столь точно близкихъ по виду ихъ обликовокъ. Затѣмъ я думаю, что надпись Зинона, говорящая о возобновленіи стѣнъ и башни, относится къ утолщенію низа послѣдней и вмѣстѣ съ тѣмъ къ окончанію съ утолщеніемъ и всей 19 куртены. Найденный здѣсь вверху утолщенія нарубленный крестъ не можетъ служить указаніемъ времени. Судя по грубой формѣ просто въ видѣ пересѣкающихся линій и по положенію, этотъ крестъ могъ быть вырубленъ во всякое время; по виду, это скорѣе всего позднѣйшая вставка камня.

Одновременно или близко къ тому строена и передовая стѣна про-

¹⁾ *Извѣстія*, I, 40, 56—59=IosPE. IV, № 464.

тивъ 19 и 20 куртинъ, на протяженіи отъ башни XV' до новыхъ выѣздныхъ воротъ *K* и далѣе до берега бухты. Что эта часть передовой стѣны гораздо болѣе поздней постройки, чѣмъ между воротами *D—E*, вѣроятно времени Зинона, видно изъ того, что въ насыпи здѣсь найдены перевероченныя фундаментами этой стѣны погребенія съ монетами позднихъ римскихъ императоровъ, Максимиана (314), Константина В. (337), Констанція II (361) ¹⁾. И тогда уже всѣ эти могилы были не новыя и даже сглаженныя и забытыя, иначе ихъ не переверотили бы, какъ нѣчто неожиданное, а вѣроятно обошли бы или перенесли въ общія усыпальницы (ниже ихъ залегали нетронутыя древне-греческія могилы).

Есть показаніе древняго автора, которое какъ бы прямо относится къ настоящему вопросу. О стѣнахъ города упоминаетъ Плиній Старшій, опредѣляя ихъ протяженіе въ пять тысячъ римскихъ шаговъ. Въ дѣйствительности протяженіе стѣнъ съ сухопутной стороны около 800, а съ морской около 1,200 шаговъ; вся окружность города, при наибольшемъ развитіи, имѣла всего около двухъ пятыхъ величины, показанной у Плинія. Впрочемъ, въ этомъ его показаніи и не слѣдуетъ усматривать что-либо реальное, относящееся къ дѣйствительной крѣпостной стѣнѣ и дающее ея протяженіе; это просто переводъ римскими мѣрами грубо ошибочной величины перешейка между Севастопольской и Балаклавской бухтами, а не стѣны, данной греческимъ географомъ: 5,000 шаговъ Плинія въ точности равны 40 стадіямъ Стравона ²⁾. Отсюда можно извлечь только то, что Плиній ни малѣйшаго дѣйствительнаго представленія о Херсонесѣ, какъ городѣ, или объ его географическомъ положеніи, а также о фактахъ его исторіи, не имѣлъ. Онъ и здѣсь являлся простымъ компиляторомъ, мало освѣдомленнымъ и неразборчивымъ. Очевидно, придерживаясь показаній того же Стравона, онъ называетъ Херсонесъ Новымъ.

О времени построенія береговыхъ приморскихъ стѣнъ можно представить только самыя гадательныя соображенія. Прокопій говоритъ о возстановленіи будто бы пошатнувшихся стѣнъ Херсонеса ³⁾. Нельзя указать, къ чему именно слѣдуетъ отнести это показаніе, но по всему вышесказанному мы видимъ, что въ оградѣ города нѣтъ мѣста, гдѣ бы и по времени, и по существу можно было приложить слова Прокопія

¹⁾ *Извѣстія*, II, 10—11; Отчетъ за 1900 г., 17.

²⁾ *Plin. Natur. Hist.*, II, 21; IV, 26; Стравонъ, VII, 4, 2.

³⁾ *Procopius. De aedificiis*, III, 7, ed. Bonn.

въ широкомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что онъ говоритъ вмѣстѣ о Херсонесѣ и о Боспорѣ; но не могли же эти оба города имѣть одновременно разрушенныя стѣны. Надо думать, что по отношенію къ Херсонесу, уже имѣвшему сплошную сухопутную ограду, и очень хорошую, никакъ не могшую развалиться во времени Юстиніана, здѣсь дѣло идетъ о построеніи части, и даже значительной, новыхъ стѣнъ, каковыми могли быть только приморскія. Со стороны рѣкъ или морей древніе города не особенно заботились о прикрытіи себя оградами. Довольно указать, что и самъ Константинополь морскія стѣны построилъ лишь во время Θεодосія II (438). Тѣмъ вѣроятнѣе позднее ихъ построеніе въ Херсонесѣ, который въ теченіе многихъ вѣковъ едва наконецъ собрался, со всяческою помощью своихъ владыкъ, устроить цѣльную вѣпостную ограду съ сухого пути. Но что было терпимо во времена большого могущества имперіи, то сдѣлалось весьма сомнительнымъ, когда ея предѣлы стали громить варварскія орды, все болѣе и болѣе научавшіяся воинскому и морскому дѣлу у тѣхъ же ромеевъ. Приходилось заботиться не только о сухопутной, но и о морской оборонѣ, и мы видимъ, что тотъ же Юстиніанъ I приказалъ, напр., сдѣлать въ Киркесіи, на Евфратѣ, стѣну со стороны рѣки, второй до того не было ¹⁾. Быть можетъ, то же приказалъ онъ и въ Херсонесѣ. Такое соображеніе можетъ быть кое-чѣмъ и поддержано. На сѣверо-западѣ самая крайняя угловая башня I, съ 1 куртеной, иного плана и размѣровъ, чѣмъ остальные (рис. 17 и 18). Эта башня стоитъ на самомъ краю моря, защищая калитку А. Планъ башни четырехугольный, а не круглый, она пустая внутри съ самаго низа и сохранила въ своемъ планѣ (рис. 18) точное указаніе того, что ея нижній ярусъ былъ перекрытъ крестовымъ сводомъ ²⁾. Все это—признаки поздняго времени. Раскопками 1894 года была открыта точъ въ точъ такая же во всѣхъ отношеніяхъ, такъ же устроенная и перекрытая башня XXII на берегу Карантинной бухты, даже размѣръ ихъ одинаковъ ³⁾. Время построенія обѣихъ башенъ также, вѣроятно, одинаково. Именно ихъ, да и вообще все приморское, я склоненъ считать стѣнами Юстиніана I; но, конечно, приведенныхъ доводовъ недостаточно, и это мнѣ-

¹⁾ Ргосор. оп. с. II, 6.

²⁾ Отчетъ за 1895 г., 102, 103 и 1901 г., 23, 24.

³⁾ Отчетъ за 1894, 53, 54.

ніе можно принимать лишь со всяческой оговоркой. Однако, въ подтвержденіе его еще замѣчу, что для всѣхъ остальныхъ стѣнъ найдено, хотя и приблизительное, но болѣе раннее время. Всѣ онѣ строены хорошо, стояли превосходно, и если и требовали исправленій, то конечно мелочныхъ, не такихъ, которыя стоило бы называть возобновленіемъ и указывать на это въ спискѣ строительной дѣятельности Юстиніана I. Даже и льстивое описаніе Пробопія едва-ли стало бы упоминать о пустячной починкѣ. Нѣкоторое подтвержденіе такому указанію времени построенія можетъ служить и сказанное выше о склепѣ, найденномъ подъ 1 куртеной (№ 1039) и устроенномъ ранѣе стѣны. Судя по монетамъ, этотъ склепъ позже IV вѣка ¹⁾.

Въ общемъ можно сказать, что если и нельзя утверждать точное построеніе приморской обороны именно при Юстиніанѣ, то съ большою вѣроятностью можно думать, что всѣ стѣны этой обороны, отъ самаго крайняго сѣверо-западнаго угла, на берегу Карантинной бухты, появились весьма поздно, не ранѣе византійскаго времени V—VI вѣка по Р. Х., и до того не существовали даже и въ зачаточномъ состояніи.

Кромѣ сдѣланныхъ выше разнаго рода указаній о построеніи стѣнъ, нашлось и еще одно, къ тому-же подлинное тѣхъ временъ, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ общаго свойства. Однако я приведу и его, такъ какъ и отсюда можно извлечь кое-что. Близъ Херсонеса, на склонѣ въ Херсонесской бухтѣ, на землѣ г. Тура, были открыты древніе склепы, уничтоженные ломкой камня въ 1898 году; одинъ изъ этихъ склеповъ оказался съ фресками внутри. Что именно изъ вещей было тутъ найдено, и даже было ли что, осталось неизвѣстнымъ. Повидимому, склепъ былъ разграбленъ уже ранѣе, и весь его интересъ состоитъ въ томъ, что на одной изъ его стѣнъ нашлось изображеніе крѣпости. Это изображеніе было тогда же перерисовано и въ уменьшенномъ видѣ помещается здѣсь (рис. 29). Я весьма благодаренъ М. И. Скубетову, сохранившему память объ этой любопытной фрескѣ.

Этотъ рисунокъ былъ сдѣланъ во всю боковую стѣну катакомбы, ничѣмъ болѣе не занятую, такъ что ему, очевидно, придавали большое значеніе. Величина его, въ наибольшемъ поперечникѣ, около 0,70 м. Исполненъ онъ красными чертами по бѣлому фону.

¹⁾ *Извѣстія*, I, 54—55.

Не мала странность помѣщенія подобнаго изображенія въ склепѣ, и приходится очень сожалѣть, что время и все содержимое послѣдняго не могли быть опредѣлены. Надо думать, что тутъ былъ погребень крупный стѣпостроитель или крѣпостной начальникъ. Разумѣется, подобный рисунокъ не можетъ имѣть близкаго и прямого подобія съ оградой Херсонеса и изображалъ таковую схематически, какъ символъ, но можно думать не безъ основанія, что его подробности заимствованы рисовальщикомъ изъ ограды Херсонеса, которую видѣлъ онъ передъ собою.

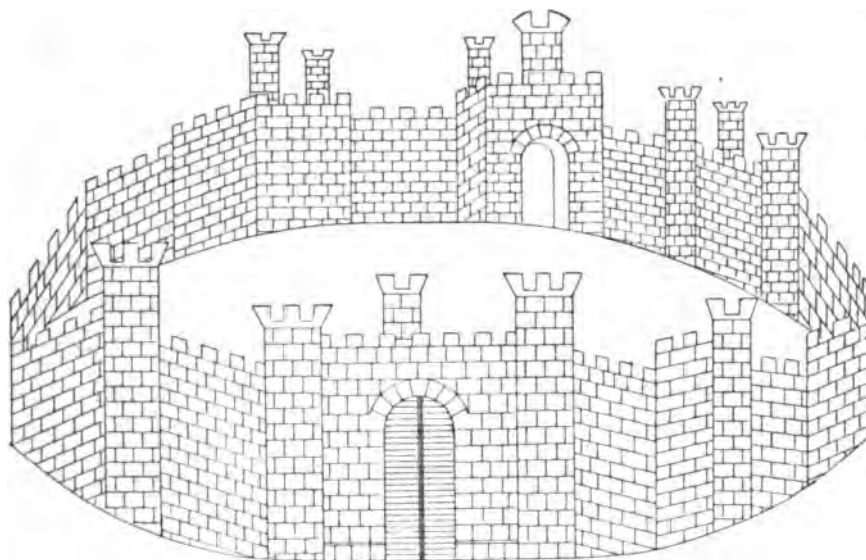

Рис. 29.

Разсматривая рисунокъ, мы въ немъ разбираемъ: ограду, окружающую нѣкоторое пространство; въ оградѣ башни, не много возвышающіяся надъ стѣнами; въ стѣнахъ двое воротъ; на стѣнахъ прямые зубцы. Строеніе изъ штучнаго камня, правильными рядами. Все это, можно сказать, именно такъ и было въ Херсонесѣ, такъ что рисункомъ можно воспользоваться для раскрытія и утверженія нѣкоторыхъ сомнительныхъ обстоятельствъ.

Зубцовъ на стѣнахъ не сохранилось, но на рисунокѣ они прямые и имѣются вездѣ, стало быть такъ можно и возстановить ихъ.

Воротъ показано двое. По нѣкоторымъ мелочнымъ чертамъ и тому, какъ представлялся городъ отъ слепа, можно сказать, что переднія ворота рисунка изображаютъ ворота *C*, а заднія ворота—главныя *D*, со

стороны въѣзда отъ порта. Ворота перекрыты арками, что мы знаемъ, какъ сказано выше, изъ нѣкоторыхъ наблюдений, сдѣланныхъ тогда, когда развалины были цѣлыѣ. Такое перекрытіе указываетъ, что ворота построены не ранѣ римскаго времени, и подтверждаетъ вышеприведенныя соображенія. Воротныя полотна состоятъ изъ какихъ-то горизонтальныхъ мелкихъ частей; быть можетъ, это доски, но вѣроятнѣе, что такъ изображены желѣзныя полосы. Надъ воротами, образующими нѣчто въ родѣ проѣздной башни, имѣется цѣлый ярусъ обороны, съ зубцами, какъ то и предположено выше.

Башни немного возвышаются надъ стѣнами, что можно было заключить и изъ слабыхъ намековъ самихъ развалинъ. Онѣ были выше стѣнъ не болѣе, какъ на два-три метра. Зубцы на башняхъ показаны какіе-то наклонные; возможно, что это простая фантазія рисовальщика, пожелавшаго отличить башни отъ стѣнъ болѣе рѣзко, но мнѣ бы казалось вѣроятнѣе думать, что на башняхъ и въ самомъ дѣлѣ были иные зубцы, чѣмъ на стѣнахъ, именно нѣсколько выдвинутые впередъ и образовывавшіе навѣсныя стрѣльницы для подошвеннаго боя. Точное время появленія такого устройства зубцовъ не опредѣлено, и думаю, что оно гораздо старше, чѣмъ то обыкновенно допускается.

Такимъ образомъ только по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, наконецъ, осуществилось устройство крѣпостной ограды вокругъ всего города, со всѣхъ сторонъ.

О болѣе позднихъ, чѣмъ юстиніановскія, перестройкахъ или исправленіяхъ стѣнъ города мы не имѣемъ иныхъ указаній, кромѣ незначительныхъ и неопредѣленныхъ намековъ въ видѣ разсказовъ объ историческихъ событіяхъ, послѣдствіемъ которыхъ должны были быть непременно работы по возобновленію городской ограды, какъ-то осады города или землетрясенія. Конечно, возможны и даже неизбежны обрушенія стѣнъ рукою времени, а слѣдовательно и ихъ исправленія. На послѣдствія подобныхъ событій, можетъ быть, и указываютъ разнаго рода кладки стѣнъ, кромѣ уже описанныхъ, которыя мнѣ приходилось видѣть въ небольшихъ кускахъ, напр., съ прокладкой слоевъ кирпича или изъ одного бута, даже и на лицѣ стѣны. На такія же исправленія или передѣлки указываютъ и нѣкоторыя позднія надписи, напр. Исаака Комнина.

Долго и честно охраняли городъ его крѣпостныя стѣны, болѣе

тысячи лѣтъ. Много разъ онъ спасался именно за ними (Скионы—при Плавтіи Сильванѣ, Турвы—при Юстинѣ), а если и сдавался (Русскіе—при Владимірѣ), то не по винѣ ограды. Правда, что въ этихъ случаяхъ его осаждали грубые варвары, не имѣвшіе никакого представленія объ искусствѣ полиоркеттики, а умѣвшіе лишь упорно стоять подъ стѣнами и брать города изморомъ. Но однажды городу пришлось имѣть дѣло съ страшнымъ врагомъ, вооруженнымъ всѣми сильнѣйшими орудіями тогдашней военной техники на сушѣ и на морѣ, и все же стѣны дали городу возможность спастись. Было это при Юстиніанѣ II, и такъ какъ теперь, благодаря раскопкамъ, можно освѣтить прямымъ показомъ коротенькій рассказъ лѣтописцевъ объ этомъ событіи, то я и останавливаюсь на немъ нѣсколько, тѣмъ болѣе, что это-же покажетъ на примѣрѣ боевое значеніе крѣпостной ограды.

Я вовсе не думаю рассказывать все историческое событіе, войну Юстиніана II съ Херсонесомъ, или обсуждать достовѣрность и даже возможность причинъ, ее вызвавшихъ, и подробностей, ее сопровождавшихъ: все это общеизвѣстно. Я хочу только напомнить чисто боевую сторону осады, бывшей въ 711 году. Годомъ ранѣе Херсонесъ сдался Стефану Асмиегу (Свирѣпный) безъ сопротивленія. Затѣмъ вновь, подъ начальствомъ Мавра Бѣза (Малый?), былъ посланъ флотъ съ войсками, тараномъ для осады крѣпости и всякими стѣнобитными орудіями. Наиболѣе подробно объ этой послѣдней осадѣ говоритъ Теофанъ: „...Снарядивши другой флотъ, послалъ (Юстиніанъ) патриціи Мавра, по прозванію Бѣза, давши ему для осады крѣпостей таранъ и всякія стѣнобитныя орудія... Бѣзъ прибылъ въ Херсонъ и уже сокрушилъ башню Кентинарисійскую и другую ближайшую, Сіагромъ называемую, но пришли Хазары и война остановилась. Флотъ остался безъ дѣйствія“¹⁾.

Этотъ рассказъ кратокъ и даже какъ бы не вразумителенъ, но окажется, что онъ очень много сообщаетъ о стѣнахъ города, если его пояснить. Во-первыхъ мы видимъ, что ограда признавалась нешуточной, такъ какъ большой флотъ и войско приготавлиются къ правильной осадѣ, для чего и берутъ съ собой всѣ вспомогательныя средства тогдашней градосокрушительной техники.

¹⁾ Theophanis Chronographia 6203, 581, ed. Bonn. Лѣтопись Теофана, 277 (переводъ Оболенскаго и Терновскаго).

Достигнувъ города, начинаютъ осаду и пускаютъ въ ходъ таранъ. Теофанъ, съ двадцати лѣтъ монахъ и пустыльникъ, едва-ли много понималъ въ военномъ дѣлѣ, и это сказывается на его разсказѣ. Разумѣется, не мало пришлось ввести въ дѣло всякихъ осадныхъ орудій и средствъ прежде, чѣмъ подошли вплотную къ стѣнамъ и добрались до возможности пустить въ ходъ таранъ. Обо всемъ этомъ умолчалъ лѣтописецъ. Но и сказанное имъ нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ. Никогда тараномъ не били однѣ башни, представляющія наиболѣе крѣпкія и труднѣе всего разбиваемыя части ограды; таранъ всегда пускали противъ куртинъ, а не противъ башенъ. Я знаю только одинъ случай, когда тараномъ разбивали башню,—это было при осадѣ Родоса въ 305 году Димитріемъ Полиоркетомъ, но и то потому, что одновременно разбивали и обѣ сосѣднія къ башнѣ куртины, владѣя огромными осадными средствами ¹⁾. Другая невѣроятность разсказа Теофана заключается въ томъ, что, по его словамъ, сокрушивъ одну башню, стали разбивать еще и другую; довольно было взятія и одной, чтобы завладѣть городомъ. Очевидно, что въ этомъ разсказѣ сокрушеніе башенъ надо понимать въ смыслѣ ихъ простого взятія, что и произошло совершенно естественнымъ образомъ послѣ того, какъ тараномъ разбили одну куртину, самое настоящее для этого мѣсто; затѣмъ башни на краяхъ куртины уже не въ силахъ удержаться. Потерявъ двѣ башни съ куртеной, городъ еще не сдался и война прекратилась отъ совершенно внѣшней причины. Это тоже удивительно, и даже какъ бы мало вѣроятно.

Посмотримъ теперь, какъ приложить весь разсказъ объ осадѣ къ мѣстнымъ условіямъ. Сильный осадный флотъ, разумѣется, владѣлъ моремъ и, подойдя къ городу, прежде всего захватилъ Карантинную бухту, что было необходимо не только для военныхъ дѣйствій, но и для спокойной стоянки этого флота. Осада непременно должна была происходить при ближайшемъ участіи флота, что вполне ясно и по смыслу и по словамъ Теофана, а слѣдовательно ее должны были направить на приморскій фронтъ или ближайшій къ морю. Высаженные сухопутныя войска, надо думать, не особенно сильныя,—такъ какъ приближеніе Хазаръ заставило остановить осаду,—уже по этому самому должны были находиться въ постоянномъ общеніи съ флотомъ, на которомъ было и

¹⁾ Rüstow und Köchli, op. c., 418 etc., 429.

все ихъ снабженіе. Значить, и они должны были избрать мѣстомъ атаки ближайшій къ морю фронтъ. Если напомнить, что наиболѣе опасной частью городскихъ стѣнъ была ограда на югѣ, башни XVII и XVIII съ куртеной 20, что это понималось всѣми, и обороняющимся и осаждающимъ, что изъ этихъ слабыхъ мѣстъ самымъ слабымъ былъ уголъ, образуемый XVIII башней и 20—21 куртеной, что съ другой стороны то же мѣсто вполнѣ удовлетворяло наилучшимъ условіямъ совместнаго дѣйствія при осадѣ флота и сухопутныхъ войскъ,—то можно съ совершенной увѣренностью сказать, что осада началась именно съ этого угла. Разумѣется, сухопутныя силы съ тараномъ не могли направиться на приморскій фронтъ, противъ котораго имъ нѣтъ мѣстъ. Значить, они стали противъ куртины 20; сдѣланная въ ней брешь повела прежде всего къ сдачѣ приморской башни XVIII, поражаемой и съ суши и съ моря, а затѣмъ вынуждена была сдаться и сосѣдняя XVII-я.

Отсюда мы можемъ заключить, что именно XVIII башня называлась Кентинарискійской (Κεντηναρῖσκος). Съ такимъ названіемъ известны башни въ Константинополѣ и въ Никеѣ; въ первомъ башня этого имени тоже стояла у воды ¹⁾. Словопроизводство этого названія заключаетъ въ себѣ понятіе о центурионѣ, какъ ближайшемъ начальникѣ, комендантѣ, если не всей крѣпости, то по крайней мѣрѣ значительной ея части. Вѣроятно, XVIII башня и была мѣстомъ его жилища или военного пребыванія, къ чему, судя по плану, она годна и достаточна. Это все убѣждаетъ насъ въ вѣрности приложенія этого названія именно къ XVIII башнѣ. Ближайшая къ ней, которую брали одновременно или вслѣдъ за взятіемъ первой, не могла быть на берегу бухты, потому что, какъ я сказалъ, сухопутнымъ силамъ тамъ не было мѣста. Слѣдовательно подъ сосѣдней можно понимать только XVII башню, наибольшую и важнѣйшую изъ всѣхъ. Она то и называлась Сіагръ (Σίαγρος), вепрь, кабанъ,—названіе, довольно хорошо соотвѣтствующее ея широкому, приземистому виду и выступу впереди стѣнъ.

Взятіе этихъ двухъ сильнѣйшихъ башенъ съ соединяющею ихъ 20 куртеной, по Теофану, еще не отдало города въ руки осаждающаго. И такое странное, даже, казалось бы, невѣроятное обстоятельство находить себѣ объясненіе и подтвержденіе въ особенностяхъ начертанія и

¹⁾ Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. VII Hlb., 976. Texier, L'architect. Byzantine, 57.

выполненія укрѣпленій города. Съ паденіемъ двухъ башенъ съ куртеной, все прибавочное укрѣпленіе съ юга попало въ руки непріятеля, но дальнѣйшее распространеніе его было остановлено внутреннимъ ретраншаментомъ, получившимся изъ 18 куртины, когда-то построенной, какъ ограда гарнизона въ смыслѣ его защиты и отдѣленія отъ города. Она именно и спасла городъ, заставивъ начинать новую осаду и давъ время выждать прибытія подкрѣпленій со стороны Хазарь. Такое обстоятельство, вторая внутренняя ограда, встрѣчается въ Херсонесѣ только въ этомъ мѣстѣ, наглядно доказывая правильность соображеній полиоркетики, по которымъ слова Теофана приложимы именно къ XVII—XVIII башнямъ.

Соотвѣтствіе разсказа Теофана съ природою мѣста и укрѣпленій города оказывается полное и отчетливое. Кромѣ того, мы узнаемъ имена двухъ башенъ и можемъ сказать, какихъ именно. Значитъ и въ Херсонесѣ, такъ же какъ и вообще вездѣ, башни носили особыя названія, по крайней мѣрѣ главныя изъ нихъ. При дальнѣйшихъ раскопкахъ возможно открытіе слѣдовъ бреши въ 20 куртинѣ, если эти стѣны не слишкомъ усердно сломаны.

Въ разсказѣ нашего лѣтописца объ осадѣ города Владиміромъ тоже указаны топографическія черты, но примѣнить ихъ къ мѣстности, безъ гадательныхъ поправокъ, невозможно. Въ лѣтописи говорится: „И ста Володимеръ объ онъ полъ града въ лимени, дали града стрѣлице едино“¹⁾. Слѣдовательно можно полагать, что и онъ прежде всего завладѣлъ Карантиной бухтой, уйдя въ ея глубину, гдѣ было близко отъ города и безопасно. Другого лимана—бухты на полетъ стрѣлы не имѣется. Затѣмъ, отсюда всего естественнѣе и ближе, если даже Владиміръ и не понималъ военнаго смысла ограды города, было приступить именно къ 19 и 20 куртинамъ, какъ сдѣлали войска Юстиніана II, къ обѣимъ вмѣстѣ или къ одной изъ нихъ. Самый ходъ осады Владиміромъ извѣстенъ и ничего въ настоящемъ вопросѣ не прибавляетъ, но совѣтъ Анастаса: „кладязи, яже суть за тобою отъ вѣстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими“—чисто топографическій. Къ несчастью, онъ явно ошибоченъ. Гдѣ бы ни стоялъ Владиміръ у города, водопроводъ за нимъ могъ быть только къ западу или югу, но

¹⁾ Лаврентьевскій сп., изд. 1872, 106.

не къ востоку. Нивакой поправки, сколько-нибудь обоснованной, тутъ нельзя придумать, такъ какъ это—явная описка лѣтописца. Всего вѣроятнѣе, что стань Владиміра занималъ мѣсто отъ высоты Z къ бухтѣ и сзади этого бугра, и что приступъ русскіе вели къ 19 или 20 куртинѣ, а городской водопроводъ проходить по юго-западному перешейку въ ворота С. Это не только найдено, но и по физическимъ условіямъ нивакъ иначе быть не могло ¹⁾. Если Владиміръ облегалъ 19—20 куртины, то Анастасу надо было сказать: „за тобою отъ захода“. Такая поправка мнѣ кажется наиболѣе подходящей и вѣроятной, потому что и ошибка подобнаго рода наиболѣе проста и часта, все равно какъ вмѣсто правой сказать лѣвая сторона. Анастасъ понималъ, что видимое имъ изъ города справа надо указать Владиміру слѣва, и то же разсужденіе ошибочно приложилъ къ сторонамъ свѣта, указавъ восточнымъ видимое имъ на западѣ.

Когда началась осада Владиміра и какъ долго она продолжалась, мы можемъ только гадать, но допустить во всемъ этомъ быстроту лѣтописца, собравшаго въ одно лѣто походъ на Корсунь, осаду, три посольства въ Константинополь и обратно, пріѣздъ царевны, болѣзнь, сомнѣніе, крещеніе, женитьбу Владиміра, новое посольство, прибытіе митрополита Михаила, построеніе церкви съ его благословенія, возвращеніе дружины въ Кіевъ и крещеніе народа,—явно невозможно. Нашъ извѣстный военный писатель, князь Голицынъ, показывалъ исполнимость всего этого въ такой срокъ ²⁾; но я долженъ сказать, что его соображенія совершенно не согласованы съ природными условіями путей юга Россіи, моря и силы укрѣпленій Херсонеса, подъ которымъ надо было стоять, и дѣйствительно стояли, очень долго. Три мѣсяца только осады—указаніе одного изъ списковъ лѣтописи ³⁾—вполнѣ вѣроятны. Большія силы Владиміра не успѣли бы изготовиться и не рѣшились бы выйти (откуда бы то ни было, съ Днѣпра или Тмуторакани) въ открытое море ранѣе іюня, по исконному правилу, сохраненному и

¹⁾ Линія водопровода (двойная) была подробно вскрыта и изслѣдована мною, профили ея сняты. Описывать все это не стоитъ—слишкомъ ничтожно и жалко, даже невѣжественно. Ея направленіе показано на картѣ II точками и надписью.

²⁾ Голицынъ, Рѣчной и морской походъ Владиміра. *Русская Стар.* 1889, октябрь.

³⁾ Лейбовичъ, Сводная лѣтопись, 82 (лѣт. Аврамки). Житіе Владиміра полагаетъ на осаду даже шесть мѣсяцевъ.

исполнявшемуся казаками во всѣхъ ихъ походахъ. Отсюда можно заключать, что осада Херсонеса произошла не ранѣе сентября. Въ эту пору года и позже ссылки съ Константинополемъ затруднительны и долги и, конечно, не царевна рѣшилась бы зимой переправляться въ Тавриду. Дружина руссовъ вынуждена была зимовать подъ Херсонесомъ; зимой шли переговоры; весной и лѣтомъ слѣдующаго года произошли остальные событія, а къ концу лѣта, т. е. въ августѣ, крещеніе въ Кіевѣ. Такимъ образомъ событія лѣтописи, если счесть ихъ всѣ фактически совершившимися, надо разложить на два года. Эти соображенія весьма отличны отъ разныхъ иныхъ мнѣній о томъ же событіи, высказанныхъ многими учеными. Я ихъ привожу только для того, чтобы показать, насколько недостаточны и не прочны свѣдѣнія обо всемъ этомъ, основанныя на нашей лѣтописи.

Думаю, что можно и кончить, сказавъ все мнѣ извѣстное объ оградѣ Херсонеса. Изъ сказаннаго мы видимъ, что анализъ открытыхъ участковъ ограды приводитъ къ неизбежной необходимости отказаться отъ основного положенія всѣхъ описаній раскопокъ, по которому крѣпостная стѣна существовала и обороняла городъ во всѣ три эпохи его исторіи¹⁾. Настоящее изслѣдованіе указываетъ, что найденныя стѣны служатъ точнымъ доказательствомъ того, что крѣпостной оградой вокругъ города, по линіи открытыхъ до сихъ поръ стѣнъ, не было въ періодъ древне-греческій, и таковая въ полномъ видѣ, и то лишь съ суши, участками, появилась здѣсь только отъ римскихъ временъ, до конца I в. по Р. Х. Это выводъ совсѣмъ неожиданный, но за то безусловно вѣрный.

Такимъ образомъ, цѣль, которою задавались многолѣтнія раскопки — „найти стѣны, башни и ворота древняго Херсонеса и этимъ отвѣтить наконецъ, на старинный вопросъ, гдѣ былъ древній городъ“²⁾, оказывается не только не достигнутой, но и поставленной еще шире и труднѣе къ разрѣшенію. Теперь можно думать, что задача скорѣе рѣшится находимыми надписями, вещами, сопоставленіемъ древнихъ текстовъ, чѣмъ прямымъ нахожденіемъ стѣнъ. Ограду древняго Херсонеса приходится продолжать искать тѣмъ, кого все вышеизложенное не убѣдитъ въ томъ, что ея никогда и не было тамъ, гдѣ мы ищемъ. Мнѣ

¹⁾ *Извѣстія*, I, 1; XVI, 52.

²⁾ Отчетъ за 1898 г., 106—107.

кажется, что г. Косцюшко еще не покинулъ мысли, по которой древняя ограда проходила въ иномъ направленіи, чѣмъ позднѣйшая, а городъ занималъ значительно меньшее пространство, чѣмъ то показываетъ отертая ограда. Практика раскопокъ, пока, этой идеи не подтверждаетъ. Мы видѣли, что по линіи разсматриваемыхъ куртинъ въ древности стѣнъ не было, а то, что г. Косцюшко находилъ въ другихъ мѣстахъ раскопокъ, думая видѣть именно городскую ограду, навѣрное къ ней не принадлежитъ. Нѣсколько подобныхъ стѣнъ найдены и описаны въ самое послѣднее время ¹⁾, какъ стѣны древнѣйшей ограды, но я долженъ сказать, что ни по описаніямъ, ни по дѣйствительному осмотру на мѣстѣ я не могъ въ этихъ остаткахъ признать не только крѣпостныя стѣны, но даже и какія бы то ни было древне-греческія старше конца I вѣка. Ихъ направленіе, взаимное соотношеніе, отсутствіе наиболѣе сохраняющихся башенъ, незначительность размѣровъ въ толщину, наконецъ поздній видъ ихъ облицовки извнѣ,—все говоритъ противъ такого приуроченія ²⁾. Весною 1906 года за монастырской оградой были открыты несомнѣнныя древне-греческія стѣны, отъ которыхъ облицовка оказалась съ такими же рустами, какъ и въ первомъ ярусѣ ограды, но это стѣны городскихъ кварталовъ. Въ іюнѣ 1906 г. точно такія же стѣны цѣлыхъ кварталовъ были найдены въ западной части города, не подальше отъ воротъ С. Эти стѣны прочно доказываютъ, что городъ и въ ихъ время занималъ всю площадь, огражденную впоследствии, а не только ея восточную часть. Никакой надежды найти сокращенную крѣпостную ограду въ восточной сторонѣ города не можетъ оставаться послѣ этой находки. Слѣдовательно, находеніе древне-греческой ограды, гдѣ бы то ни было внѣ опредѣлившихся оборонительныхъ линій, невѣроятно, а на этихъ линіяхъ найдено и показано все возможное въ этомъ смыслѣ.

Старинный вопросъ о томъ, гдѣ былъ древнѣйшій Херсонесъ, возбуждался исключительно словами Страбона; въ нихъ же онъ получалъ свое разрѣшеніе, подтверждаемое существованіемъ развалинъ древняго поселенія съ ясною, хорошею крѣпостною оградой на перешейкѣ между Казачьей бухтой и открытымъ моремъ, оградой очень древней и по кладкѣ ея стѣнъ и по покрывавшему ее толстому слою наноса

¹⁾ *Извѣстія*, XVI, 44, 56, табл. II, IV.

²⁾ *Извѣстія*, XVI, 50, рис. 9.

чистой почвы. Это мѣсто одинаково для всѣхъ изслѣдователей, начиная съ Палласа, опредѣлялось великолѣпнымъ, щегольски-точнымъ топографическимъ описаніемъ Страбона, всѣмъ понятнымъ; еще лучше—его же рассказомъ объ осадѣ города Скиѳами, сопровождавшеюся замысловато-хитрыми обстоятельствами, основанными на исключительныхъ мѣстныхъ условіяхъ, въ точности оказывающихся у той же Казачьей бухты и нигдѣ болѣе не находящихъ себѣ подобія. Эта сторона вопроса, еще болѣе важная и доказательная, чѣмъ топографія, не была понята, а я указывалъ ее лишь поверхностно, отлагая подробности до предполагавашагося описанія всѣхъ древностей Гераклеяскаго полуострова. Къ этому послѣднему я едва-ли когда вернусь, но давать здѣсь подробности по этому военному вопросу считаю скучнымъ и надобнымъ. Впрочемъ, для желающихъ представляю въ приложеніи III все давно мною написанное по этому поводу. Здѣсь же довольно сказать, что въ моихъ глазахъ сумма всяческихъ доказательствъ, до матеріальныхъ включительно, была такъ велика, что возможность ошибки Страбона исключалась совершенно. Мыслимъ былъ только преднамѣренный обманъ, казавшійся мнѣ невѣроятнымъ. Не было ничего проще, какъ признать, что Страбонъ все выдумалъ и что не только какихъ-либо подробностей топографическихъ или историческихъ не было, но и самого древнѣйшаго города никогда не существовало. Способъ весьма легкій, но только, слѣдуя ему, придется выбросить едва-ли не всю исторію. Мнѣ онъ не казался удобнымъ, а потому приходилось не только признать существованіе когда-то древнѣйшаго города у Казачьей бухты, но съ неизбежной послѣдовательностью допустить, что осада города Скиѳами во времена Миерадата VI была на томъ же мѣстѣ, а не у развалинъ Новаго Херсонеса при Карантинной бухтѣ. Масса всяческихъ вещей изъ раскопокъ всѣмъ извѣстнаго Херсонеса, времени много древнѣйшаго, чѣмъ Миерададовское, начиная съ IV или даже V в. до Р. Х., сдѣлала то, что археологи еще терпѣли топографическое описаніе Страбона, поясняемое ошибкой въ названіи поселенія у Казачьей бухты, но безусловно стали отвергать военное показаніе объ осадѣ, такъ какъ приложить его къ мѣсту византійскаго города совершенно невозможно. Но дѣло въ томъ, что нельзя отдѣлить одно показаніе, топографическое, отъ другого, военного, и, признавъ ошибочность послѣдняго, приходится во всѣхъ словахъ Страбона о Херсонесѣ видѣть

уже не случайную ошибку, а строго, тонко и послѣдовательно обдуманнѣй, съ великолѣпнымъ знаніемъ мѣстныхъ условій, умышленнѣй обманъ. Сознаюсь, что ни надобности, ни возможности послѣдняго я не видѣлъ, но усомнился и самъ въ словахъ Страбона, потому что никакого объясненія всему находимому, хотя бы только теоретически возможнаго и удовлетворительнаго, не находилъ. Открытіе части древнихъ стѣнъ, общій смыслъ и значеніе которыхъ выяснились лишь въ послѣдствіи, казалось, рѣшило дѣло окончательно, и въ самомъ неблагопріятномъ для Страбона смыслѣ. Сдѣланное выше объясненіе всѣхъ подробностей построенія тѣхъ же стѣнъ, ставшее возможнымъ лишь послѣ значительныхъ по нимъ раскопокъ, служить блестящимъ показателемъ правдивости и точности древняго географа. Приношу повинную его тѣни.

Анализируя найденныя стѣны, какъ сдѣлано выше, мы точно и неизбежно получаемъ тотъ выводъ, что крѣпостной оградой до временъ Римлянъ не было вокругъ мѣстности византійскаго Херсонеса, такъ какъ начатки этой ограды, на ничтожномъ протяженіи, не могли имѣть никакого боевого значенія. Отсюда уже не трудно найти вполне возможное объясненіе для согласованія всѣхъ столь изящно точныхъ показаній Страбона съ данными мѣстности и находками многолѣтнихъ раскопокъ, не прибѣгая къ уличенію древняго автора въ умышленной лжи, ни даже въ простой ошибочности. Понятно, каково должно быть это объясненіе.

Старый Херсонесъ, вѣроятно, въ концѣ V или началѣ IV вѣка до Р. Х. основался у Казачьей бухты, построивъ тамъ и крѣпостную ограду, по стилю древнѣйшую изъ всего въ этомъ родѣ, до сихъ поръ найденнаго на всемъ Гераклеяскомъ полуостровѣ: стѣны съ башнями, строенныя въ видѣ двухъ почти параллельныхъ линій, обращенныхъ въ двѣ стороны, сложенныя изъ мелкаго, но притесаннаго камня, положеннаго насухо, довольно толстыя. Вскорѣ нѣкоторая часть его населенія, по неизвѣстнымъ причинамъ, болѣе и болѣе стала перебираться на мѣсто у Карантинной бухты и застроила тамъ Новый городъ. Около конца IV вѣка это поселеніе затѣяло въ роскошномъ видѣ выстроить ограду, но, по безопасности или по трудности работъ и недостатку средствъ, не сдѣлало въ этомъ смыслѣ почти ничего въ теченіе двухъ-трехъ вѣковъ. Скиѣская гроза во время Миѳрадата I заставила все населеніе открытаго Новаго Херсонеса бѣжать, спастись

подъ защиту стѣнъ еще не вовсе покинутаго стараго Херсонеса и, выдерживая тамъ осаду, цѣною независимости призвать на помощь юнаго царя Понта. Послѣ отраженія Скиноувъ горожане возвратились въ Новый городъ; наученные горькимъ опытомъ, они занялись оградой и, хотя все еще не особенно скоро, но возвели ее по видимому нами протяженію, вѣроятно не безъ посторонней помощи, можетъ быть того же Миерадата, а потомъ и Римлянъ.

Все то, что мы теперь видимъ въ обширныхъ семнадцатилѣтнихъ раскопкахъ Херсонеса, поддерживаетъ сказанное, а также и мое давнее мнѣніе. Въ древне-греческій періодъ Херсонесъ былъ весьма бѣднымъ городомъ, отъ котораго поэтому никакихъ остатковъ такъ и не находится, кромѣ мелкихъ вещицъ. Не только не открываются сколько-нибудь замѣтныя общественныя строенія (храмы, рынки, театры, палестры, стадіи и проч.), но и ничтожно мало нашлось столь долго сохраняющихся архитектурныхъ остатковъ, колоннъ, капителей. Нѣтъ даже сколько-нибудь цѣльнаго и пристойнаго некрополя, усиленно, но тщетно отыскиваемаго много лѣтъ. Изъ-за его отсутствія возникла и самая мысль искать городъ въ сокращенномъ видѣ, съ тѣмъ чтобы древнѣйшій некрополь найти внутри позднѣйшаго расширения города. До сихъ поръ ничто не даетъ ни малѣйшаго вѣроятія этой мысли и никакой надежды на отысканіе того, что, по всей вѣроятности, никогда и не существовало. Все значеніе для насъ Херсонеса, и очень большое, лежитъ во временахъ христіанскихъ, византійскихъ. Эти слова я повторяю теперь съ еще большею увѣренностью, чѣмъ высказывалъ ихъ впервые пятнадцать лѣтъ тому назадъ, при самомъ началѣ раскопокъ.

Пора и кончить. Къ раскопкамъ Херсонеса я уже едва-ли вернусь когда-либо, а потому выскажу нѣкоторыя пожеланія: какъ можно больше чертежей (но съ масштабами), рисунковъ, фототипій, подробнѣйшихъ описаній; догадокъ сколько угодно, но въ отдѣльномъ мѣстѣ и даже особымъ шрифтомъ, чтобы можно было ясно и легко отличать точно найденное отъ предполагаемаго. Хотя и поздно, но лучше чѣмъ никогда, ввести въ эти раскопки компетентность исторіи архитектуры и техники.

Ноябрь 1905 — июнь 1906.
Ялта.

Списокъ опредѣленныхъ монетъ, найденныхъ въ некрополѣ.

А. Городовъ и царей.

Пантикапей (III в. до Р. X.)	1 экз.	Херсонесъ (IV в. до Р. X.)	2 экз.
Пантикапей (I в. до Р. X.)	1 "	Херсонесъ (нач. I в.)	1 "
Кесарія-Агриппія (нач. I в. по Р. X.)	1 "	Херсонесъ (53 и 86 г.)	4 "
Диоскуриада (I в. до Р. X.)	1 "	Херсонесъ, элевѳерія (пол. III в.)	24 "
Феѳорсъ (308)	3 "		
Рискупориды (изъ послѣднихъ, нач. IV в.)	10 "		

Б. Римскихъ императоровъ.

Луцій Веръ (169)	1 экз.	Юліанъ II (363)	4 экз.
Элагабалъ (222)	1 "	Валентиніанъ I (375)	45 "
Филиппъ старшій (249)	2 "	Валентъ (378)	4 "
Валеріанъ (260)	4 "	Граціанъ (383)	4 "
Диоклитіанъ (305)	1 "	Флавиццлла (388)	16 "
Констанцій Хлоръ (306)	1 "	Валентиніанъ II (392)	10 "
Галерій Максиминъ (311)	1 "	Феѳодосій I (395)	96 "
Максиміанъ Геркулій (310)	1 "	Рима и Константинополя (во-нець IV в.)	8 "
Валерія (315)	1 "	Аркадій (408)	46 "
Лициній (324)	8 "	Константъ II (411)	5 "
Елена (328)	1 "	Гонорій (423)	13 "
Фавста (326)	1 "	Феѳодосій II (450)	14 "
Константинъ Великій (337)	25 "	Левъ I (474)	9 "
Далматій (337)	1 "	Элія Верина (474)	1 "
Константинъ II (340)	4 "	Анастасій (518)	1 "
Константъ I (350)	2 "	Юстиніанъ I (566)	6 "
Констанцій Галлъ (354)	1 "	Никифоръ Фока (610)	1 "
Констанцій II (361)	76 "		
Сыновья Константина В. (361)	55 "		

**Опредѣленіе могилъ некрополя у крестоваго храма
по монетамъ, въ нихъ найденнымъ.**

Номера могилъ.	Самыя раннія монеты.	Самыя позднія монеты.	Время службы склепа.
1405	Θеодосій I (395).	—	—
1409	Аркадій (408)	Левъ I (474)	$\frac{3}{4}$ вѣка.
1413	Констанцій Галль (354)	Гонорій (423)	$\frac{3}{4}$ „
1415	Констанцій II (361)	Аркадій (408)	$\frac{1}{4}$ „
1416	Кесарія-Агриппія (нач. I в.)	Аркадій (408)	4 „
1428	Елена (328)	Гонорій (423)	1 „
1429	Херс. элевѣ. (пол. III в.)	Юстиніанъ I (566)	3 „
1430	Константинъ В. (337)	Аркадій (408)	$\frac{3}{4}$ „
1433	Херс. элевѣ. (пол. III в.)	—	—
1442	Константинъ В. (337)	Конецъ IV в.	$\frac{1}{2}$ „
1443	Константинъ В. (337)	Θеодосій I (395)	$\frac{1}{4}$ „
1445	Констанцій II (361)	Конецъ IV в.	$\frac{1}{2}$ „
1446	Констанцій II (361)	Θеодосій II (450)	$\frac{3}{4}$ „
1447	Константинъ В. (337)	Константинъ II (340)	$\frac{1}{4}$ „
1448	Сыновья Конст. В. (361)	—	—
1449	Максиміанъ Геркулій (313)	—	—
1452	Константинъ В. (337)	Аркадій (408)	$\frac{3}{4}$ „
1465	Луцій Веръ (169)	Θеодосій II (450)	3 „
1466	Валеріанъ (260)	Аркадій (408)	$1\frac{1}{2}$ „
1469	Херс. элевѣ. (пол. III в.)	—	—
1470	Херсонесъ (пол. I в.)	—	—
1474	Пантикапей (II в. до Р. X.)	Рискупоридъ (IV в.)	5 „
1480	Херс. элевѣ. (пол. III в.)	—	—
1481	Констанцій II (361)	Гонорій (423)	$\frac{3}{4}$ „
1483	Херс. элевѣ. (пол. III в.)	—	—
1487	Херс. элевѣ. (пол. III в.)	—	—
1492	Херс. элевѣ. (пол. III в.)	—	—
1493	Θеодосій I (395)	Левъ I (474)	$\frac{3}{4}$ „
1494	Валентиніанъ I (375)	Конецъ IV в.	$\frac{1}{4}$ „

Номера монетъ.	Самыя раннія монеты.	Самыя позднія монеты.	Время службы sklepa.
1495	Констанцій II (361).	Аркадій (408)	1/2 вѣка.
1496	Полов. IV вѣка.	Конецъ IV в.	1/4 "
1498	Ѳеодосій I (395).	—	—
1499	Херс. элев. (пол. III в.).	Аркадій (408)	1 1/2 "
1500	Ѳеодосій I (395).	—	—
1502	Констанцій II (361)	Аркадій (408)	1/2 "
1503	Констанцій II (361)	Аркадій (408)	1/2 "
1555	Лициній (324).	—	—
1557	Констанцій II (361).	—	—
1558	Валентиніанъ I (375).	Левъ I (474)	1 "
1559	Сыновья Констант. В. (361).	—	—
1560	Херсонесъ, IV в. до Р. X.	Крымскій ханъ	? "
1561	Сын. Констант. В. (361).	—	—
1568	Херс. элев. (III в.)	Никифоръ Фока (610).	3 1/2 "
1569	Сын. Конст. В. (361)	Валентиніанъ I (375)	1/4 "
1570	Сын. Конст. В. (361)	Валентиніанъ I (375)	1/4 "
1571	Лициній (324)	Сын. Конст. В. (361)	1/4 "
1572	Аркадій (408)	Гонорій (423)	1/4 "
1573	Валентиніанъ I (375).	Юстиніанъ I (566).	2 "
1574	Валентиніанъ I (375).	Аркадій (408)	1/4 "
1576	Лициній (324)	Констанцій II (361)	1/4 "
1579	Аркадій (408).	—	—
1580	Сын. Конст. В. (361).	Гонорій (423)	1/2 "
1581	Галерій Максиминъ (311).	Ѳеодосій I (395)	3/4 "
1583	Лициній (324)	Сын. Конст. В. (361)	1/4 "
1585	Юліанъ (363)	Аркадій (408)	1/4 "
1586	Сын. Конст. В. (361).	Левъ I (474)	1 "
1589	Констанцій II (361).	—	—
1593	Сын. Конст. В. (361).	Граціанъ (383)	1/4 "
1595	Херс. элев. (III в.)	Валентиніанъ I (375)	1 1/4 "
1596	Констанцій II (361).	—	—
1597	Константинъ В. (337).	—	—
1598	Сын. Конст. В. (361).	—	—
1599	Валентиніанъ III (455).	—	—
1600	Констанцій II (361)	Левъ I (474)	1 "
1601	Констанцій II (361).	—	—
1602	Лициній (324).	—	—
1604	Сын. Конст. В. (361).	—	—
1608	Валентиніанъ I (375).	Ѳеодосій I (395).	1/4 "

Номера могиль.	Самыя раннія монеты.	Самыя позднія монеты.	Время службы склепа.
1609	Пантикапей (I в. до Р. Х.)	—	—
1611	Валентиніанъ I (375).	—	—
1618	Константинъ В. (337) . . .	Валентиніанъ I (375).	$\frac{1}{4}$ вѣка.
1620	Константинъ II (340) . . .	Констанцій II (361) . .	$\frac{1}{4}$ „
1621	Константинъ В. (337) . . .	Гонорій (423)	$\frac{3}{4}$ „
1623	Херсонесъ (I в. до Р. Х.).	—	—
1626	Константинъ В. (337).	—	—
1628	Гонорій (423)	Левъ I (474)	$\frac{1}{2}$ „
1631	Констанцій II (361)	Аркадій (408)	$\frac{1}{2}$ „
75 ¹⁾	Флакцилла (386)	Аркадій (408)	$\frac{1}{4}$ „
76	Херс. элевѣ. (III в.)	Константиноп. (кон. IV в.)	$1\frac{1}{4}$ „
79	Элагабалъ (222)	Валентиніанъ I (375) .	$1\frac{1}{2}$ „
81	Констанцій II (361)	Левъ I (474)	1 „
82	Констанцій II (361)	Левъ I (474)	1 „
84	Херс. элевѣ. (III в.)	Ѳеодосій I (395)	$1\frac{1}{2}$ „
85	Юстиніанъ I (566).	—	—
88	Рискупоридъ (нач. IV в.).	—	—
89	Валентиніанъ I (375) . . .	Аркадій (408)	$\frac{1}{4}$ „
91	Валентиніанъ I (375) . . .	Аркадій (408)	$\frac{1}{4}$ „
92	Херсон. варв. (III в.).	—	—
93	Херс. элевѣ. (III в.)	Рискупоридъ (нач. IV в.)	$\frac{1}{2}$ „
94	Аркадій (408).	—	—
97	Рискупоридъ (нач. IV в.).	—	—
98	Ѳеодосій I (395).	—	—
99	Валентиніанъ I (375) . . .	Ѳеодосій I (395)	$\frac{1}{4}$ „
100	Херс. элевѣ. (III в.)	Рискупоридъ (нач. IV в.).	$\frac{1}{2}$ „

¹⁾ Временные номера раскопокъ 1905 года.

Древнѣйшій Херсонесъ по Страбону и раскопкамъ.

Топографическое описаніе юго-западнаго угла Тавриды, а съ нимъ и города Херсонеса, сдѣланное Страбономъ, общеизвѣстно; изъ него идетъ въ данному вопросу вотъ что:

„Затѣмъ, если плыть вдоль берега, къ югу выдается большой мысъ, составляющій часть цѣлаго Херсониса. На немъ расположенъ городъ Ираклеотовъ . . . . называемый такъ-же Херсонисомъ . . . . Въ этомъ городѣ есть святилище Дѣвы, какой-то богини, имя которой носить и находящійся передъ городомъ, на разстояніи 100 стадій, мысъ, называемый Парөніемъ . . . . Между городомъ и мысомъ есть три гавани; затѣмъ слѣдуетъ древній Херсонисъ, лежащій въ развалинахъ, а за нимъ бухта съ узкимъ входомъ . . . . называется она бухтою Символовъ ¹⁾“.

Зеркало
Вид

Именно это описаніе и послужило для опредѣленія мѣстоположенія древнѣйшаго Херсонеса. Правильно понятое впервые Палласомъ и подкрѣпленное имъ же найденными гдѣ слѣдуетъ развалинами, оно до послѣднихъ лѣтъ всѣми признавалось безусловно точнымъ ²⁾. Впрочемъ, надо замѣтить, что поняли дѣло не всѣ изслѣдователи одинаково. Не зная, не видя и, такъ сказать, не чувствуя мѣстности, схватились за букву разсказа Страбона и получили разнообразныя результаты, но именно это и содѣйствуетъ выясненію безуворизненной точности древняго описанія. Напр., извѣстный ученый и изслѣдователь нашего края Ф. К. Брунъ обратилъ вниманіе (то же дѣлали и ранѣе его) на то, что порядокъ указанія мѣстностей у Страбона какой-то странный. И въ

¹⁾ Страбонъ, кн. VII, гл. IV, § 2; перев. В. В. Латышева (въ сборникѣ *Scythica et Caucasica*, т. I, стр. 123).

²⁾ Еще и въ 1899 году Брандисъ все это повторяетъ въ *Pauly-Wissowa, Real.-Encyclop. XI Halbb., 2263—2264, s. v. Chersonesos.*

самомъ дѣлѣ, попрошу взглянуть на прилагаемую карточку (табл. III) и на ней просмотрѣть вышеприведенныя слова Страбона ¹⁾.

Выплывающій изъ Херсонеса (*У*), отъ точки *А*, и идущій въ указанномъ географомъ направленіи (линія точками обозначаетъ примѣрный, возможно ближайшій къ берегу и прямой курсъ судна) видитъ три гавани (*В*, *С* и *Д*, о нихъ тоже нѣсколько спорили, но уже со всѣмъ кабинетно и попустому), затѣмъ мысъ Пареній (*Е*) и уже послѣ него разрушенный Херсонесъ (*Х*), а еще далѣе узкоустую гавань Символовъ (*Н*—нынѣ Балаклава) ²⁾. Древнѣйшій Херсонесъ Страбона былъ въ глубинѣ Казачьей бухты (*Х*), гдѣ его нашли и новѣйшія раскопки. Въ этой же бухтѣ была и гавань этого города, для входа въ которую надо было сворачивать отъ точки *Д* съ указаннаго пути. Слѣдовательно, у этой же точки, разсуждая книжно, и долженъ былъ Страбонъ назвать древнѣйшій городъ на своемъ пути, т. е. упомянуть о немъ ранѣе, чѣмъ о мысѣ *Е*; если же этого не сдѣлано, то потому, что въ *Х* не было города и надо его искать далѣе, на иномъ мѣстѣ.

Вотъ разсужденіе Бруна, по которому онъ и сталъ думать, гдѣ бы помѣстить торговый городъ между мысомъ *Е* и Балаклавой (*Н*), и указалъ его въ вершинѣ крутого оврага *З*, восточнѣе Георгіевскаго монастыря ³⁾. Оказывается, что эта мѣстность вполне открытая, скалистая, лежитъ на высотѣ болѣе 700 футовъ надъ моремъ, съ почти неприступнымъ склономъ къ нему, влѣзть по которому можно только съ большими усиліями, да и то цѣпляясь руками; кромѣ того, съ моря самый урѣзь

¹⁾ Прилагаемая карта есть точная копія новѣйшей морской карты 1901 года безъ ситуациі.

²⁾ Я не желалъ бы уклоняться въ сторону, но не могу не высказать, хотя бы вкратцѣ, свое мнѣніе о напрашивающемся здѣсь вопросѣ. Страбонъ указываетъ мысъ Пареній и называетъ его послѣ трехъ портовъ, но ранѣе развалинъ древнѣйшаго Херсонеса. Очевидно, что это есть мысъ *Е*, нынѣ Херсонесскій. Но Страбонъ опредѣляетъ также и разстояніе отъ порта византійскаго Херсонеса до этого мыса, въ 100 стадій, тогда какъ въ дѣйствительности, по линіи курса судовъ, между *А* и *Е* оказывается всего около 70 стадій. Эта ошибка путевой мѣры, у древнихъ дѣло самое обычное, давала поводъ къ обширнымъ разсужденіямъ и къ отнесенію мыса Паренія на мысъ *С*, нынѣ Феолентъ, до котораго еще больше несходно разстояніе, 140 стадій, да и общее пониманіе текста при этомъ исчезаетъ совершенно. Помимо трудности точныхъ измѣреній для древнихъ, въ настоящемъ случаѣ ошибка тѣмъ естественнѣе, что мысъ *Е* низкій, сливающійся съ водой, такъ что, идя близко, трудно опредѣлить его точное положеніе.

³⁾ Брунъ, къ вопросу о древней топогр. Иракл. полуостр. *Черноморье* I, 65 и далѣе.

берега здѣсь почти недоступенъ ¹⁾. Единственная древняя развалина имѣется на самомъ верху въ видѣ маленькаго четырехугольника, точно подобнаго въ его существѣ нѣсколькимъ десяткамъ такихъ же, разбросанныхъ по всѣму пространству полуострова. Помѣстить въ такое мѣсто портовый городъ можно было только по совершенному недоразумѣнью, **сидя** въ кабинетѣ и даже не глядя на карту. Прямо къ настоящему вопросу это не относится, и потому не стану подробно рассказывать, какъ получилось такое удивительное предположеніе. Вкратцѣ замѣчу, что тутъ въ основѣ лежитъ непонятная, но грубая ошибка Палласа (перенесшаго сюда мысъ Айю, лежащій въ дѣйствительности на 13 верстѣ восточнѣе), хотя замѣченная уже и Муравьевымъ, но всетаки принятая и развитая Бруномъ ²⁾.

А между тѣмъ все это недоразумѣніе объясняется очень просто, и именно тутъ не только нѣтъ ошибки древняго географа, но даже обнаруживается необычайно тонкое, щегольское знаніе мельчайшихъ мѣстныхъ условій у него или у того, кто ему передавалъ. Дѣло въ томъ, что отъ точки *Д* около 4-хъ верстѣ до города (*Х*), и такъ какъ мѣстность, на которой онъ лежитъ, поднимается по склону, отъ самой воды Казачьей бухты къ противоположному южному берегу моря, то всѣ развалины зданій проецировались на землю и были мало примѣтны отъ точки *Д* какъ по этому, такъ и по дальности разстоянія. Какъ только плывущій, обогнувъ мысъ *Е*, подходилъ къ точкѣ *Г*, ему рѣзко бросались въ глаза зданія города, отсюда отчетливо вырисовывавшіяся на небѣ. По этому пути идутъ пароходы на южный берегъ Крыма и не трудно обратить вниманіе на сказанное. Отъ точки *Д* не только ничего нельзя разобрать, но низменный берегъ въ отдаленіи такъ сливается съ моремъ и степью, что съ трудомъ можно догадаться о существованіи слѣва бухты, а тѣмъ болѣе глубоко вдавшейся; будучи-же въ точкѣ *Г*, даже еще и нынѣ можно видѣть на высококомъ, неприступномъ берегу остатки оборонительной стѣны стараго Херсонеса. Такое

¹⁾ Хорошій видъ моря именно съ этой точки у Кларка, Travels, ed. 1810, I, 564.

²⁾ Сравни Pallas, Bemerk. auf einer Reise, II, 61—63, и Муравьевъ в Путешествіе по Тавридѣ, 89—92, хотя бы съ картами, а тѣмъ болѣе съ самою мѣстностью. Замѣчательно упорно держится эта ошибка, даже и до днесь, хотя тутъ въ природѣ никакого мыса нѣтъ вовсе, а стало быть не трудно было бы всякому замѣтить ошибку.

изумительно ясное показаніе обнаруживаетъ не только большое знаніе мѣстности, но, по моему, доказываетъ, что оно дано лицомъ, видѣвшимъ все своими глазами, однако не бывшимъ мѣстнымъ жителемъ. Таковой зналъ бы точно устье своего порта, такъ сказать ворота древняго города, а потому назвалъ и показалъ бы городъ непременно отъ точки *Д*, хотя онъ отсюда почти не примѣтенъ. Только чужой, но внимательно смотрящій, ничего не увидѣвъ въ *Д* и ясно рассмотрѣвъ зданія отъ *Е*, спросилъ бы, что это такое. Кто былъ этимъ чужимъ знаткомъ мѣста, самъ ли Страбонъ, или кто-либо изъ бороздившихъ Понтъ, мудро теперь сказать, но вѣроятнѣе послѣднее. Какъ бы то ни было, но мѣсто древнѣйшаго города указано географомъ совершенно точно тамъ, гдѣ онъ былъ виденъ. Чтобы безукоризненность всего описанія стала вполне понятною, попрошу читателя пойти на пароходѣ этимъ путемъ въ хорошій лѣтній день: когда отъ самаго Севастополя услышатся вопросы о томъ, что видятъ по берегамъ, то станетъ понятнымъ и способъ записи прибрежныхъ плаваній древними вообще, и рассказъ Страбона въ частности, и непремѣнная необходимость видѣть все это въ дѣйствительности, не довольствуясь кабинетными размышленіями. Послѣ этого не такъ просто будетъ подумать, что Страбонъ ошибся въ этомъ, до мелкихъ подробностей строго точномъ указаніи. Однако, обширныя раскопки на мѣстѣ новаго Херсонеса давали поводъ археологамъ все болѣе и болѣе думать, что добываемыя тамъ находки опровергаютъ древняго географа, а открытіе крѣпостной ограды IV вѣка какъ бы утверждало окончательно это мнѣніе. Далѣе я еще вернусь къ разбору данныхъ, будто бы указывавшихъ ошибку Страбона, а пока замѣчу, что такъ какъ точность его описанія чувствовалась, а развалины древняго города оказывались именно тамъ, гдѣ слѣдуетъ по рассказу, то и недоразумѣніе географа стали видѣть только въ имени. Сдѣлали предположеніе о томъ, что у Казачьей бухты и дѣйствительно былъ древній городъ, но назывался не Херсонесомъ; это было, будто-бы, неизвѣстное по имени, но подчиненное Херсонесу укрѣпленіе. Впрочемъ, никакихъ основаній такой гипотезы не отыскивалось.

Вышеприведеннымъ топографическимъ описаніемъ все для всѣхъ и кончалось; въ отношеніи древнѣйшаго Херсонеса никто и ничего болѣе у Страбона не искалъ и не видѣлъ. Не то было со мной. Занимаясь военно-инженернымъ дѣломъ въ той же мѣстности, я не могъ не

увидѣть у этого древняго автора еще другой разсказъ, чисто военный. Не знаю, буду ли въ состояніи передать всю его сущность, но постараюсь, хотя и не надѣюсь особенно успѣть въ этомъ,—слишкомъ велико у насъ отсутствіе пониманія какихъ бы то ни было военныхъ соображеній и даже просто топографическаго умѣнья чувствовать мѣстность. Тотъ самый текстъ, о которомъ сейчасъ буду говорить, всѣ знали, всѣ комментировали, но не только никто не понялъ его значенія, но и всѣ наговорили по его поводу по истинѣ ужасныхъ вещей, хотя писавшіе бывали извѣстными, а многіе знаменитыми учеными. Не останавливались и не задумывались ни передъ чѣмъ: запруживали глубочайшіе заливы; топили въ морѣ цѣлыя страны и тутъ же рядомъ воздвигали горы изъ того же моря; добывали соль въ прѣсной водѣ; строили многоверстныя стѣны въ глубокомъ морѣ; успѣшно обороняли крѣпости, въ середину которыхъ еще ранѣ завели побѣдоноснаго непріятеля; какъ заурядное дѣло, на одной страницѣ доказывалось одно, а на другой—совершенно противоположное; съ самими странами свѣта обращались съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, называя какая подъ руку попадалась, какъ будто не только море и горы, но и ось земного шара, по мановенію автора, перемѣщались куда и какъ угодно ¹⁾. Въ виду такого положенія вопроса попрошу позволенія напомнить нѣкоторыя начала военнаго дѣла моимъ совершенно, быть можетъ, граждански-настроеннымъ читателямъ; вкратцѣ и лишь крайне необходимое, да и то схематически и принципиально, для самыхъ упрощенныхъ случаевъ.

Основныя начала драки людей (и даже животныхъ), нападенія и обороны, искони были и будутъ одинаковы. Норовить-ли диварь швырнуть камнемъ, пряться за дерево, или стрѣляетъ бездымнымъ порошкомъ орудіе изъ бронированной башни; подрались ли пьяные гуляки или сражаются великіе стратеги, Александры, Наполеоны, вездѣ и всегда, впереди всего, свойство природы человѣка, его силъ, физическаго строенія его тѣла. Отсюда и получились основныя начала боя, о которыхъ не говорятъ, даже часто не признаютъ ихъ, но которыя все же существуютъ ²⁾. Въ числѣ этихъ началъ есть и всякому понятное: встрѣтить

¹⁾ Отчасти объ этомъ уже говорено мною въ *Зап. Од. Общ. Ист. и Др.*, XI, 257—9, 268—70.

²⁾ Какъ велико въ военномъ дѣлѣ значеніе свойствъ человѣка и мѣстныхъ условій, несмотря на различіе въ развитіи, оружіи и проч., видно на блестящемъ примѣрѣ повторенія событій въ окрестностяхъ именно Херсонеса. Этого примѣра

часто не догадываются, а если есть о томъ сознание, то боятся попробовать, — такъ велики обыкновенно бываютъ опасности исполненія подобныхъ хитроумныхъ плановъ. Собственно въ чистомъ видѣ, въ такомъ упрощенномъ, какъ я сказалъ, никогда не приходится примѣнять указанныя основы боя. Дѣло всегда усложняется разными побочными обстоятельствами и можетъ быть выполнено только до нѣкоторой степени; особенно трудно достается это осажденному, запертому въ стѣны сильнѣйшимъ непріателемъ. И вотъ почему примѣры такого выдвиганія крѣпости рѣдки на столько, что уже сами по себѣ давали славу даже и въ случаяхъ не особенно успѣшныхъ. Въ наши времена, говоря о близкихъ намъ примѣрахъ, это было примѣняемо, до нѣкоторой степени, во время обороны Севастополя и значительно содѣйствовало ея продолжительности, составивъ одну изъ долей извѣстности Тотлебена, хотя указаніе идеи въ данномъ случаѣ принадлежитъ самому императору Николаю I. Чтобы эта идея примѣнялась осажденными въ древнихъ городахъ, мнѣ не приходилось слышать ранѣе, — и вотъ именно про нее говоритъ Страбонъ, какъ про выполненную защитниками во время осады Херсонеса, къ тому же говоритъ видимо съ совершеннымъ пониманіемъ всего боевого значенія стратегемы и съ сознаниемъ рѣдкости и необычайности этого ¹⁾. Городъ охраняется стѣной на какомъ то перешейкѣ; съ остальныхъ сторонъ, конечно, море. Орда Скивовъ сторожить и стѣну и перешеекъ; городъ долженъ погибнуть изморомъ, или та же орда, заваливая ровъ, возьметъ его на щитъ; увѣренность въ неминуемой побѣдѣ у Скивовъ полная, ихъ много, Грековъ мало, да и тѣ загнаны за стѣну и выйти оттуда не могутъ, даже и сторожить не надобно, море не пустить. Но выше грубой силы есть разумъ: въ нѣсколько ночей, работая какъ можно тише и дальше отъ перешейка, на которомъ скучился непріатель, осажденные пересыпаютъ плотиною заливъ; перейдя на другую сторону залива, такъ же тихо, быстро, незамѣтно устраиваютъ изъ всего, что подъ руку попало, временное укрѣпленіе. И вотъ, когда всего менѣе ожидаютъ Скивы, оттуда надвигается на нихъ сама крѣпость, часть защитниковъ ея; число ихъ неизвѣстно, откуда они взялись — также, а это и всего страшнѣе, особенно когда

¹⁾ Старый писатель XVIII вѣка, но весьма знающій военное дѣло, прямо указываетъ, что не знаетъ у древнихъ контръ-апрошей, т. е. указываемой идеи. (F o l a r d, *Traité de l'at. et de la déf. des places des anciens. Hist. de Polybe. III, 39*).

нападаютъ съ боку или даже сзади. Въ первый разъ это, вѣроятно, было неожиданно вполне, но, конечно, однимъ разомъ все не кончилось. Скиѣны хотя и увидѣли, въ чемъ было дѣло, но все же вынуждены были раздѣлить свои силы и никогда не знали, что именно собираются сдѣлать защитники, гдѣ ихъ больше, гдѣ меньше, такъ что починъ, а съ нимъ условіе неожиданности перешли къ обороняющимся, которымъ въ такихъ условіяхъ, при помощи ложныхъ тревогъ, не трудно было бросаться даже и въ тылъ Скиѣамъ. Исполнить все указанное очень трудно, такъ что возможнымъ все это становилось только въ совершенно особыхъ условіяхъ мѣстности. Заливъ долженъ быть не широкимъ и не глубокимъ; мѣсто плотины должно быть достаточно удалено отъ непріятеля, иначе увидятъ и не дадутъ закончить; необходимъ пригодный матеріалъ для плотины, взъ котораго легко насыпать и, въ случаѣ неудачи, легко разрушить,—простая земля для этого не годится; важно защищенное мѣсто, чтобы все сооруженіе не было разрушено первымъ же ничтожнымъ волненіемъ. Однимъ словомъ, выдумка и сама по себѣ хитроумна, но стеченіе благопріятныхъ условій для ея исполненія и удача въ этомъ по истинѣ заслуживали упоминанія, увѣковѣченія, что и сдѣлалъ Страбонъ, хотя, вообще говоря, онъ и не распространяется о чисто военныхъ дѣяніяхъ.

Надѣюсь, что я достаточно разъяснилъ, какой чрезвычайной важности было дѣло. Теперь попрошу поискать на картѣ, гдѣ бы могли найтись потребныя для того условія. Въ этихъ поискахъ можно забыть какія бы то ни было развалины, а просто смотрѣть на прилагаемую карту Гераклейскаго полуострова, какъ на совершенную схему, стараясь гдѣ бы то ни было найти возможный перешеекъ, заливъ и прочія подробности. Сколько бы ни искали, единственное физически возможное мѣсто окажется въ Казачьей бухтѣ, на перешейкѣ между ея верховьемъ и открытымъ моремъ, въ томъ же Старомъ Херсонесѣ! Ни какое иное, ни съ какими натяжками, не подходитъ.

До сихъ поръ я передавалъ своими словами существо разсказа Страбона, но, конечно, слѣдуетъ представить его и цѣликомъ, причѣмъ я буду въ него вставлять буквы, означающія мѣста прилагаемаго плана:

„На разстояніи около 15 стадій отъ стѣны Херсонисцевъ (*ab*) „естъ мысъ (*M*), образующій заливъ порядочной величины, направляю-

„щійся въ городу (N). Выше его лежитъ морское болото съ солеварней (L). Здѣсь былъ и портъ Ктенунтъ. Для того, чтобы бороться со Скиѳами, царскіе воеводы во время осады поставили на упомянутомъ мысѣ (M) гарнизонъ, оградивши это мѣсто стѣной, и засыпали входъ въ заливъ до самаго города (I), такъ что можно было безъ затрудненія переправляться сухимъ путемъ, и изъ двухъ городовъ сдѣлался какъ-бы одинъ. Съ этихъ поръ они легче отражали Скиѳовъ. Когда же послѣдніе напали и на укрѣпленіе перешейка (K) при Ктенунтѣ и стали заваливать ровъ тростникомъ, то царскіе солдаты ночью сожгли часть плотины, выстроенную днемъ, и такимъ образомъ сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока не побѣдили ¹⁾“.

Итакъ, изъ всего сказаннаго ясно, что перешеекъ Казачьей бухты—не только единственно возможное мѣсто, вообще говоря, но и всѣ мелочныя подробности разсказа (разстояніе, соленое озеро, камышъ, мелкій и узкій заливъ) въ нему подходятъ вполне и только къ нему, больше нигдѣ нѣтъ ничего сколько-нибудь пригоднаго. Излишне и прибавлять, что построеніе такой контръ-апроши, такого исключительно боевого отдѣльнаго укрѣпленія, по самому смыслу дѣла только временнаго, вызваннаго осадой, не можетъ быть отождествляемо съ построеніемъ какого бы то ни было города въ настоящемъ пониманіи этого слова. Предшествующее выраженіе Страбона „былъ и Евпаторій, основанный Діофантомъ“, никоимъ образомъ сюда относиться не можетъ.

Я только что говорилъ, какъ трудно исполняются указанныя идеи развитія обороны, и думаю, что не лишне будетъ описать, какъ именно онѣ могли быть выполнены на нашемъ мѣстѣ. Это еще болѣе убѣдитъ въ точности показанія Страбона.

Въ его разсказѣ говорится, что пересыпали входъ въ заливъ, его устье. Это странная подробность, такъ какъ устье залива обыкновенно бываетъ и шире и глубже его дальнѣйшихъ мѣстъ. Подобное указаніе, однако, только лишній разъ свидѣтельствуетъ, какъ хорошо зналъ и понималъ дѣло Страбонъ. Устье показано потому, что такъ было сдѣлано, а сдѣлано потому, что это самое дальнее мѣсто (около двухъ верстъ) отъ Скиѳовъ, собравшихся противъ перешейка (K), а условіе быть вдали имѣло существенное значеніе для успѣха всего дѣла.

¹⁾ Страб. кн. VII, гл. IV, § 7.

Устроить плотину въ этомъ мѣстѣ въ условіяхъ боевой быстроты и неожиданности возможно и даже не особенно трудно. Изъ земли такой плотины нельзя насыпать, но тутъ и сказалось хитроуміе осажденныхъ. Весь Гераклеійскій полуостровъ, а особенно его часть между перешейкомъ *K* и мысомъ *E*, завалены отъ природы мелкимъ камнемъ; цѣлыя горы его сносились на окраины земельныхъ дѣлянокъ, а лучше и сподручнѣе этого матеріала ничего не выдумать: въ водѣ не разжижается и не размывается мелкой зыбью, копать его не надобно, а просто брать изъ готовыхъ кучъ, при чемъ и поля очищаются. Матеріала для плотины, при теперешнихъ условіяхъ залива, по всѣмъ вѣроятіямъ, и тогда бывшихъ почти такими же, предполагая ширину плотины по верху до сажени, понадобится около 800 кубич. сажень, считая въ самомъ широкомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ есть островокъ (*I*), возможный остатокъ плотины, но сотней сажень ближе къ городу довольно было бы и половины.

Для работы плотины можно назначить, судя по мѣсту и смыслу дѣла, до двухъ тысячъ человекъ; никакого умѣнья и никакихъ инструментовъ не требуется; старики, женщины, дѣти, корзины, мѣшки, всѣ и все отлично годятся. Если предполагать на работу не болѣе шести ночныхъ часовъ, а среднее разстояніе подноски считать сажень въ полтора, то въ среднюю ночь можно наносить до 250 куб. сажень, а стало быть можно исполнить всю работу въ три-четыре ночи. Количество насыпи нѣсколько преувеличено; работать можно дольше; два-три раза въ ночь смѣнять работниковъ; да и работать не по урочному положенію, а такъ, какъ это дѣлаютъ люди, спасающіе свою жизнь. Въ этихъ условіяхъ, думаю, что вся плотина могла быть насыпана въ двѣ-три ночи или даже еще скорѣе, но если бы потребовалось времени и гораздо болѣе перваго расчета, то и тогда все это вполне допустимо. Вѣроятно, плотину не доводили до поверхности воды вначалѣ, чтобы она не была замѣтна днемъ; по ней можно было ходить по камню, имѣя воды въ полъ-колѣна.

У читателя, не знакомаго съ техникой морскихъ сооружений, вѣроятно явится вопросъ, куда же дѣвалась такая плотина. Она была поставлена довольно защищенно, но сѣверные вѣтры вдоль бухты тутъ дѣйствуютъ сильно, и плотина скоро стала расползаться. Кромѣ обыкновенныхъ свѣжихъ погодъ, у насъ бываютъ во много лѣтъ разъ тѣ

страшныя бури, о которыхъ говорятъ, что старожилы не запомнятъ, въ родѣ бури 2 ноября 1854 года, когда обломки разбивавшихся судовъ союзниковъ и трупы ихъ матросовъ забрасывало къ подножію башенъ Балаклавы, на страшную высоту 8—9 сажень, или 23 ноября 1861 года, когда въ тишайшей южной бухтѣ Севастополя до половины заливало Графскую пристань и выбросило всѣ стоявшія на рейдѣ суда на берегъ. Отъ подобныхъ бурь плотина размывалась до самаго основанія, а камень расплзался по дну. Видѣла же плотина такихъ бурь не мало, — вѣдь двѣ тысячи лѣтъ прошло со времени ея устройства. И всетаки у праваго берега Казачьей бухты, саженьхъ въ 50, тамъ, гдѣ слѣдовало бы быть плотинѣ, и до сихъ поръ держится маленькій островокъ (I) изъ наброснаго камня и вокругъ него имѣется большое сильно обмелѣвшее пространство. Невольно хочется видѣть во всемъ этомъ остатокъ плотины, хотя бы уже потому, что иначе рѣшительно нечѣмъ объяснить такое положеніе вещей. Ни островокъ, ни мель никакого естественнаго объясненія себѣ не находятъ и представляютъ совершенное исключеніе во всѣхъ бухтахъ древняго Ктенунта ¹⁾. Самъ островокъ имѣетъ не болѣе 3—4 квадр. сажень, но обозначенъ на подробныхъ морскихъ картахъ. Уцѣлѣть онъ могъ по разнымъ случайнымъ причинамъ, а всего болѣе потому, что находится подъ защитой берега отъ наиболѣе частыхъ зимнихъ непогодъ. Я склоненъ думать, что въ плотину валили всякій строевой мусоръ, а стало быть и обломки черепицы. Еслибы таковыя ваплись на днѣ моря въ указываемомъ для плотины мѣстѣ, то это было бы и фактическимъ доказательствомъ сохраненія остатковъ именно плотины. Хорошо было бы послать по этимъ мѣстамъ водолазовъ; когда то я могъ это сдѣлать, но упустилъ, а теперь очень о томъ сожалѣю.

Соляное озеро (L), такое важное для древнихъ, но не повсюду встрѣчающееся, есть и до сихъ поръ въ концѣ отвершка Казачьей бухты; соль въ немъ и понынѣ выволакиваютъ; тутъ же вблизи есть и другое.

¹⁾ Что такое Ктенунтъ, едва-ли когда рѣшится окончательно. Я давалъ сильныя объясненія въ „Ост. древнихъ сооруженій“ (*Зап. Од. Общ.* XIV, 266 — 8). Подъ этимъ именемъ нельзя понимать только какую-нибудь бухту или заливъ; такъ называлось все сѣверное побережье Гераклеяскаго полуострова, отъ Херсонесскаго маяка до Инкермана. Этотъ берегъ, сплошь изрѣзанный бухтами, самымъ своимъ видомъ возбуждаетъ мысль о гребнѣ, заключающуюся въ его древнемъ имени.

Разстояніе отъ мыса *М* до перешейка *К* показано Страбономъ очень точно въ 15 стадій, чему можно не особенно удивляться, такъ какъ сухопутныя и короткія разстоянія могли измѣрить вѣрно, особенно въ такомъ изумительномъ случаѣ.

Укажу еще одно мелочное, но потому и поразительное обстоятельство. По Страбону, Скиѣи забрасывали ровъ камышемъ. Это показываетъ, что ровъ былъ изрядно глубокъ, а между тѣмъ, его нѣтъ и слѣда, да не могъ онъ и быть на всемъ протяженіи ограды, идущей по довольно крутой высотѣ. Только часть стѣны у самой бухты, закончившаяся островкомъ, на которомъ впоследствии былъ выстроенъ монастырь, шла по низменному мѣсту; тутъ и былъ, конечно, ровъ. Но такъ какъ здѣсь же были выстроены и жилия, особенно въ наши времена, то слѣды рва и исчезли. Забрасывать его можно было многимъ, напр. землею или повсюду находящимся и имѣющимся сподручнымъ матеріаломъ—хворостомъ. Почему же указано такое вещество, какъ камышъ, правда очень удобное, но находимое лишь въ исключительныхъ условіяхъ. Приходится думать, что такой матеріалъ добывался проще и легче всякаго иного, вблизи самой осады, иначе его не стали бы употреблять. На всемъ Гераклеискомъ полуостровѣ въ верховьяхъ большихъ бухтъ растетъ камышъ, но въ ничтожномъ количествѣ, кромѣ болотъ Черной рѣчки, гдѣ объ этой осадѣ не можетъ быть и рѣчи, да тамъ именно, куда насъ ведутъ и всѣ остальные обстоятельства. Сосѣдняя съ Казачьей бухта, бывшая въ рукахъ Скиѣновъ, и понынѣ въ своемъ верховьѣ густо и обильно заросла камышемъ, отчего и названа Камышевой; близъ Новаго Херсонеса камыша нѣтъ и признака.

Указаніе столь необычнаго матеріала, какъ камышъ, даетъ возможность сдѣлать еще нѣкоторыя предположенія объ осадѣ и ея времени. Надобно вспомнить, что свойства этого матеріала совсѣмъ особенныя: по разсказу объ осадѣ, его сжигали, но онъ горитъ только въ сухомъ видѣ, въ каковомъ бываетъ лишь осенью и зимой; слѣдовательно, осада или, точнѣе сказать, ея конецъ могли быть только въ это время года. Какъ извѣстно, объ этой осадѣ мы знаемъ единственно по Страбону; во многомъ столь подробный псифисмъ въ честь Діофанта ничего не говоритъ о ней, а между тѣмъ, по тому же Страбону, отсиживались въ осадѣ не одни горожане, а съ ними вмѣстѣ и царскіе войны. Впрочемъ, молчаніе псифисма объясняется тѣмъ, что самъ Діофантъ не

былъ въ осадѣ и въ похвалу ему не было повода указывать на ея успѣшность, такъ что изъ этого источника мы извлекаемъ лишь то, что ранѣе Діофанта царскихъ войскъ не было въ Херсонесѣ. Сопоставляя всѣ эти свѣдѣнія, мы можемъ утверждать, что осада—не первоначальное событіе скиѣскихъ войнъ Миерадата, а одно изъ послѣдующихъ, и мы ей найдемъ подходящее время въ началѣ второй войны. О послѣдней кратко говорится, что Скиѣы обнаружили врожденное вѣроломство, почему Діофантъ явился вновь, хотя время склонялось къ зимѣ; свой походъ онъ направилъ въ горы, но затѣмъ, по безуспѣшности, повернулъ въ приморскія мѣста. Вѣроломство Скиѣовъ, по моему, именно и обнаружилось въ нечаянномъ и непредвидѣнномъ нападеніи на городъ, въ которомъ, конечно, былъ оставленъ небольшой отрядъ царскихъ воиновъ. Скиѣы начали войну осенью, въ расчетѣ на то, что въ эту пору года доставить вспомогательную военную силу изъ-за моря почти невозможно или по крайней мѣрѣ очень опасно, а время года еще теплое, не дождливое, и удобное для военныхъ дѣйствій, какъ и всегда бываетъ осенью въ Тавридѣ. Неожиданнымъ нападеніемъ захватить городъ не удалось, и Скиѣы принялись его осаждать, чѣмъ и занимались настойчиво и упорно, но не могли взять, благодаря умнымъ и ловкимъ стратегамъ осажденныхъ. Наконецъ, увидѣвъ неожиданное прибытіе Діофанта, котораго успѣли извѣстить, они сняли осаду и удалились въ горы; за ними погнался Діофантъ, но наступившіе дожди вынудили его возвратиться. Все это превосходно соотвѣтствуетъ мѣстнымъ и климатическимъ условіямъ, и можно съ большою вѣроятностью сказать, что осада могла длиться одинъ-два мѣсяца, пока прибылъ Діофантъ, въ теченіе октября—ноября мѣсяцевъ. Иныя обстоятельства псифисма вовсе не подходятъ, а потому настоящее предположеніе можно считать вѣроятнымъ.

Подробно рассказавъ всѣ соображенія, вытекающія изъ словъ Страбона, я нахожу возможнымъ сказать о нихъ, что нельзя придумать что-либо болѣе изящно, кратко и точно изложенное, какъ въ общемъ, такъ и въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ. А если вспомнить, что та же мѣстность, съ такою же точностью, указана въ иномъ мѣстѣ, при совершенно другомъ рассказѣ, основанномъ на иныхъ топографическихъ началахъ, и что на указываемомъ мѣстѣ дѣйствительно находятся развалины двустороннихъ стѣнъ, крѣпости и города, въ тому же все это древнѣйшихъ временъ, старше чѣмъ что-либо находимое на мѣстѣ Новаго Хер-

сонеса, одновременное и цѣлостное по постройкѣ, то получается не предположеніе только, а, могу сказать, вскрывается самая истина, точно установленный фактъ.

Самое имя города, мнѣ кажется, въ полной мѣрѣ подтверждаетъ слова Страбона. Городъ носить имя Херсонеса, и Страбонъ старается дать такому нарицательному названію объясненіе, указывая на полуостровъ, образуемый перешейкомъ между Севастопольскимъ рейдомъ и Балаклавской бухтой. Думаю, что такое объясненіе могло появиться лишь очень поздно, и, конечно, первые поселенцы не могли знать и принимать въ соображеніе такую далекую полуостровность, въ тому же неясно выраженную. Какъ плохо былъ извѣстенъ этотъ перешеекъ даже и во времена Страбона, видно изъ того, что онъ даетъ его протяженіе въ 40 стадій только, тогда какъ онъ почти вдвое больше. Иное дѣло перешеекъ у Казачьей бухты; здѣсь полуостровность территоріи города такъ рѣзко примѣтна каждому, что мѣсто стараго города нельзя было опредѣлить лучше, чѣмъ названіемъ Херсонеса, т. е. полуострова. Это имя такъ и осталось за городомъ навсегда. Конечно, на мѣстѣ новаго города, гдѣ нѣтъ никакого полуострова, такое названіе вовсе не могло бы появиться.

Каковы бы ни были основанія для сомнѣнія въ фактахъ, приводимыхъ Страбономъ, о чемъ скажу далѣе, но ихъ отрицаніе, прежде всего, неизбѣжно требуетъ поясненія самой возможности ихъ появленія у древняго автора, а для этого предположено не что иное, какъ ошибка просто въ названіи города, а не въ существѣ дѣла, да едвали и возможно предположить что бы то ни было иное. Показавъ невозможность такого объясненія, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняю еще болѣе и самые факты.

Предполагается, что все было какъ сказано у Страбона, это неопровержимо, но указываемый городъ назывался будто бы не Херсонесомъ, а какъ то иначе и былъ маленькою крѣпостцою тѣхъ же херсонесцевъ. Однако, само по себѣ это предположеніе ничѣмъ не можетъ быть доказано и выдвигается только потому, что мы не умѣемъ согласовать данный фактъ осады съ разными иными обстоятельствами. Казалось бы, что это можетъ говорить только о неполнотѣ нашихъ знаній, о недостаточности ихъ, но нисколько не можетъ отрицать показаній древняго автора. Таковыя могли бы быть опровергнуты лишь равно-

сильными иными показаніями или доказаннымъ несоотвѣтствіемъ съ природою мѣстности. Ничто подобное не было, да и не могло быть кѣмъ-либо указано. Пойду далѣе, скажу, что совершенно не могу допустить какой-либо ошибки Страбона въ данномъ разсказѣ, и вотъ почему. Я понимаю, что, вообще говоря, онъ могъ по ошибкѣ дать какое-нибудь имя городу вмѣсто настоящаго. Это не такъ уже просто, но все же возможно: можно было забыть настоящее имя, ослышаться, просто выдумать его, наконецъ. Все это я допускаю, все это возможно, но необходимо, чтобы и настоящее имя и выдуманное не звучали Херсонесомъ. Только что выплывъ изъ этого города, сейчасъ же увидѣть развалины другого и назвать его тоже Херсонесомъ, да еще и пояснить, что это другой Херсонесъ, болѣе древній чѣмъ тотъ, о которомъ только что сказано,—способъ изложенія, исключаящій возможность ошибиться или ослышаться. Въ другой разъ, говоря о совершенно необыкновенномъ военномъ событіи, рѣдчайшемъ, никогда, быть можетъ, до того не слыханномъ, авторъ, зная его до мельчайшихъ подробностей самой мѣстности, все-таки ошибается въ названіи города, приписываетъ рѣдкое, славное событіе не тому городу, которому слѣдуетъ, и въ то же время вполне точно, до ничтожныхъ мелочей обозначаетъ именно его мѣсто. Для меня во всемъ подобномъ нѣтъ вѣроятности ошибки. Не буду уже и настаивать на томъ, что осада мелкой крѣпостцы физически не могла сопровождаться разсказаннымъ необыкновеннымъ событіемъ, для котораго надобны умные, рѣшительные стратеги, опытные воины, многочисленные граждане, однимъ словомъ, все то, чего не бываетъ въ крѣпостцѣ, не получившей даже и имени, по своей ничтожности. Да и осада такой крѣпостцы, при существованіи вблизи, въ тылу осаждающаго, сильнаго города Херсонеса, владѣющаго моремъ, безусловно не могла бы осуществиться. Когда же мы видимъ, что оба разсказа, столь сложные, столь разнообразные, не дѣлаютъ ни одной примѣтной ошибки ни въ чемъ, то предполагать такую въ одномъ имени мѣста не вижу не только вѣроятности, но и самой возможности.

Вообразимъ, однако, ошибку въ имени мѣста; спрашивается, какая и зачѣмъ могла быть крѣпость въ столь близкомъ разстояніи отъ Херсонеса? Какъ могло случиться, что ни малѣйшаго указанія на такую важную крѣпость вовсе не сохранилось, а она, какъ видно по развалинамъ и какъ скажу далѣе, была большая? Что бы ни говорили мои

друзья-оппоненты, но самъ Херсонесъ въ то время былъ незначительнымъ городомъ, даже по сравненію съ его сосѣдними на томъ-же сѣверномъ берегу Понта. Его знаменитая присяга не только ничего противнаго такому утверженію не показываетъ, но вполне его подтверждаетъ. Весь ея текстъ есть не что иное, какъ обычное греческое бахвальство, въ которомъ захолустныя, пустырныя, безводныя прибрежныя мѣста съ нѣсколькими рыбацкими лачугами и кучами соли перечислены, какъ нѣчто чрезвычайное и цѣнное. Но это вѣдь хорошо намъ знакомые, жалкіе берега западной Тавриды, Калось-лимень и Керкинитиды, отъ которыхъ съ трудомъ находятся едва примѣтные слѣды и совершенно ничтожные остатки, безъ малѣйшаго признака какихъ-либо укрѣпленій, а тѣмъ болѣе значительныхъ. Эти мѣста приведены въ присягѣ въ порядкѣ ихъ важности и близости отъ Херсонеса, а такая сильная, прекрасно расположенная и близкая крѣпость, какъ та, что мы находимъ на перешейкѣ Казачьей бухты, не названа, а только, будто бы, подразумевается въ огульномъ выраженіи присяги „прочія укрѣпленія“. Да еще вопросъ, были ли гдѣ бы то ни было эти „прочія укрѣпленія“, хотя бы въ самомъ ничтожномъ видѣ. Мнѣ кажется, что это надобно доказать, и послѣднее едва-ли окажется исполнимымъ. Какъ бы ни были незначительны укрѣпленія, но все же они не могли быть безыменными; если ихъ имена не приведены, то я думаю, что ихъ и вовсе не было, а въ присягѣ они упомянуты только въ видѣ общей формулы, на всякій случай возможнаго ихъ появленія когда-либо впредь ¹⁾.

¹⁾ Латышевъ, Греч. и лат. надп., найд. въ 1889—91 г.г. (*Матер. по арх. Россіи*, № 9), 2—3, 11. Нѣкоторыя здѣсь высказанныя соображенія глубокоуважаемаго автора противорѣчатъ самой природѣ Тавриды. Подвластность Керкинитиды и Калось-лимена сама по себѣ никоимъ образомъ не даетъ повода предполагать возможность владѣнія Херсонесомъ въ то же время и всею западною частью Тавриды. Близъ самого Херсонеса границы его земель шли очень не глубоко внутрь страны. По распредѣленію развалинъ загородныхъ построекъ не трудно съ точностью усмотрѣть, что и самъ Гераклеійскій полуостровъ не весь принадлежалъ Херсонесу, на немъ предѣлы городской земли простирались къ востоку только до Южной бухты и правой стороны впадающей въ нее Сарандинакиной балки, а къ югу—до высотъ Сапунъ-горы; на планѣ табл. III эта граница показана, приблизительно, точками О, Р, Z. Въ своемъ ближайшемъ, прямомъ сосѣдствѣ городъ не могъ завладѣть такимъ истинно важнымъ мѣстомъ, какъ портъ Символовъ, съ его богатѣйшей хлѣбородной округой; не могъ утвердиться на большомъ рейдѣ Севастополя, сѣверные берега котораго и часть южныхъ ему не принадлежали до Миерата, такъ что самую переправу „на ту сторону“ [конечно, сѣверный берегъ большого рейда Севастополя и ближайшее къ нему побережье] Діофанта, совершенную въ виду сильнаго непріятели, назвали отважной, поставивъ ее въ справедливую за-

Итакъ, въ настоящемъ случаѣ имѣется достаточно оснований не признавать возможною у Страбона ошибку и, чтобы не допустить сообщаемые имъ факты, остается лишь одинъ выходъ—предположить у него умышленное лганье. Онъ зналъ превосходно мѣстность, зналъ и полное названіе осажденнаго города, зналъ и всю его исторію, но почему то весьма умѣло и ловко вмѣсто настоящаго имени рѣшилъ назвать его Херсонесомъ, зная, что это неправда. Или, еще проще, остается думать, что онъ выдумалъ самый фактъ осады, приспособивъ его къ прекрасно, всесторонне ему знакомой мѣстности. Последнее, пожалуй, всего скорѣе можно было бы отстаивать, потому что надпись Діофанта умалчиваетъ объ осадѣ, а военная стратегема не имѣетъ себѣ подобной въ извѣстной намъ древней исторіи. Какъ бы то ни было, не отрицая возможности лжи или выдумки, я думаю, что доказать ее никогда не представится случая.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію доводовъ, будто бы совершенно опровергнувшихъ показанія Страбона. Они даны, пока, однимъ моимъ добрымъ другомъ, многоуважаемымъ профессоромъ Э. Р. фонъ-Штер-

слугу вождю. Городъ владѣлъ только каменистой, сухой, безводной и бесплодной своей ближайшей окрестностью и ничѣмъ болѣе, до временъ Миерадата. Керкинитиды и Калось-лименьъ были, временами, его отдаленными мелкими факторіями, рыболовлями и соледобычливыми мѣстами, связанными съ метрополіей только моремъ. Никимъ образомъ „равнина“ присяги (степи западной Тавриды), съ которой Херсонесъ получалъ хлѣбъ, не можетъ быть той самой „равниной“, которая упомянута въ надписи Агасикла и на которой были разведены горожанами виноградники [Inscript. o. v. P. E. I., n° 195]; слово употреблено то же, но географическое его значеніе совершенно различно. Въ надписи Агасикла подъ именемъ равнины невозможно понимать что-либо иное, кромѣ плоскогорья ближайшихъ окрестностей Херсонеса, гдѣ виноградарство прекрасно развивается и только оно одно, хлѣбъ же родитъ весьма плохо, малыми оазисами. Эту „равнину“ только и можно было раздѣлить подъ виноградники, ничто иное и по сейчасъ на ней не удастся. Совсѣмъ другое дѣло „равнина“ присяги. Тамъ хлѣбъ родитъ довольно хорошо, но виноградники вовсе не идутъ и, конечно, не тамъ могъ для нихъ нарѣзывать участки Агасиклъ, тѣмъ болѣе, что это оказалось бы возможнымъ лишь съ перенесеніемъ туда и самого города, граждане котораго могутъ заниматься виноградарствомъ только при условіи самаго близкаго сосѣдства виноградниковъ съ городомъ; это культура, требующая постоянного, неуспываго призора. Изъ сказаннаго понятно, что Херсонесъ своего хлѣба не могъ имѣть, почему и требовалъ отъ своихъ гражданъ присяги въ томъ, что добытый ими на чужой равнинѣ, какими бы то ни было способами, хлѣбъ они будутъ доставлять только въ Херсонесъ и никуда болѣе. Совершенно отсюда ясно, что не коммерческими соображеніями, а лишь крайней вуждой самого города можно объяснять столь стѣснительное требованіе, и оно должно пониматься не иначе, какъ явный показатель бѣдности города и трудности его положенія, тѣмъ болѣе, что и вся западная равнина Тавриды, лежавшая въ сферѣ коммерческаго воздѣйствія Херсонеса, сравнительно мало плодородна. Показанія Страбона (VII, 4, 6) о богат-

номъ ¹⁾). Всю сущность имъ сказаннаго привожу въ подлинныхъ подчеркнутыхъ словахъ.

Прежде всего указывается, что я *отстаиваю извѣстія Страбона не столько потому, что при раскопкахъ въ этой мѣстности въ 1890 году найдены были кое-какіе остатки древне-эллинскаго поселенія, сколько по военно-инженернымъ соображеніямъ*. Это не совсѣмъ такъ. Доводы мои основывались не на соображеніяхъ или находкахъ, каковы бы онѣ ни были, а на всей суммѣ двухъ рассказовъ Страбона, что я указывалъ не разъ, хотя и не особенно подробно; всѣ они представлены выше полностью. Говорилъ я о нихъ, и теперь повторю, именно для убѣжденія въ необходимости раскопокъ у Казачьей бухты и, слѣдовательно, до ихъ начатія. Каковы могли бы быть результаты этихъ раскопокъ, едва ли кто можетъ сказать теперь же. Во всякомъ случаѣ, со временъ Палласа видѣли и видятъ на этой мѣстности столько древнихъ развалинъ, что назвать все это кое-какими остатками не могъ никто, а я всѣхъ менѣе. Раскопки, начатыя въ 1890 году, оказались и послѣдними до сихъ поръ, да и тѣ лишь слегка коснулись Старога Херсонеса. Надѣясь, что раскопки въ этомъ мѣстѣ будутъ продолжаться, я ихъ не описалъ тогда

ствѣ хлѣбомъ относятся, и справедливо, къ восточной равнинѣ Тавриды, т. е. прилегающей къ Θεοδοσία и Παντικαπεю, гдѣ почвенныя и водныя условія совсѣмъ иныя; обильный вывозъ хлѣба изъ тѣхъ мѣстъ извѣстенъ и по другимъ источникамъ, да и понынѣ таковъ. Именно эта часть во всѣ времена была и есть житница Тавриды; но къ этой равнинѣ Херсонесъ не имѣлъ ни малѣйшаго касательства.

Знакомые съ культурными условіями Тавриды, надѣюсь, согласятся съ точностью даннаго объясненія, а изъ него именно и слѣдуетъ, что Херсонесъ никакой дальней равниной не владѣлъ и постоянно опасался остаться просто безъ хлѣба, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Это положеніе въ такой мѣрѣ опредѣляется самой природой вещей, что и во всѣ времена здѣсь всегда было то же самое. Псылка хлѣба изъ Херсонеса въ 1 в. по Р. Х., извѣстная по эпитафіи Плавція Сильвана, есть рѣдчайшее событіе, оказавшееся возможнымъ лишь подъ вліяніемъ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Все намъ извѣстное указываетъ совсѣмъ иное положеніе вещей. Напр. во II в. по Р. Х. надпись *Insc. o. s. P. E. IV, № 68* говоритъ, что граждане терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ. Константинъ В. въ IV в. жалуетъ городъ за службу военными машинами и хлѣбомъ. Въ VII в. папа Мартинъ изъ херсонесской ссылки указываетъ, что Херсонесъ своего хлѣба не имѣлъ, и плачетъ на чрезвычайную дороговизну хлѣба, привозимаго съ противоположнаго берега. Въ X в. Константинъ Порфирородный указывалъ, что въ случаѣ возмущенія Херсонеса, для его усмиренія, туда не пускаютъ кораблей съ хлѣбомъ, масломъ и жизненными припасами съ юга, изъ Анатоли. И тогда городъ велъ торгъ воскомъ и кожами, рабами въ особенности, но не хлѣбомъ, котораго не вывозилъ никогда, и еслибы самъ его не получалъ со стороны, то не могъ бы существовать, по словамъ самого императора. Такъ было искони, такъ и понынѣ.

¹⁾ Протоколы засѣд. Од. Общ. Ист. и Др., № 296, въ *Зап. Од. Общ.* т. XIX.

подробно, и теперь приходится довольствоваться краткими указаниями ¹⁾. Все же и послѣ столь малыхъ раскопокъ уже нельзя называть найденное кое-какими остатками. Тронули только мѣстами вѣрностныя стѣны, города не раскапывали, а некрополь, самое важное въ смыслѣ находокъ, и вовсе не найденъ, но, конечно, онъ имѣется. О раскопкахъ случайнаго, позднѣйшаго характера не говорю здѣсь. Вѣрностныхъ стѣнъ оказалось двѣ (*pq* и *rs* карты табл. III), почти параллельныя одна другой; одна изъ нихъ въ сторонѣ материка, другая въ сторонѣ мыса *E*; каждая длиною около 450 саж.; наружная толщ. 2,75 м., внутренняя 1,37 м.; въ стѣнахъ примѣчено 14 башенъ, но ихъ, вѣроятно, было больше. Кладка всего совершенно особенная, изъ неврупнаго, но штучнаго камня, положеннаго безъ раствора; подобная кладка древняго характера нигдѣ не находилась въ мѣстности Новаго Херсонеса. Всѣ эти остатки стѣнъ сохранились не только на значительномъ протяженіи, но и совершенно цѣлаго однороднаго характера, безъ какихъ-либо позднѣйшихъ перестроекъ. Сожалѣю, что раскопки здѣсь не продолжались и что по дальности разстоянія о нихъ приходится судить безъ достаточнаго обследованія и сравненія.

Кромѣ Страбона никто изъ древнихъ авторовъ, упоминающихъ о Херсонесѣ, намъ ничего не сообщаетъ объ этомъ замѣчательномъ и рѣдкомъ фактѣ перенесенія первоначальнаго города на другое мѣсто, и самъ Страбонъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ какъ бы забываетъ объ этомъ перенесеніи. Не думаю, чтобы молчаніе другихъ писателей о чисто мѣстномъ событіи въ городѣ, не имѣвшемъ никакого политическаго значенія, могло служить поводомъ для отверженія и того, кто не смолчалъ; вѣдь о самой осадѣ города никто ничего не говоритъ, кромѣ Страбона. Немного удѣлѣть историческихъ истинъ, если бы всему намъ извѣстному приложить такое требованіе. Въ настоящемъ случаѣ тѣмъ труднѣе ожидать его исполненія, что другихъ авторовъ, кромѣ Страбона, сколько-нибудь подробно упоминающихъ о Херсонесѣ, строго говоря, и вовсе не имѣется: простое упоминаніе имени города у Скилака Каріандскаго, ничтожныя замѣтки Маркіана, Помпонія Мелы или Плинія; почти одно названіе у Полибія, Арріана, Аппіана; пара цифръ у Птолемея; поздно разсказанное Полиеномъ специально военное событіе, гдѣ, къ слову сказать, Херсонесу

¹⁾ Отчетъ за 1890 г., 37—39; Раскопки Херсонеса, 56—57; Косцюшко, Важное археолог. открытіе. *Извѣстія Таврич. Учен. арх. Ком.и.*, № 13.

достается крайне жалкая роль. Кажется, это и весь багаж справокъ у древнихъ авторовъ о нашемъ городѣ, могущій умѣститься на четверти странички, если не считать уже совсѣмъ позднихъ авторовъ. Какъ надѣяться услышать о перенесеніи города, когда нѣтъ и намека о времени его основанія или о другихъ крупнѣйшихъ фактахъ его исторіи¹⁾. Это обидное молчаніе всѣхъ говоритъ краснорѣчивѣе всяческихъ находокъ противъ силы и политическаго значенія города въ то время. Собственно самъ Страбонъ указываетъ только, что былъ когда-то Старый Херсонесъ, но не говоритъ о перенесеніи города, а тѣмъ болѣе о времени этого перенесенія. Переселеніе мы выводимъ уже сами, и въ этомъ я не могу видѣть рѣдкій, замѣчательный и даже необыкновенный фактъ, такъ какъ у древнихъ онъ, повидимому, таковымъ не былъ. У самаго Страбона я

¹⁾ Основаніе Херсонеса, безъ признака доказательствъ, относятъ къ началу V вѣка, даже прямо къ 500 году до Р. Х. (Кёне, Муз. Коч., I, 257, и другіе); но сама его метрополія, Гераклея, основана около 540 года и едва-ли могла къ началу пятаго вѣка уже выслать колонію. Шнейдервиртъ думаетъ, что это случилось въ 420 г., но ставитъ въ связь съ участіемъ делійцевъ въ основаніи города, что едва-ли вѣроятно. Мнѣ кажется, что время и поводъ этого событія могутъ опредѣлиться слѣдующими соображеніями. Извѣстно, что при осадѣ Θεοδοσίи боспорскими царями Сатиромъ и Левкономъ I дорійцы-гераклеоты присылали помощь милетской Θεοδοσίи, а это показываетъ, что между этими городами были близкія связи. Если Гераклея была въ союзѣ съ іонійской колоніей въ Тавридѣ, то, конечно, потому, что своей тамъ у нея еще не было и, слѣдовательно, Херсонесъ какъ городъ не существовалъ. Въ настоящемъ случаѣ о немъ не упоминаютъ, когда онъ долженъ бы быть на первомъ мѣстѣ, идя рядомъ съ метрополіей, съ которой снѣ сохранялъ всегда добрыя и близкія отношенія. Надо полагать, гераклеоты потому и защищали Θεοδοσίю, что она была ихъ ошорной точкой въ Тавридѣ и иной они не имѣли. Выручить Θεοδοσίю имъ не удалось, но съ краемъ они познакомились близко и тогда же, вѣроятно, прискали свободное мѣсто въ замѣнъ Θεοδοσίи, худшее, но лежащее подальше отъ побѣдоноснаго Боспора, гдѣ и основали свою колонію. Осада Θεοδοσίи кончилась около 387 года, и это время можетъ считаться наиболѣе правдоподобнымъ временемъ основанія Херсонеса. Около этого же времени основана и другая колонія Гераклеи, товарка Херсонеса,—Каллатія. Возможно и вѣроятно, что и нѣсколько ранѣе образованія города въ Тавридѣ уже была торговая пристань тѣхъ же гераклеотовъ, не имѣвшая имени, а называвшаяся только по своему топографическому положенію, и что именно ее развили до степени города, сохранивъ ему и названіе, вполне отвѣчающее его положенію — полуостровъ (Χερσόνησος). Молчаніе о нашемъ городѣ Геродота, писавшаго за полвѣка ранѣе, подтверждаетъ сказанное о времени его основанія, тѣмъ болѣе, что Геродотъ былъ самъ въ Ольвіи, гдѣ не могли не знать условій сосѣднихъ прибрежій; онъ говоритъ о Таврахъ, близкихъ къ Херсонесу, но имени города не знаетъ.

Скилакъ Каріандскій, первый упоминающій это имя въ половинѣ IV вѣка, еще не называетъ его городомъ, а только торговой пристанью (ἐμπόριον). Ненахождение надписей ранѣе IV вѣка тоже подтверждаетъ сказанное; да и чеканъ монетъ, первый признакъ сколько-нибудь осѣвшаго и самостоятельнаго города, хотя бы и очень незначительнаго, въ Херсонесѣ начинается около половины IV вѣка, а это тоже не говоритъ за многими болѣе раннее основаніе его.

легко насчиталъ не менѣе семнадцати такихъ случаевъ, приводимыхъ какъ самое обычное дѣло ¹⁾). Видимо, его такія событія нисколько не удивляли, и нельзя же думать, что онъ вездѣ ошибался или выдумывалъ.

Дѣйствительно, Страбонъ въ другомъ своемъ разсказѣ, военномъ, не указываетъ, относится ли онъ къ Старому, или къ Новому Херсонесу; это умолчаніе и породило всѣ недоразумѣнія. Вѣроятно онъ, видя назидательность въ самомъ фактѣ, считалъ несущественнымъ вопросъ о томъ, гдѣ именно таковой произошелъ, а потому это и не показываетъ забывчивости автора, хотя и таковая, если бы была, нисколько не опровергла бы ранѣе сказаннаго. Ему разсказываетъ, положимъ, путешественникъ топографію мѣстности въ видѣ перипла,—онъ неуклонно повторяетъ сказанное; ему передаетъ воинъ, стратегъ, о совершенно иномъ, объ осадѣ города,—и это записываетъ Страбонъ доточно, не замѣчая, а можетъ быть и не зная, что оба разсказа ведутъ въ одно и то же мѣсто и точно говорятъ объ одномъ и томъ же городѣ. Если бы можно было знать, что Страбонъ и самъ не связывалъ оба свои разсказа, не зная ихъ зависимости, то это было бы лучшимъ доказательствомъ его точности и правдивости.

Необходимо на первомъ мѣстѣ замѣтить, что величина плоскости, заключающейся между двумя стѣнами на упомянутомъ полуостровѣ, вполне недостаточна для такого города, какимъ былъ древне-греческій Херсонесъ. Это замѣчаніе о недостаточности мѣста, столь важное, представляетъ, однако, только геометрическое недоразумѣніе. Понятно, что мало или довольно было мѣста для города, величина котораго совершенно неизвѣстна, мудро утверждать, но иное дѣло будетъ, если къ этому вопросу мы отнесемъ способомъ сравненія; тогда и окажется, что здѣсь мѣста было гораздо больше, чѣмъ въ Новомъ городѣ. Стѣна на перешейкѣ Казачьей бухты (*pq* карты), длиною 450 саж., защищала и отдавала подъ городъ весь полуостровъ, до мыса *E*. Въ этомъ и состояло несравненное преимущество этой мѣстности передъ какою бы то ни было иною на всемъ Гераклеискомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ, подъ городъ отходило и частью было дѣйствительно имъ за-

¹⁾ Зелисъ [III, 1, 8]; Эмпорія [III, 4, 8]; Локры Эпизефирійскіе [VI, 1, 7]; Сиритида-Гераклея [VI, 1, 14]; Сикіонъ [VIII, 6, 25]; Платей, Гель, Гелеонъ, Гилесіонъ [IX, 2, 17]; Плевронъ [X, 2, 4]; Пилена-Проскій [X, 2, 6]; Нерить [X, 2, 8]; Иліонъ [XIII, 1, 25]; Дарданъ [XIII, 1, 28]; Хриса [XIII, 1, 63]; Смирна [XIV, 1, 4]; Косъ [XIV, 2, 19].

нято (потому что тамъ повсюду видѣются развалины) громадное, обезпеченное стѣной пространство въ 850,000 квадр. сажень. Новый Херсонесъ въ своемъ наибольшемъ развитіи имѣлъ въ стѣнахъ всего около 84,000 квадр. сажень, да и для этого ему пришлось сдѣлать стѣну, со стороны суши только, длиною до 600 сажень; т. е., стѣна почти въ полтора раза большая могла закрыть территорію въдесятеро меньшую и не имѣвшую такихъ жизненныхъ удобствъ высокой важности для древняго населенія, какъ два соляныхъ озера, бывшихъ въ предѣлахъ Старога Херсонеса. Думаю, что именно эти обстоятельства и повліяли особенно сильно на первоначальный выборъ мѣста у Казачьей бухты. Вторая стѣна на перешейкѣ (*vs карты*) имѣла второстепенное значеніе, составляя тыльную защиту на случай особенной крайности, образуя родъ акрополя. Это мы заключаемъ изъ существа мѣстныхъ условій и въ особенности изъ того, что вторая стѣна сдѣлана вдвое тоньше главной передовой, 1,37 и 2,75 м. Такой весьма полезной тыльной защиты не имѣлъ новый городъ до самыхъ позднихъ временъ (Юстиніана I). Считаая не всю площадь полуострова, а только пространство между стѣнами, величина ея оказывается въ 45,000 квадр. сажень ¹⁾, и надо помнить, что ея немалая часть смыта открытымъ моремъ ²⁾. Не буду говорить, что и на такомъ, очень значительномъ пространствѣ отлично можетъ размѣститься древній городъ, замѣчу лишь, что нѣсколько далѣе, приводя и поддерживая мнѣніе, остроумное, но пока опровергаемое всѣми раскопками, о томъ, что Старый Херсонесъ занималъ малую часть городища Новаго Херсонеса, указываютъ и его предѣлы, а въ этихъ предѣлахъ территорія города исчисляется всего въ 30,000 квадр. сажень, т. е. значительно менѣе признанной вполне недостаточной. Да надо еще прибавить, что въ новомъ городѣ уже некуда было раздвинуться: спереди была стѣна, сзади—море. Итакъ, при всяческихъ условіяхъ, старый городъ у Казачьей бухты имѣлъ больше территоріи, чѣмъ раскапываемый нынѣ новый у Карантинной бухты.

Далѣе приводятся серіи разныхъ соображеній, указывающихъ необходимость большой территоріи для такого значительнаго города; а такъ какъ по вышесказанному ея гораздо больше въ старомъ, чѣмъ въ новомъ городѣ, то и разсматривать эти соображенія въ отдѣльности

¹⁾ Отчетъ за 1897, 37.

²⁾ Почему, подробно указано въ „Раскопкахъ Херс.“, 57.

нѣтъ надобности. Въ общемъ дѣло идетъ тамъ о большомъ политическомъ значеніи Херсонеса, объ его обширныхъ земельныхъ владѣніяхъ, о значительныхъ и важныхъ находкахъ, въ немъ сдѣланныхъ. Все это субъективно и можетъ быть понимаемо совсѣмъ иначе. Было бы слишкомъ долго разбирать каждый приведенный частный случай, но общую сущность моего мнѣнія объ обширности владѣній Херсонеса я высказалъ выше. Глядя безъ предвзятой мысли на его политическое значеніе, мы находимъ: молчаніе древнихъ авторовъ или указаніе лишь поражений Херсонеса (Амага) и потери имъ независимости (Миѳрадаты); позднее появленіе и незначительность монетнаго чекана: совершенную мелочность и даже ничтожность всѣхъ древнихъ находокъ, несмотря на семнадцатилѣтнія усиленные раскопки, нигде и нигдѣ въ Россіи еще не производившіяся въ столь обширныхъ размѣрахъ (находка склепа въ стѣнѣ есть необычайное исключеніе, уже и по этому самому ничего не доказывающее); полное отсутствіе необходимыхъ частей всякаго порядочнаго города,—общественныхъ зданій, храмовъ, портиковъ и проч., хотя бы въ небольшихъ развалинахъ; неизмѣніе крѣпостной ограды на новомъ мѣстѣ, исполненной только въ ничтожномъ размѣрѣ, да и то не до верху; наконецъ, ненахожденіе сколько-нибудь порядочнаго некрополя, вызвавшее особую, но невѣроятную гипотезу объ его покрытіи позднимъ расширеніемъ города. Каждое изъ этихъ оснований вполне согласуется со всѣмъ остальнымъ, составляя ту картину, послѣ которой на значительности Херсонеса въ древне-греческое время едва-ли можно особенно настаивать. Впрочемъ, настоящаго вопроса это не касается, и его рѣшеніе ни мало не связано съ значеніемъ города, которое могло быть и было внѣ всякой зависимости отъ мѣста его расположенія. Однако, чтобы показать, какъ различно можно относиться къ данной находкѣ, я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на одномъ примѣрѣ.

Въ доказательство того, что *городъ импль, повидимому, достаточныя средства*, указывается посвященная статуя Аѳины, изготовленная извѣстнымъ ваятелемъ Поликратомъ. Однако, въ дошедшей до насъ надписи на пьедесталѣ этой статуи названо только имя и къ тому же очень обыкновенное, а приуроченіе этого имени извѣстному ваятелю есть простая догадка, едва ли доказуемая ¹⁾). Статую славнаго

¹⁾ Латышевъ, Матер. по арх. Россіи № 9, 24—25=IosPE. IV, № 8.

художника, казалось бы, не поставили бы на грубый пьедесталъ. каковъ дошедшій до насъ. Это просто кусокъ мрамора, едва обобваненный, безъ малѣйшаго признака не то что художественной, но даже и какой бы то ни было архитектурной обдѣлки; нѣчто вполне невѣжественное и безграмотное. О художественномъ чутьѣ слѣдуетъ судить не по чужой статуѣ, если даже она и была, ибо купить ее не особенно трудно, а именно по сохранившемуся пьедесталу, работанному на мѣстѣ. Въ Херсонесѣ и это было удивительнымъ, почему сочли необходимымъ указать имя доморощеннаго художника. Не слѣдуетъ останавливаться на этомъ одномъ случаѣ, когда намъ извѣстно много прямо и точно подобныхъ. Всѣ пьедесталы статуй, найденные въ Херсонесѣ, состоятъ изъ совершенно безграмотныхъ, архитектурно говоря, простыхъ кусковъ мрамора. Даже своему спасителю Діофанту херсонесцы воздвигли монументъ въ видѣ простого, почти кубическаго куска мрамора, на верху котораго продолбили дыры для прочной заливки свинцомъ ногъ бронзовой статуи. Трудно выдумать что-либо болѣе ничтожно-жалкое, а вѣдь по народному постановленію эту статую должны были сдѣлать „какъ можно лучше“; что эти милые люди назвали бы просто хорошимъ, не могу себѣ и представить. Нѣтъ, о средствахъ херсонесцевъ, а въ особенности объ ихъ художественномъ чутьѣ, до сихъ поръ нѣтъ возможности говорить иначе, какъ въ самомъ отрицательномъ смыслѣ; быть можетъ, раскопки дадутъ намъ что-либо еще не бывалое, но надежды на это, послѣ семнадцати лѣтъ систематическихъ усилій, слишкомъ мало.

Если, тѣмъ не менее, вѣрить показанію Страбона, то представляются и еще другія затрудненія. Возникаетъ вопросъ, когда и по какой причинѣ херсонесцы рѣшились на необыкновенный шагъ перенесенія города на другое мѣсто. Большинство новыхъ ученыхъ (K o e h n e, Beiträge, S. 1, 15, G e o r g i, Geschichte Russlands, S. 127 и многіе другіе) приурочили основаніе „новаго города“, безъ всякихъ на то фактическихъ указаній, къ концу перваго вѣка до Р. X. Возникать вопросовъ можетъ очень много, но вѣдь Страбонъ тутъ не при чемъ, онъ не брался ихъ разрѣшать, а наше неумѣнье выяснитъ нами же спрашиваемое нисколько не служить доказательствомъ ошибочности древняго автора. Всѣ вѣрили Страбону и признавали существованіе Стараго Херсонеса, но такъ какъ никто не составилъ себѣ надлежащаго представленія о сущности его разсказа объ осадѣ, то никто и не сдѣлалъ изъ него должнаго вывода. Мѣсто

самой осады всё безъ исключенія искали въ разныхъ мѣстахъ, даже у никогда не существовавшихъ стѣнъ между Балаклавой и Инкерманомъ или между Севастополемъ и Балаклавой ¹⁾). Получались совершенно неимовѣрныя вещи, ни мало не соответствовавшія словамъ того самаго Страбона, которому всё такъ твердо вѣрили, но на это не обращали вниманія, а по вопросу о времени перенесенія города говорили и вовсе бездоказательно, не имѣя ни малѣйшей опоры ни въ чемъ. Когда я взялся объяснить должнымъ образомъ военный рассказъ, то тутъ же самъ собой получился и неизбѣжный выводъ: осада, о которой рассказываетъ Страбонъ, не указывая прямо ея мѣста, могла быть *только* на перешейкѣ у Казачьей бухты. Слѣдовательно возможно было косвенно думать, что и перенесеніе города или построеніе новаго состоялось лишь послѣ осады, но и тогда, а тѣмъ болѣе нынѣ, послѣ многолѣтнихъ раскопокъ, это кажется недопустимымъ. Въ виду найденнаго при раскопкахъ отвергли показаніе древняго географа, и даже я готовъ былъ признать у него ошибку, хотя и не могъ переварить этого, до такой степени сама мысль объ ошибкѣ въ данномъ случаѣ была для меня невѣроятна. Я видѣлъ возможность объяснить все нѣкоторымъ соглашеніемъ, но не рѣшался высказать его, не имѣя прочнаго основанія. Таковое дали раскопки послѣднихъ лѣтъ именно въ томъ, что всѣмъ казалось какъ бы самой тяжелой черепицей, павшей на память о достовѣрности Страбона. Судьба справедлива, а потому я и ставлю вновь этотъ вопросъ, только нѣсколько дополнивъ старую замѣтку.

Когда именно была осада, въ точности нельзя опредѣлить. Свои соображенія я привелъ выше; во всякомъ случаѣ можно считать, что это событіе произошло въ самомъ началѣ скинскихъ войнъ, т. е. около 115—110 годовъ до Р. Х. Самъ Страбонъ не только о времени переноса города, но и о самомъ переносѣ вовсе не говоритъ, а потому можно предполагать какое угодно время и въ этомъ уже находить достаточное соглашеніе показаній географа съ раскопками. Дѣла это намъ не выяснитъ окончательно, но возможность соглашенія укажетъ.

Относительно мнѣнія разныхъ авторовъ объ осадѣ и переносѣ города

---

¹⁾ См. *Зам. Од. Общ.*, XI, 263—268. Тамъ, надѣюсь, достаточно твердо доказана совершенная невозможность предположенія стѣны на этомъ пространствѣ, не принадлежавшемъ Херсонесу, нелѣпомъ въ смыслъ обороны и невозможномъ для его средствъ.

я долженъ сказать, что совсѣмъ не знаю рѣшительно никого изъ ученыхъ, относящаго осаду къ городу у Казачьей бухты, а о перенесеніи города на новое мѣсто въ концѣ I в. до Р. X. говорятъ только Георги и отчасти Аркасъ, не связывая этого событія съ осадой. Оба они писали давно, мимоходомъ, безъ малѣйшаго признака доказательствъ, а первый видимо и несомнѣнно спуталъ время установленія эры Херсонеса (по Беку) съ временемъ построения новаго города. Считаю полезнымъ привести объ этихъ двухъ вопросахъ, осадѣ и построении новаго города, мнѣнія наиболѣе видныхъ авторовъ, которые всѣ въ сущности пользовались однимъ и тѣмъ же матеріаломъ и всѣ, конечно, твердо и безусловно признавали существованіе Старога Херсонеса у Казачьей бухты.

Палласъ—осада у несуществовавшей стѣны между Балаклавой и Инкерманомъ; время переноса города не опредѣляетъ ¹⁾).

Кларкъ—осада и на мѣстности Новаго Херсонеса, и у мнимои балаклавской стѣны, кому что угодно; время переноса, по смыслу имъ говореннаго, считаетъ не позже II вѣка до Р. X. ²⁾).

Муравьевъ—осада въ новомъ городѣ; времени его построения не указываетъ, но по смыслу всего считаетъ это не позже II в. до Р. X. ³⁾).

Дюбуа—осада у балаклавской стѣны и Инкерманской крѣпости, переносъ города ранѣе Агасикла, т. е. III в. до Р. X. ⁴⁾).

Георги—объ осадѣ вовсе не говоритъ, временемъ построения новаго города считаетъ точно 38 годъ до Р. X. Даже Кене замѣчаетъ, что у этого автора „не примѣтно тщательнаго историческаго изслѣдованія“, съ чѣмъ нельзя не согласиться ⁵⁾).

Аркасъ—осада у балаклавской стѣны, переселеніе послѣ Миерата, безъ признака какого-либо основанія или объясненія ⁶⁾).

Нейманъ—осада у балаклавской стѣны; времени построения новаго города не опредѣляетъ ⁷⁾).

¹⁾ Pallas, Bemerk. auf einer Reise in die südl. Staath. (1801), II, 66—72.

²⁾ Clarke, Travels [1810], I, 497, 560, 566; на стр. 551 довольно подробный планъ мѣстности Старога Херсонеса.

³⁾ Муравьевъ, Путешествіе по Тавридѣ [1823], 79—82.

⁴⁾ Dubois, Voyage (1843), VI, 250—252, 175—6, 178.

⁵⁾ Georgi, Alte Geographie. Das europ. Sarmat. und d. taurisch. Cherson. (1845), 387; точно то же подъ заглавіемъ: Das europ. Russland in sein. ältest. Zust., 127.

⁶⁾ Аркасъ, Описаніе Иракл. полуостр. (1848), Зап. Од. Общ. II, 246—247

⁷⁾ Neumann, Die Hellenen im Skythenlande (1855), I, 387, 399, 418.

Беккеръ—осада совѣтъмъ особенной, имъ выдуманной, совершенно физически невозможной стѣны; построение новаго города ранѣе III в. до Р. X. ¹⁾).

Брунъ видитъ Старый Херсонесъ у выдуманнаго имъ мыса, близъ Георгіевскаго монастыря, стѣну и осаду—гдѣ-то около Севастополя и даже на Малаховомъ курганѣ ²⁾).

Кене—осада не извѣстно какой стѣны, гдѣ-то около Ингермана; переносъ города во II вѣкѣ, а въ другомъ сочиненіи прямо и опредѣленно указывается для этого 400 годъ до Р. X. ³⁾

Юргевичъ—осада въ новомъ городѣ, переносъ его задолго до Мирадата ⁴⁾).

Тирионъ—осада балаклавской стѣны, о времени переноса не говоритъ ⁵⁾).

Брандисъ объ осадѣ не говоритъ, балаклавской стѣны не касается, переносъ города полагаетъ около начала III в. до Р. X. ⁶⁾

Можно было бы больше назвать авторовъ, но это главнѣйшіе, и я думаю, что ихъ довольно для показанія единодушной вѣры въ слова Страбона и разнообразія мнѣній по вопросу о времени переноса города.

Одни усматриваютъ причину такого перенесенія города въ описанной Страбономъ удачной осадѣ древняго Херсонеса со стороны Скивовъ. Но при этомъ слѣдовало бы ожидать, что херсонесцы искали себѣ болѣе защищеннаго природой и легче укрѣпляемаго мѣста для основанія новаго поселенія; однако, историческій Херсонесъ расположенъ въ болѣе открытой и труднѣе обороняемой отъ нападенія враговъ мѣстности; совершенно немыслимо, чтобы эта мѣстность была избрана для новаго города непосредственно послѣ сильнаго пораженія отъ Скивовъ. Согласенъ, что мѣстность историческаго (т. е. Новаго) Херсонеса нѣсколько хуже для обороны, впрочемъ, только потому, что стѣна длиннѣе, но ни

¹⁾ Becker. Die herakl. Halbins. (1856), 12—17, 62—63. Авторъ считался хорошимъ знатокомъ мѣстныхъ условій, почему я и счелъ полезнымъ показать физическую невозможность его предположеній. См. Остатки др. сооруж., *Зап. Од. Общ.* XIV, 269—270.

²⁾ Брунъ, Древняя топогр. Иракл. полуостр., *Черноморье* [1879], I, 65—69. Его же, *Notice sur les colonies en Gazarie* (1866), 68.

³⁾ Кёне, Исслѣдов. [1848], 6, 10, 16—19, табл. IX. Его же, Музей Кочубея [1856], I, 129, 259.

⁴⁾ Юргевичъ, Психисмъ Діоф., *Зап. Од. Общ.* (1881), XII, 2—5.

⁵⁾ Thirion, *De civitatibus in Chers. Taur.* (1884), 31—32, 68.

⁶⁾ Brandis, *Chersonesos*, *Real-Enc. v. Pauly-Wissowa*, IV Halbb. (1899), 2264—5.

почему болѣе; никакой особенной, сравнительно говоря, открытости тутъ не имѣется и при одинаково построенныхъ стѣнахъ будетъ равносильна и оборона, требуя лишь большаго гарнизона. Очевидно также, что на новое мѣсто не перешли бы послѣ пораженія Скиѳами, да еще и непосредственно, послѣ удачной осады послѣдними. Думаю, что послѣ такой катастрофы не то что переходить куда-либо не стали бы, но и на старомъ мѣстѣ немного бы уцѣлѣло, такъ какъ все было бы перебито ворвавшимися въ городъ варварами. Все это такъ, только свѣдѣніе объ удачной осадѣ, о мнимой побѣдѣ Скиѳовъ, есть простая обмолвка. Въдѣ у Страбона точно и ясно указано, съ объясненіемъ обстоятельствъ дѣла, совсѣмъ противоположное, а иного источника не имѣется¹⁾). Осада была *неудачна* для Скиѳовъ; благодаря выше разсказанной стратегіи, городъ и царскія войска въ немъ сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока побѣдили. Послѣ такой памятной осады послѣдовали въ скорости нѣсколько разъ повторенные погромы Скиѳовъ, и когда въ степяхъ все усмирили, а Миѳрадъ воздвигъ трофеи побѣды, то бояться было нечего, особенно за спиной великаго царя, и свободно можно было переходить жить куда угодно. Впрочемъ, я уже показаль, что такого перехода города рѣшительно никто не предполагаль, кромѣ явнаго недоразумѣнія у одного Аркаса.

Въ виду негодности названной причины переселенія, говорится, что другіе ученые высказывались просто за переносъ города подъ вліяніемъ его развитія, въ чемъ усматривается, и справедливо, значительная неясность. Я разбирать этого мнѣнія не буду, потому что каковы бы ни были догадки ученыхъ, онѣ ни малѣйшимъ образомъ не касаются Страбона и вовсе не основываются на его словахъ, а онъ только въдѣ за послѣднія и отвѣчаетъ; собственныя наши мнѣнія нисколько не могутъ служить его обличеніемъ.

Этимъ и кончаются всѣ опроверженія, данныя многуважаемымъ авторомъ, и я совершенно не могу понять, почему послѣ нихъ показаніе Страбона является весьма мало правдоподобнымъ, такъ какъ изъ вышесказаннаго видно, что всѣ опроверженія заключаются въ случайныхъ недоразумѣніяхъ и не только не опровергаютъ Страбона, но большею частью до него и не относятся.

¹⁾ Страбонъ, VII, 4, 7.

Затѣмъ слѣдуетъ довольно подробное перечисленіе существа находокъ изъ раскопокъ на почвѣ Новаго Херсонеса, которыя будто бы должны пошатнуть окончательно вѣру въ извѣстія древняго географа. Странное дѣло, найденъ большой городъ, съ крѣпостными стѣнами и со всѣмъ, конечно, составомъ того, что въ городѣ можетъ находиться; найденъ именно тамъ, гдѣ указывалось, и все это будто бы опровергается находками составныхъ частей другого города (надписи, черепки, монеты и проч.). Мнѣ кажется, что на такомъ пути не только что опроверженіе, но и простая его возможность не могутъ оказаться. Все подобное, доказывая положительно существованіе новаго города, насколько не можетъ служить поводомъ для отверженія бытія стараго, тѣмъ болѣе, что и одновременное ихъ положеніе мыслимо, вообще говоря, а въ настоящемъ случаѣ даже рѣшаетъ всѣ недоумѣнія. Подробно всего не стану разсматривать, такъ какъ, по моему разумѣнію, все это также не опровергаетъ Страбона и даже вовсе до него не касается. Еще разъ замѣчу, что онъ о переносѣ города ничего не говорилъ, указавъ только бытіе двухъ Херсонесовъ, одного въ его время разрушеннаго и другого цѣлаго, на разныхъ мѣстахъ; времени для построенія новаго города онъ не указывалъ и за фантазіи нашихъ ученыхъ, сколь бы онѣ ни были остроумны, не отвѣтчикъ. Твердо думаю, что намъ приходится не опровергать щегольски точныя показанія, въ суммѣ своей почти математически точныя, а согласовать съ ними все находимое, признавъ ихъ столь же твердо обоснованнымъ фактомъ, какъ и любая находка, держимая нами въ рукахъ. Такое согласованіе давно само напрашивается, но только нынѣ его можно высказать, получая опору именно въ раскопкахъ Новаго Херсонеса, за неимѣніемъ раскопокъ Стараго.

Занявъ наиболѣе легко, удобно и просто обороняемый полуостровъ близъ Казачьей бухты, примѣрно около конца V или начала IV вѣка, и построивъ тамъ городъ, не всѣ граждане долго усидѣли на мѣстѣ. По многимъ причинамъ положеніе ихъ было не блестящее, и немудрено, что скоро они стали искать лучшаго, знакомясь постепенно съ условіями страны вообще и ближайшихъ окрестностей въ особенности. О причинахъ, понуждавшихъ ихъ искать иного, а затѣмъ и переселяться, не стану говорить; онѣ субъективны и могутъ быть понятными лишь тому, кто долго жилъ на этихъ мѣстахъ, да и въ та-

вомъ случаѣ можно сознать природныя условія, но не возсоздавать всю обстановку древнихъ. И теперь спорятъ хуторяне вокругъ Севастополя, гдѣ лучше, близъ маяка (Старый Херсонесъ), или близъ города (Новый Херсонесъ); вкусы и понятія не сходятся и нынѣ. Въ дѣлѣ переселенія не необходимы какія-нибудь 'рѣзкія, непреодолимыя причины, можетъ быть совершенно достаточно примѣра, личнаго влеченія, моды, а тѣмъ болѣе партійныхъ, политическихъ, соціальныхъ распрей и т. под. Очень рѣзкихъ различій, въ хорошую или дурную сторону, обыкновенныя мѣстности и не представляютъ, въ особенности для новыхъ людей. Какъ трудно устанавливаются причины основанія города именно на данномъ мѣстѣ, а не на иномъ, сосѣднемъ, довольно вспомнить городъ слѣпцовъ (Калхедонъ), которые не заняли свободнаго мѣста будущей Византіи, а поселились напротивъ; но и они вѣдь чѣмъ-либо были направляемы. Не только трудно высказаться, почему люди тянули когда-то къ тому, а не иному мѣсту, въ настоящемъ случаѣ къ Старому и Новому Херсонесу (партійные раздоры, близость большого рейда для рыбной ловли, большее обиліе прѣсной воды, совершенно невѣдомыя намъ политическія отношенія къ сосѣдямъ), но мнѣ кажется, что это и бесполезно въ разсматриваемомъ вопросѣ.

Такъ или иначе, горожане въ Старомъ Херсонесѣ не сидѣли на мѣстѣ, а стали занимать окрестности, по какимъ-то причинамъ все болѣе и болѣе скучиваясь и осѣдая въ мѣстности Новаго Херсонеса, на столько прочно, что къ III в. одинъ изъ нихъ надумалъ выстроить тамъ даже и ограду, лучшую, чѣмъ въ старомъ городѣ, быть можетъ, именно въ видахъ соперничества; однако, изъ этого сколько-нибудь цѣльнаго огражденія не вышло. Много ли собралось гражданъ въ новомъ городѣ, сколько ихъ оставалось въ старомъ, нельзя опредѣлить даже и относительно; мнѣ кажется только возможнымъ утверждать, что если ихъ и было большинство въ новомъ городѣ, то и старый все-таки не былъ покинутъ совершенно до осады. Самое построеніе новаго города никоимъ образомъ не могу себѣ представить въ видѣ одновременнаго перетаскиванія стараго по чьему-то приказу. Конечно, никто не думалъ ломать въ немъ и разбирать общественныя зданія, храмы, памятники, надписи и забирать самыя ихъ камни. Все подобное если, частью, и переносилось, то крайне медленно и, вѣроятно, въ очеvь позднее время, а храмы, конечно, оставались всего долѣе нетрону-

тыми. И тамъ навѣрно были консерваторы, упорно и долго отстаивавшіе и святыни, и могилы отцовъ. Можетъ быть, не напрасно и не по ошибкѣ, какъ и все остальное, сказала Страбонъ, что на мысѣ Парѣниіи хотя городъ и въ развалинахъ, но храмъ богини и ея статуя тамъ сохранились ¹⁾. Какъ бы то ни было, но во времени скиѣскихъ войнъ старый городъ былъ еще цѣль, и за его стѣнами, хотя старыми, но все же прочными, нашли себѣ спасеніе всѣ граждане, покинувъ открытый новый городъ, въ которомъ къ тому времени были, такъ сказать, образцы, пробы военного стѣностроительства, но не было крѣпостной ограды. Обо всемъ этомъ говорено выше подробно.

Успѣшно выдержавъ осаду, избавившись отъ набѣговъ Скиѣовъ, граждане возвратились въ новый городъ. Разореніе тамъ, конечно, было, но за то побѣды царя дали достаточную обезпеченность въ будущемъ, и новый городъ заселили всѣ граждане, примиренные общей бѣдой; а умудренные горькимъ опытомъ, они начали возводить тамъ и стѣны въ большомъ размѣрѣ. Быть можетъ, и плотина, которой пересыпали бухту стараго города, испортила туда входъ, хотя разобрать ее было не трудно въ достаточной степени. Все это вліяло на то, что старый городъ съ этой поры забросили окончательно, почему онъ и оказался разрушеннымъ во времени Страбона, т. е. слишкомъ цѣлымъ вѣкомъ позже. Подобное объясненіе, само по себѣ совершенно естественное, отвѣчаетъ рѣшительно всему намъ извѣстному и находящему, крупному и мелкому, вполне соглашая все это съ безусловно точнымъ и достаточно подробнымъ указаніемъ Страбона, который, такимъ образомъ, съ честью выходитъ изъ-подъ сомнѣнія въ настоящемъ случаѣ. Рѣшенію этого вопроса должно способствовать исполненіе систематическихъ и долгихъ раскопокъ на мѣстности близъ Казачьей бухты и по всему полуострову до маяка. Все это слѣдуетъ допросить и выслушать, какъ и всякую другую сторону. Для этого я пишу и увѣренъ, что раскопки тамъ должны дать очень многое: ограду, храмы, некрополь, всяческіе остатки; все это, правда, небольшого, бѣднаго даже города, но за то очень опредѣленнаго времени, не позже I в. до Р. Х., безъ примѣси (кромѣ случайностей) многовѣковыхъ наслоеній.

Ростовъ на-Д. 1898.

Ялта 1906.

¹⁾ В. В. Латышевъ отрицаетъ такое пониманіе словъ Страбона и думаетъ, что храма на мысѣ не было. См. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1892, № 4, отд. класс. фил. 6—9.

Замѣченныя опечатки и поправки.

Стр.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
57	3 св.	склепъ измѣнялся	склепъ не измѣнялся
"	28 "	частное	честное
59	13 "	долгое время	и долгое время
67	5 "	горное	горнее
"	6 "	представляетъ	представляетъ
91	6 "	12—27.	12—21.
93	24 "	въ водѣ уровня	въ водѣ ниже уровня
109	1 сн.	въ открытой	въ открытой
111	5 "	приближать	приближаться
112	14 "	Открывъ	1) Открывъ

Дополненіе къ примѣчанію на стр. 125.

Ростверки оказываются выше уровня воды, а потому и выгнили, оставивъ лишь дыры и очень небольшіе куски, по которымъ видно, что они были сосновые, около 0,15 м. шириной и высотой. И теперь употребляются для такой цѣли бревна приблизительно тѣхъ же размѣровъ. Кстати, я тутъ вспоминаю беспочвенныя сужденія, поэтому ни къ чему и не ведущія, о мнимыхъ опусканіяхъ или поднятіяхъ береговъ въ историческія времена. Много лѣтъ мы слышали о сильномъ поднятіи береговъ, въ послѣднее время обнаруживается тенденція предполагать въ Херсонесѣ ихъ опусканіе, къ чему, разумѣется, также нѣтъ никакого основанія; напротивъ того, по крымскимъ берегамъ можно скорѣе подмѣтить ихъ поднятіе, говоря въ смыслѣ огромнаго времени новѣйшихъ геологическихъ образованій. Въ пользу того же могли бы говорить и эти ростверки, если допустить, что они были заложены хорошо и поднялись лишь вмѣстѣ съ берегами; но такъ какъ они заложены гораздо выше фундаментовъ перваго яруса, то здѣсь очевидна просто скверная работа. Какъ бы то ни было, техническій интересъ этого мѣста большой, и очень было бы желательно добраться раскопками до того, какъ основаны въ этихъ мѣстахъ стѣны, что вовсе не особенно трудно, съ помощью небольшого откачиванія воды.

